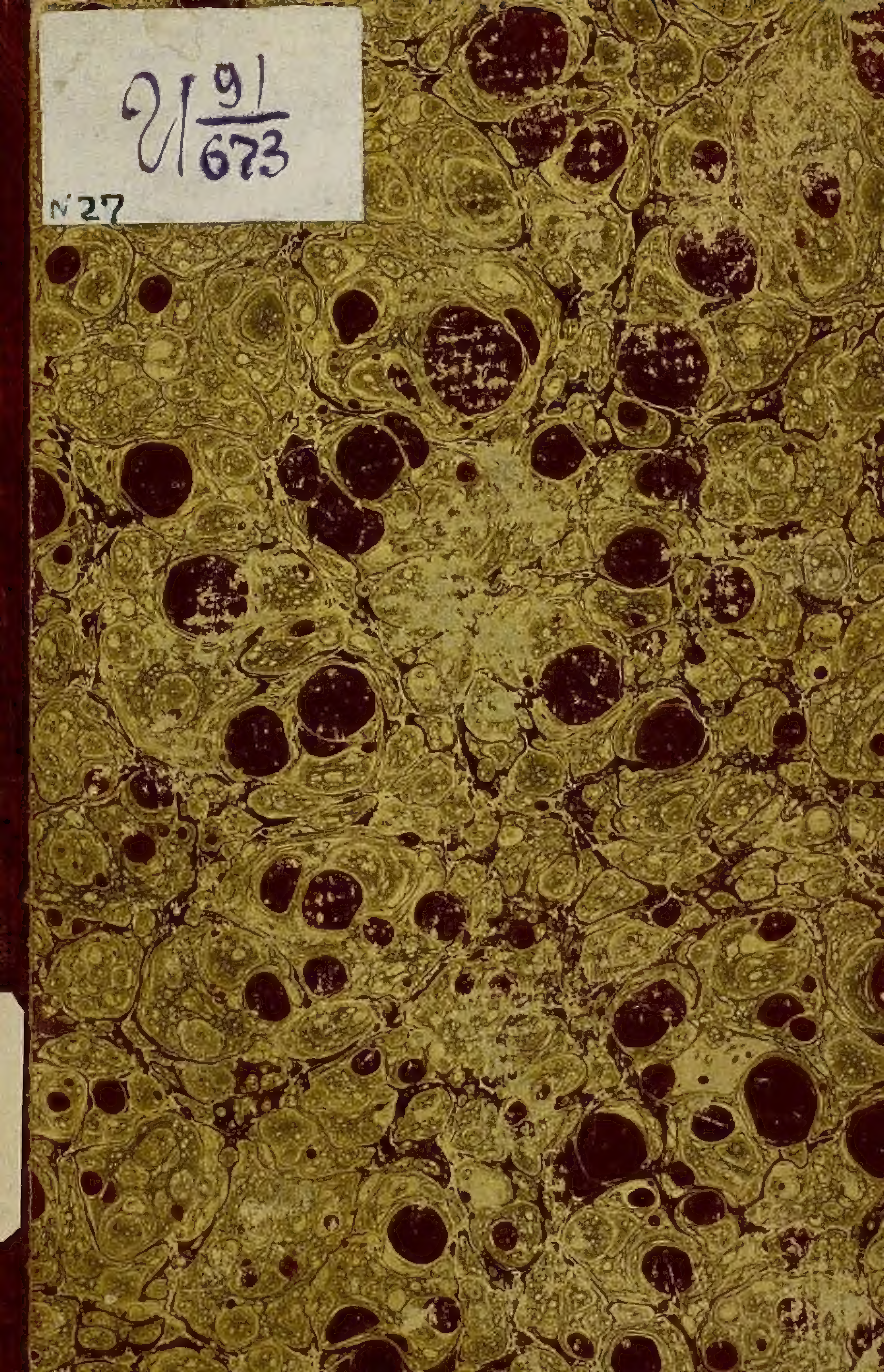

ЗАПАДНАЯ РУСЬ

ВЪ БОРЬБѢ

ЗА ВѢРУ И НАРОДНОСТЬ.

Часть I.

СОСТАВИЛЪ

И. И. Малышевскій.

РЕДАКЦІЯ

В. И. Шемякина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1895.

Отъ редакціи „ПРИХОДСКОЙ БИБЛІОТЕКИ“.

Въ настоящее время правительство и общественныя учрежденія озабочены развитіемъ грамотности и распространеніемъ въ народѣ полезныхъ знаній. Но учитъ не одна школа, а жизнь вообще и въ особенности хорошая книга. Школа не только должна научить читать, но и развить въ учащихся любовь къ чтенію и способность понимать доступную книгу. Не выполняя этихъ условій, школа не выполнитъ своего назначенія. Естественною бытовою и духовно-просвѣтительною единицей земли русской является приходъ. Въ православномъ приходѣ, подъ сѣнію церкви, созидается школа, а рядомъ съ нею должна стоять приходская читальня и библіотека. Приходская школа и приходская библіотека тѣсно связаны между собою, взаимно дополняютъ другъ друга и одна безъ другой немыслимы. Мы далеки отъ мысли что-либо сочинять для народа. Наша скромная цѣль—выбирать изъ области нашей богатой литературы все полезное и доступное для грамотнаго читателя. Редакторомъ и его сотрудниками руководитъ мысль, кѣмъ-то давно высказанная, но рѣдко осуществляемая на дѣлѣ, что «народу впору только самое лучшее». Конечно, не легко выполнить эту задачу, но мы по мѣрѣ силъ будемъ стремиться къ ея осуществленію. Надѣемся на благосклонное содѣйствіе литераторовъ и ученыхъ нашихъ, сочувствующихъ распространенію образованія среди народа русскаго, жадно стремящагося къ свѣту ученія Христова и къ полезнымъ для жизни знаніямъ. Наше изданіе, выходящее отдѣльными выпусками (отъ 10 до 20 томиковъ каждый) и предназначенное для учительскихъ библіотекъ начальныхъ школъ, для сельскихъ и церковныхъ читаленъ и библіотекъ и вообще для чтенія грамотныхъ людей прихода, состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. Церковный. Извлеченія и цѣлыя статьи изъ твореній святыхъ отцовъ Церкви, замѣчательныя проповѣди, житія святыхъ и описаніе наиболѣе чтимыхъ православныхъ обителей.

II. Историческій. Очерки русской и славянской исторіи—церковной и гражданской. Жизнеописаніе замѣчательнѣйшихъ историческихъ дѣятелей русско-славянскаго міра. Описаніе историческихъ памятниковъ и мѣстностей.

III. Литературный. Лучшія, доступныя грамотнымъ людямъ, произведенія русской, славянской и иностранныхъ литературъ—въ цѣломъ видѣ, отрывкахъ и сокращеніяхъ, съ жизнеописаніями авторовъ и примѣчаніями.

IV. Географическій. Очерки природы, быта и промышленности Россіи и земель, населенныхъ славянами, съ приложеніемъ географическихъ картъ.

V. Сельскохозяйственный. Статьи и очерки сельскаго хозяйства и технологіи, примѣнительно къ разнымъ мѣстностямъ Россіи, съ указаніями на успѣхи сельскохозяйственныхъ знаній за границей.

V. Пѣвческо-музыкальный.

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

ЗАПАДНАЯ РУСЬ
ВЪ БОРЬБѢ
ЗА ВѢРУ И НАРОДНОСТЬ.

Часть I.

СОСТАВИЛЪ
И. И. Малышевскій.

РЕДАКЦІЯ
В. И. Шемякина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
СУНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1895.

От С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 19 Мая 1895 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

Оглавленіе и содержаніе.

ГЛАВА I.

Западная Россія при Русскихъ Галицко-Волынскихъ Князьяхъ и при первыхъ Литовско-Русскихъ Князьяхъ. Православіе и русская народность въ Литвѣ.

1. Начальное единство Русской земли или Россіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ, по выраженію преподобнаго Нестора лѣтописца, пошла есть земля Русская, т. е. какъ началось бытіе нашей родной Россіи, возъимѣла она, по милости Божіей, твердыя основы своего единства, а съ нимъ и своей силы. Первою основою ея начальнаго единства послужила однородность того наиболѣе численнаго и сильнаго населенія, изъ котораго главнымъ образомъ составился Русскій народъ. Это населеніе состояло изъ славяно-русскихъ племенъ, каковы: поляне, сѣверяне, бужане или волыняне, древляне, дреговичи, кривичи, полочане, славяне новгородскіе, радимичи, вятичи. Племена эти происходили изъ одного общаго Славянскаго корня, говорили одною, родившеюся изъ славянскаго языка, русскою рѣчью; и въ этой родной, понятной всѣмъ рѣчи имѣли наиболѣе вѣрный знакъ своего кровнаго родства, своего племеннаго и всенароднаго единства, т. е. кореннаго единства всѣхъ славяно-русскихъ племенъ, составившихъ русскій народъ.

Другою основою начальнаго единства Русской земли была единая государственная власть русскихъ князей, положившая въ ней начало единому государству. Силою этой власти славяно-рус-

скія племена, давно осѣвшіяся по далекимъ пространствамъ великой земли русской, но жившія особо своими родами по городамъ и селамъ, приведены въ союзъ государственный; въ этомъ союзѣ и начался для нихъ общій законъ и порядокъ, и ихъ особыя силы стали соединяться въ общую силу всей земли русской, и русскіе славяне стали чувствовать себя людьми единой земли русской, гражданами единаго русскаго государства. При Владимірѣ Святомъ и сынѣ его Ярославѣ Мудромъ государственная власть, какъ единая власть земли русской простиралась изъ престольнаго Кіева на сѣверъ до Новгорода и далѣе на востокъ въ предѣлы приволжскаго края, на западъ на Волынь и Червонную Русь до Карпатскихъ горъ, и на югъ достигла низовьевъ Дона и Черноморья. Тогда русское государство, какъ говоритъ славный историкъ Карамзинъ, было едва-ли не самымъ обширнымъ изъ государствъ Европы. Послѣ Владиміра и Ярослава государственная власть раздробилась и кромѣ одного Великаго Князя Кіевскаго настало много удѣльныхъ русскихъ князей, владѣвшихъ по удѣльнымъ городамъ и областямъ. Но всѣ эти князья были одного роду-племени, были изъ потомковъ Влидиміра и Ярослава; съ этимъ единствомъ княжескаго рода, властвовавшаго по всей Руси, сохранялось представленіе о ея начальномъ государственномъ союзѣ и единствѣ, о которомъ напоминаетъ еще долго державшаяся власть Великаго князя Кіевскаго.

Третьею уже духовною и самою глубокою основою единства земли Русской были единая вѣра христіанская, православная, насажденная при св. Владимірѣ и послѣ него во всѣхъ племенахъ славяно-русскихъ, а съ нею и единая христіанская

Православная Церковь съ ея богослуженіемъ на родномъ славянскомъ языкѣ, съ ея святынями, съ ея церковнымъ устройствомъ, во главѣ котораго была единая духовная власть Кіевскаго митрополита. На этой духовной основѣ зарождалось въ русскомъ народѣ чувство единовѣрія, братства въ вѣрѣ, братства христіанскаго, такъ-что русскіе люди обыкли звать себя преимущественно христіанами, а свою землю—русскою христіанскою землею. Чувствомъ единовѣрія освящалось и укрѣплялось въ русскомъ народѣ чувство единоплеменства и единоземства или согражданства.

Съ самого начала въ предѣлахъ и особенно на окраинахъ Русской земли жили и другія не славяно-русскія племена, а инородческія, какъ литва и латыши на сѣверо-западѣ, разныя финскія племена (Чудь, Корелы, Лопари, Зыряне, Мурома, Мордва) на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, Половцы и другіе на югѣ. Но то были или небольшія племена, или хотя и большія, но слабыя, или же хотя и большія и сильныя, но—бродячія кочевыя, не прикрѣплявшіяся къ Русской землѣ. Одни изъ нихъ были подвластны Руси и платили дань ей, какъ говоритъ преподобный лѣтописецъ; другія оставались независимы и даже воевали съ Русью. Но всѣ они были, такъ сказать, недоростками на русской землѣ въ сравненіи съ Русскими славянами,—не доросли до такого государственнаго союза, какъ послѣдніе. А главное—всѣ они отстали отъ нихъ по вѣрѣ, ибо оставались въ своей старой языческой вѣрѣ и не знали вѣры христіанской, которая сразу дала превосходство надъ ними Русскому христіанскому народу. Ему-то и суждено было Промысломъ Божіимъ возгосподствовать безраздѣльно на всей рус-

*

ской землѣ и надъ всѣми инородцами ея; просвѣщать ихъ христіанскою вѣрою и чрезъ это роднить ихъ съ собою, воспринимать въ христіанское братство и въ составъ единаго христіанскаго государства Русскаго.

Но какъ въ жизни людей, такъ и въ жизни цѣлыхъ странъ, народовъ и государствъ бываютъ испытанія и превратности, постигающія ихъ по собственной винѣ ихъ, или по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ. Были такія испытанія и превратности и въ исторической жизни Россіи, грозившія поколебать народное, государственное и религіозное единство ея и причинить ей раздѣленіе на двѣ части—Западную и Восточную Россію.

2. Начальная подготовка раздѣленія земли Русской на Западную и Восточную.

Древняя Русь отчасти и сама подготовила свое распаденіе на Западную и Восточную. Когда послѣ Ярослава Мудраго, единовластца всей Руси, настало въ ней много удѣльныхъ князей, а потомъ число ихъ болѣе и болѣе прибывало отъ разроставшагося княжескаго рода, то далеко не всегда сохранялись между ними братская любовь и согласіе, какъ-то, къ сожалѣнію нерѣдко бываетъ и во всякихъ людскихъ семьяхъ и людской роднѣ. Дробились княжескіе удѣлы изъ-за удѣльныхъ и разныхъ себялюбивыхъ счетовъ, множились распри и усобицы между князьями, городами и областями, умалилось значеніе Кіевскаго Великаго Князя, какъ единаго старшаго между князьями и главы ихъ, и значеніе Кіева, какъ старшаго города и главы всей и единой земли русской. Правда, память о главенствѣ Великаго князя и Кіева, о братствѣ князей не пропадала; и не замирало въ народѣ чувство братства по племени, по вѣрѣ, по единой и родной землѣ русской. Бывало, что князья ихъ, бояре и

дружины изъ народа по увѣщаніямъ пастырей, по голосу лучшихъ князей братолюбцевъ (какимъ былъ особенно правнукъ святаго Владиміра Владиміръ Мономахъ) соединялись для защиты земли Русской отъ разныхъ недруговъ, для улаженія домашнихъ распрей и т. п. Этимъ только смягчалось зло розни, но, къ несчастью, не совсѣмъ искоренялось и необходимо вело къ ослабленію и всей земли русской. Правда и то, что съ умноженіемъ княжескихъ удѣловъ, разросталось число городовъ и поселеній въ русской землѣ, а въ замѣнъ упадавшаго главенства Кіева и Кіевскаго князя, выростали силы князей Владимірскихъ и Суздальскихъ на сѣверо-востокѣ и Волынскаго и Галицкаго на юго-западѣ. Дорогъ былъ для будущаго этотъ запасъ силъ; но пока они не доросли, не могли они ни стянуть къ себѣ силы всей земли Русской, ни замѣнить ихъ; и, дѣйствуя раздѣльно по своимъ областямъ, они подготовили пока лишь почву для раздѣленія Руси на Сѣверо-Восточную и Юго-Западную, иначе говоря: Восточную и Западную. Еще рѣшительнѣе воздѣйствовало на такое раздѣленіе земли Русской послѣдовавшее съ конца 30-хъ годовъ XIII вѣка порабощеніе Руси Монголами или Татарами. Изъ далекихъ странъ Азіи нахлынула страшная орда Татарская на Русскую землю,—сперва восточную, потомъ югозападную часть ея.

Раздробленная на мелкіе удѣлы, ослабленная распрями и усобицами князей, городовъ и областей, раздвоившая главныя свои силы по двумъ половинамъ своей земли, Русь христіанская не смогла осилить татаръ. Избивъ въ своихъ походахъ по Русской землѣ многихъ князей и несчетное множество народа, разоривъ многіе земли и города, въ томъ числѣ Владиміръ на сѣверѣ и Кіевъ на югѣ, Татары

стали надолго властвовать надъ Русью. Благочестивые предки наши сами еще справедливо сознавали, что такія бѣдствія постигли Русскую землю именно за ея же грѣхи, особенно за грѣхи розни и вражды князей и областей. Но они же признавали милость Божію въ томъ, что не погибла Русь отъ татарскаго погрома и ига. Они сохранили свою святую вѣру и церковь, которой не гнали Татаре, своихъ князей и пастырей, уставы гражданскіе и церковные и свой бытъ народный. Мало того: подпавъ власти невѣрныхъ иноплеменниковъ, Русь еще болѣе прикрѣпилась къ своей вѣрѣ, въ которой находила главное отличіе свое отъ поработителей и главное утѣшеніе въ бѣдахъ и тягостяхъ татарскаго ига; и еще болѣе полюбила свою русскую, христіанскую народность, какъ именно народность свою, родную, общую русскимъ людямъ всей земли Русской; пріучалась видѣть въ ней и свое единство и постоянство предъ пришельцами поработителями. Вразумленная постигшимъ ее испытаніемъ, Русь могла подняться отъ разоренія, собрать свои силы, чтобъ вновь расти и крѣпнуть. Но этотъ новый ростъ ея имѣлъ уже на долгое время совершаться раздѣльно по двумъ полосамъ земли Русской-Восточной и Западной. Монгольскіе властители, примѣтивъ въ землѣ Русской существованіе двухъ сильнѣйшихъ князей, не желали и не могли перечить такому порядку и признали Владимірскаго князя старшимъ т. е. великимъ княземъ на сѣверѣ, а Галицко-Волынскаго на югозападѣ. Старшимъ княземъ на сѣверѣ сталъ Ярославъ Всеволодовичъ, отецъ св. Александра Невскаго, а на юго-западѣ Даніилъ Романовичъ Галицкій—оба потомки славнаго Владиміра Мономаха. Кіевъ же, крайне разоренный и умалившійся, остался безъ

своего князя. Такимъ распоряженіемъ Монгольскихъ властителей много подкрѣпилось уже прежде подготовленное раздѣленіе Руси на Восточную и Западную.

3. Объединеніе сѣверо-восточной Россіи или Великороссіи подъ властію московскихъ великихъ князей.

Сильнѣе и счастливѣе пошелъ ростъ Сѣверо-Восточной Руси или *Великороссіи*. Она была шире пространствомъ, сильнѣе селеніемъ, навсегда удержала своихъ природныхъ Русскихъ и единовѣрныхъ Великихъ князей, какими были послѣ Ярослава Всеволодовича сынъ его—мужественный, славный и святой *Александръ Невскій и его потомки*. Изъ разореннаго Кіева перешли въ Великороссію и митрополиты Кіевскіе—сперва въ Владиміръ на Клязьмѣ, потомъ въ Москву и своею духовною властью подкрѣпляли власть Великихъ князей. Союзными стараніями ихъ удѣльныя области и города Великороссіи постепенно собирались подъ одну верховную власть Великихъ князей Московскихъ, которые поэтому и называются *собирателями земли Русской*. Началось такое собираніе особенно со времени внука св. Александра Невскаго, *Іоанна Калиты*, при которомъ поселился здѣсь святой митрополитъ Петръ, укрѣпившій его власть и предрекшій, что его княжескій родъ возвысится надъ всѣми другими княжескими родами, и Москва станетъ главою Русской земли. Дѣло Іоанна Калиты продолжали его преемники, изъ которыхъ особенно славны *Димитрій Донской* и правнукъ его *Іоаннъ III*, довершившій объединеніе Сѣверо-Восточной Россіи подъ своею властію, какъ властію Московскаго Государя и Великаго Князя. Собраніе Сѣверо-Восточной Руси подъ единою властію было великимъ добромъ и для нея и для всей земли Русской. Стали уменьшаться, а затѣмъ и совсѣмъ прекратились бѣдственныя усобицы князей; начался лучшій порядокъ и болѣе твердый законъ;

росла сила Русская, такъ что уже Димитрій Донской соединенными силами сѣверорусскими одержалъ славную Куликовскую побѣду надъ татарами, а правнукъ его Іоаннъ III окончательно свергнулъ Татарское иго: и стала сѣверная Русь свободнымъ, сильнымъ и великимъ государствомъ Московскимъ. Теперь могла она помочь и Западной Руси, судьба которой была иная.

4. Объединеніе юго-западной Россіи или Малороссіи подъ властію Галицко-Волынскихъ князей.

Въ Западной Руси, послѣ Монгольскаго нашествія, самою сильною областію была Галицко-Волынская область, гдѣ властвовалъ Великій князь *Даніилъ Романовичъ* съ братомъ своимъ *Василькомъ*, признанный Великимъ княземъ отъ Монгольскаго хана. Даніилъ, современникъ Александра Невскаго, былъ князь сильный и смѣлый. Его уважали и Татарс и сосѣдніе государи; достойно охранялъ онъ честь русскаго имени и старался расширить и усилить свою область, — строилъ новые города, какъ Львовъ, Холмъ и другіе, украшалъ ихъ храмами, созывалъ населеніе изъ своихъ русскихъ и иностранцевъ, чтобы увеличить силы, ремесла, промыслы и достатки своей области. Послѣ Даніила и Василька еще около 70-ти лѣтъ держалась въ Галицко-Волынской области власть ихъ потомковъ; при послѣднихъ изъ нихъ становится извѣстнымъ для этой области съ сосѣдней южной Русью названіе *Малой Россіи*, въ отличіе отъ Великороссіи. Но этой Малой Россіи теперь не подъ силу было притянуть къ себѣ и собрать подъ одну Русскую власть всѣ области Южной и Западной Россіи. Въ замѣнъ русской явилась здѣсь другая власть—власть Литвы и Польши.

5. Литва и начальныя связи ея съ сосѣдней Русью.

Литва была небольшой народъ, главныя населенія котораго находились въ лѣсной и болотистой странѣ по рѣкѣ Нѣману и его притокамъ, отчасти по

Западной Двинѣ и простирались до Балтійскаго поморья между устьями рѣкъ Вислы, Нѣмана и Западной Двины. Страна эта обнимаетъ нынѣшнія губерніи Виленскую, Ковенскую, отчасти Пруссію на западѣ, Гродненскую губернію на югѣ. Небольшой народъ этотъ распадался на многія мелкія племена, каковы: собственно *Литва* (Виленской губ.), *Жмудь* (въ Ковенской губ.), *Пруссы* (въ нынѣшней Пруссіи), *Ятвяги* (въ Гродненской губ.) и другія.

По общему племенному корню и по языку, Литовцы были ближе къ Славянамъ, чѣмъ другіе сосѣдніе инородцы, какъ напр. Нѣмцы или Финны. Но живя многіе вѣка особнякомъ на своихъ болотахъ и въ лѣсахъ, Литовцы много поотстали отъ Славянъ въ своемъ развитіи, т. е. въ ростѣ своего быта общественнаго. Не было у нихъ ни городовъ, ни общей государственной власти, общаго союза гражданскаго. Жили они въ первобытной деревенской простотѣ, разсѣянные поселками изъ семействъ и родовъ, имѣвшихъ своихъ старшинъ. А главное— они далеко отстали отъ Славянъ какъ русскихъ, такъ и польскихъ, на пути къ вѣрѣ христіанской. Даже еще въ XIII в., когда Русскіе и Польскіе Славяне болѣе двухъ вѣковъ были уже христіанами, Литовцы оставались еще при своей языческой религіи. Во многомъ она была сходна съ былою языческою религіею Славянъ. Литовцы обожали солнце, луну, звѣзды; былъ у нихъ главный богъ Перкунъ, богъ грома, подобный Перуну языческихъ славянъ. Были у нихъ священныя рощи, въ которыхъ горѣлъ священный огонь или *зничь*, почитаемый и въ домахъ. Почитали они и нѣкоторыхъ птицъ, особенно аистовъ, даже ужей. А разныхъ суевѣрій, примѣтъ и гаданій было у нихъ еще больше, чѣмъ когда то

у Славянъ язычниковъ. Были у нихъ идолы и капища, и особые жрецы, гадатели и гадательницы, называемые *вайделотами* и *вайделотками*. Какъ ни темна и груба была такая религія, но все же она была наиболѣе общею связью между разными племенами литовскими, и эта связь могла побудить ихъ и къ союзу государственному, въ виду какой либо общей опасности или общей выгоды.

Живя многіе вѣка особнякомъ и въ безопасности, благодаря трудно проходимымъ лѣсамъ и болотамъ, Литовскія племена не могли однако навсегда остаться неизвѣстными сосѣднимъ народамъ и не войти въ столкновеніе съ ними. Ранѣе встрѣчаются и знакомятся они съ сосѣдними Славянами. Между прочимъ они обращаютъ на себя вниманіе набѣгами изъ своихъ болотъ и лѣсовъ на сосѣднія славяно-русскія поселенія. Съ своей стороны русскіе князья совершаютъ походы на Литовскія племена съ цѣлію усмирить и подчинить ихъ. Уже Владиміръ ходилъ войною на Ятвяговъ и побѣдилъ. Сынъ его Ярославъ не одинъ разъ ходилъ на тѣхъ же Ятвяговъ и самую Литву и на границѣ русской и литовской земли построилъ городъ Новгородъ (Новгородокъ) Литовскій. Хаживали на Литву и другіе русскіе князья послѣ Ярослава. Особенную силу надъ Литвой пріобрѣли славные Галицко-Волынскіе князья: *Романъ Мстиславичъ и его сыновья Даніилъ и Василько.* Значительно расширили они предѣлы своей области, владѣли многими русскими городами на пограничьи съ Литвою, каковы Брестъ-Литовскій, Бѣльскъ, Гродно, Дрогичинъ и др., и непрерывными походами наводили страхъ на Ятвяговъ и Литву, удерживали ихъ отъ разбоевъ и грабежей, пріучали жить мирнымъ трудомъ и промысломъ. Болѣе прежняго чувствовалось

Литвѣ налегавшая на нее русская народная сила, съ которою къ этому времени болѣе и болѣе знакомилась Литва и съ другой стороны,—со стороны сосѣдняго княжества *Полоцкаго* и вообще сосѣдней *Бѣлоруссіи*. Но къ этому же времени начинаетъ обнаруживаться въ Литвѣ и собственная сила ея, благодаря начавшему слагаться въ ней государственному союзу.

6. Начало Литовскаго государства. Князь Миндовгъ первый основатель его.

Начало государства въ Литовскомъ народѣ положилъ князь *Миндовгъ* (1235—1263 гг.). Княжилъ онъ въ срединномъ изъ Литовскихъ племенъ т. е. собственной Литвѣ, жившей преимущественно въ нынѣшней Виленской губерніи, имѣя здѣсь уже и свой стольный городокъ Керновъ на рѣчкѣ Виліи, впадающей въ рѣку Нѣманъ. Будучи смышленнѣе, предпріимчивѣе и сильнѣе другихъ Литовскихъ князьковъ, Миндовгъ сталъ собирать подъ свою власть мелкія литовскія владѣнія или земли, чтобы соединеніемъ ихъ въ одно государство создать для Литвы общую государственную силу. Не велика была эта сила, если бы она составилась только изъ силъ небольшой Литовской земли, небольшаго и тогда еще грубаго Литовскаго народа. Но Миндовгъ успѣлъ завладѣть сосѣдними русскими землями, гдѣ не было своихъ русскихъ князей или же были князья слабые. Самъ онъ занялъ подъ свою власть большую часть такъ называемой *Черной Руси* и въ ней города Новоградецъ (Минской губ.). Слонимъ и Гродно (въ Гродненской), Волковымъ (въ Виленской) и др., а подручные ему племянники утвердились въ Полоцкѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ сосѣдней Бѣлоруссіи. Такъ подъ верховной властью Литовскаго князя Миндовга стало складываться обширное уже не литовское, а литовско-русское государство.

значительно усилившееся пришедшимъ въ составъ его запасомъ земельной народной силы. Стольнымъ городомъ его сталъ теперь Новоградекъ, городъ русскій, но названный съ этой поры *Новгородкомъ Литовскимъ*.

7. Борьба его и Литвы съ рыцарями Ливонскаго и Тевтонскаго орденовъ.

Но Литовскому княжеству и литовско-русскому государству грозили еще опасности отъ сильныхъ сосѣдей. Таковы были прежде всего нѣмцы, основавшіе уже два владѣнія въ предѣлахъ Литовскихъ. На сѣверо-востокѣ, на Балтійскомъ поморьѣ, въ землѣ родственныхъ Литвѣ Ливовъ основался нѣмецкій *Ливонскій* орденъ *Меченосцевъ* съ столицею въ Ригѣ, а на западѣ въ землѣ Пруссовъ—другой орденъ *Тевтонскій*. Ордена эти были военно-духовныя товарищества или рыцарскія дружины, составившіяся изъ разныхъ пришельцевъ съ запада. По видимости они ставили своей задачей распространеніе вѣры христіанской между литовскими и латышскими племенами. Но, вопреки духу Евангелія, считали законнымъ распространять вѣру мечемъ и огнемъ, вообще военною силою, забирать подъ свою власть земли язычниковъ и порабощать ихъ и властвовать надъ ними по праву просвѣтителей ихъ. Словомъ, распространеніе вѣры служило для Меченосцевъ и Тевтонцевъ вмѣстѣ и предлогомъ для завоеваній въ литовско-латышскихъ земляхъ. Римскіе папы благословляли ихъ на такія завоеванія. Понятно, что христіанская вѣра, проповѣдуемая съ мечемъ въ рукахъ и грозившая порабощеніемъ власти проповѣдниковъ, не могла особенно привлекать сердца литовскихъ, какъ и латышскихъ язычниковъ. Тѣ и другіе упорно противились нѣмцамъ, стоя и за свою старую вѣру и за свою народную независимость, знаменемъ которой считалась эта вѣра. Но нѣмецкіе Меченосцы

и Тевтонцы были образованнѣе нашихъ инородцевъ, искуснѣе въ военномъ дѣлѣ и потому осиливали ихъ. Ко времени, о которомъ теперь рѣчь у насъ, прибалтійскія племена Ливы, Земгалы, Эсты и другія большею частью уже покорены были Меченосцами, т. е. рыцарями Ливонскаго ордена, а Пруссы, сильнѣйшее на западѣ литовское племя, стали болѣе и болѣе подпадать власти Тевтонцевъ. Было уже не мало и христіанъ изъ прибалтійскихъ и прусскихъ инородцевъ; но очень часто то были христіане вынужденные, которые при первомъ удобномъ случаѣ, бросали христіанство, возвращались къ язычеству и поднимались поголовно на бывшихъ просвѣтителей или поработителей своихъ. Такія возстанія устрашали нѣмцевъ, и вотъ съ благословенія папы Тевтонцы и Меченосцы соединились (около 1237 г.), а черезъ это много выросла нѣмецкая сила, ставшая теперь грозной и для сосѣдней Литвы, гдѣ властвовалъ Миндовгъ. Опасность отъ Ливонскихъ Меченосцевъ дѣйствительно наступила для Миндовга послѣ того какъ одинъ изъ его родичей, считавшій себя въ обидѣ отъ Миндовга, искалъ себѣ защиты отъ Меченосцевъ и съ этимъ разсчетомъ принялъ у нихъ крещеніе въ Ригѣ. Меченосцы могли воспользоваться этимъ, чтобы напасть на Миндовга. Но хитрый Миндовгъ послалъ дары магистру т. е. начальнику или главѣ ордена, и затѣмъ обѣщалъ и креститься. И онъ дѣйствительно крестился въ г. Новградкѣ въ 1250 г., а затѣмъ римскій папа прислалъ ему и королевскую корону, какъ уже христіанскому государю. «Но это крещеніе Миндовга было льстиво», говоритъ нашъ русскій лѣтописецъ; «потому что въ тайнѣ онъ приносилъ жертвы своимъ богамъ и сожигалъ мертвыхъ; если же выхо-

дилъ на охоту въ лѣсъ и при этомъ заяцъ перебѣгалъ ему дорогу, то уже ни за что не входилъ въ лѣсъ, тамъ и вѣтки не позволялъ сломать». Словомъ, рыцари не позаботились твердо наставить Миндовга въ вѣрѣ при крещеніи его. А между тѣмъ за свою будто услугу ему они стали вымогать у него одну за другою землю изъ его владѣній въ Литвѣ и Жмуди. Туземцевъ же Литвы и Жмуди стали угнетать и грабить безъ всякой христіанской и человѣческой жалости. Выведенные изъ терпѣнія Литовцы, Жмудины, а за ними и Пруссы поголовно возстали противъ Нѣмецкихъ рыцарей. Тогда и Миндовгъ отрекся отъ христіанства, сталъ во главѣ возставшихъ литовскихъ племенъ и въ союзѣ съ ними нанесъ жестокое пораженіе Нѣмцамъ.

8. Дѣла его съ Галицко-Волынскими князьями. Сынъ его Войшелгъ — православный христіанинъ.

Иначе сложились дѣла Миндовга съ сосѣдними русскими Галицко-Волынскими князьями, во главѣ коихъ былъ Даніилъ Романовичъ Галицкій. Когда этотъ князь съ своимъ братомъ Василькомъ сталъ налегать на Миндовга, чтобы отнять у него русскіе города, то Миндовгъ послалъ своего сына *Войшелга*, княжившаго въ Новгородкѣ подъ властію отца, къ князю Даніилу для мирныхъ переговоровъ. Переговоры заключились родственнымъ союзомъ между домами русско-галицкаго и литовскаго князей. Дочь Миндовга, сестра Войшелга, послѣ крещенія, была отдана въ замужество за Шварна, сына Даніила, а другому сыну Даніила, Роману, Войшелгъ уступилъ свое Новградское княженіе, хотя и съ тѣмъ, что оно останется подъ верховною властью Миндовга. Но для насъ особенно важна и назидательна духовная перемѣна, послѣдовавшая въ Войшелгѣ вслѣдъ за этимъ родственнымъ союзомъ. Прежде этого, живя въ Новгородкѣ, Войшелгъ былъ не только истымъ

язычникомъ, но и походилъ на звѣря кровожаднаго. Русскій лѣтописецъ говоритъ о немъ такъ: «Войшелгъ каждый день убивалъ по три и по четыре человѣка, и если въ какой день не убивалъ никого, то бывалъ печаленъ и смутенъ, а если убивалъ, то становился веселъ». Теперь же когда уступивъ Новогродекъ Роману, поѣхалъ къ отцу его князю Даніилу въ Холмъ и здѣсь зажился, то такъ полюбилъ русскихъ и ихъ вѣру, что и самъ принялъ святое крещеніе въ православіи. Учителемъ его въ святой вѣрѣ былъ, какъ видится, находившійся въ области князя Даніила игуменъ *Григорій*, человѣкъ святой. Слушая этого святого мужа, Войшелгъ такъ сокрушился духомъ, что принялъ монашество, жилъ три года у Григорія, хотѣлъ даже идти на Аѳонъ, но не дойдя туда за большими помѣхами, встрѣченными на пути, возвратился и потомъ основалъ свой монастырь въ Лаврашевѣ близъ Новогродка недалеко отъ р. Нѣмана. Отецъ Войшелга Миндовгъ гнѣвался за все это на сына; но Войшелгъ остался преданнымъ христіанской православной вѣрѣ, которую полюбилъ искренно, всею душей. Таково то было дѣйствіе вѣры православной на бывшаго свирѣпаго язычника Войшелга. Между тѣмъ въ самой Литвѣ настали смуты. Миндовгъ, гордый своими успѣхами, сталъ самоправствовать надъ другими удѣльными князьми Литвы и Жмуди. Тѣ составили заговоръ противъ Миндовга, и онъ былъ убитъ въ городѣ Кернове (1263 г.).

Въ тѣ грубыя времена месть была въ обычаѣ. Поэтому и сынъ Миндовга Войшелгъ, хотя онъ былъ христіанинъ и монахъ, счелъ своимъ правомъ отомстить убійцамъ отца, тѣмъ болѣе, что боялся бѣды отъ нихъ и себѣ. Притомъ въ Литвѣ взяли верхъ язычники, владѣвшіе теперь и русскимъ городомъ Ново-

гродкомъ: а Войшелгъ не хотѣлъ, чтобы Литовская языческая сторона возобладала надъ русской христіанской. Итакъ, сбросивъ монашескую рясу, Войшелгъ, бѣжавшій передъ тѣмъ изъ своего монастыря въ Пинскъ къ тамошнему русскому князю, съ помощью русскихъ князей и дружинъ завладѣлъ Новогродкомъ, объявилъ себя великимъ княземъ и началъ жестокую расправу съ врагами отца и своими,—многихъ перебилъ, а другіе бѣжали. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Довмонтъ. Онъ съ своею дружиною бѣжалъ въ русскій городъ Псковъ, здѣсь принялъ православное христіанство и крестился съ именемъ *Тимоѳея*. Православное христіанство такъ подѣйствовало на его душу, такъ облагородило его, что онъ полюбился всему Пскову, который и призналъ его своимъ княземъ. 35 лѣтъ княжилъ онъ въ Псковѣ, совсѣмъ обрусѣлъ, доблестною славой подвизался за свое новое отечество, побѣдоносно вмѣстѣ съ Псковитянами стражалъ ихъ недруговъ литовскихъ язычниковъ и Ливонскихъ нѣмцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Довмонтъ—Тимоѳей успѣвалъ въ благочестіи и жизни богоугодной, такъ что по кончинѣ былъ причисленъ къ лику святыхъ въ Псковѣ († 1299 г.). Вотъ опять примѣръ духовной силы православія надъ бывшимъ язычникомъ изъ Литовскихъ князей. Не утратило оно силы и надъ Войшелгомъ. Воздавъ дань языческому обычаю мести, онъ опомнился. Вспомнилъ онъ и свой договоръ съ Даніиломъ Романовичемъ Галицкимъ. Даніила Галицкаго уже не было тогда въ живыхъ († 1264 г.). Но живъ былъ братъ его Василько князь Владиміро-Волынскій и два сына Даніила: Шварнъ и Левъ. Войшелгъ назвалъ своимъ отцомъ Василька Романовича, а себѣ усыновилъ Шварна, какъ мужа своей сестры. Самъ же опять

9. Литовскій удѣльный князь Довмонтъ, въ православіи Тимоѳей и его княженіе въ Псковѣ.

облекся въ монашескую рясу и удалился въ недалекій Даниловскій монастырь. Живя тамъ онъ говаривалъ: «вотъ здѣсь подлѣ меня сынъ мой Шварнъ, а тамъ господинъ отецъ мой Василько: буду утѣшаться ими». Такъ утѣшаясь, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ плакался о своихъ грѣхахъ.

Казалось, что теперь на мѣстѣ языческой литовской власти утвердится надъ литовской русская христіанская власть въ лицѣ вокняжившагося въ г. Новогродкѣ потомства Даніила Романовича Галицкаго. Къ несчастію старое зло, причинившее столько бѣдствій древней Руси, не изсякло: это зло зависти-распрей и ссоръ между русскими удѣльными князьями. Въ одну изъ такихъ ссоръ вовлеченъ былъ и Войшелгъ и былъ убитъ во Владимірѣ Волынскомъ (1269 г.). Послѣ этого настали смуты въ основанномъ Миндовгомъ литовско-русскомъ государствѣ. Въ Новогродкѣ Литовскомъ вокняжился *Тройденъ* (1270—1282) ревностно преданный язычеству и языческой Литвѣ и врагъ христіанской Руси. Онъ назывался великимъ княземъ, но уже не владѣлъ такимъ числомъ земель, какъ нѣкогда Миндовгъ. Въ Полоцкой и Витебской земляхъ, на которыя въ свое время простиралась власть Миндовга, вокняжился особый Литовскій князь Эрдень, независимый отъ Тройдена; явились независимые князьки и въ собственной Литвѣ и Жмуди. Возникавшее литовское русское государство клонилось къ распаденію. Но между литовскими князьями нашлись такіе, которые поняли опасность, грозившую Литвѣ; лучше Миндовга и Тройдена поняли и то, какъ спасти Литву и возсоздать литовское государство.

Возстановителями литовскаго или точнѣе литовско-русскаго государства были князья Литовско- 10. Витенъ и Гедиминъ новые осно-

ватели Литовско-Русскаго государства.

Жмудской линіи, братья *Витенъ* (1293—1316) и *Гедиминъ* (1316 — 1341). Они успѣли соединить подъ своею властью Литву и Жмудь, а изъ русскихъ земель прежде всего землю, которая называлась *Черною Русью* и была въ свое время подъ властью Миндовга и Тройдена. Съ соединенными силами Литвы, Жмуди и Руси оба они вели упорную борьбу съ нѣмцами Тевтонскаго и Ливонскаго Ордена, имѣя въ числѣ главныхъ вождей Давида, Гродненскаго старосту изъ русскихъ или обрусѣвшихъ литовцевъ. Своими побѣдами въ этой борьбѣ они обезопасили свое государство отъ Тевтонцевъ и Ливонцевъ. Витенъ воевалъ и съ Польшею, такъ что и она познала важность соединенной литовско-русской силы. А Гединйнъ имѣлъ уже Польшу и союзницею въ борьбѣ съ нѣмцами Тевтонскаго ордена, которыхъ сама она побаивалась, какъ сосѣдей, стремившихся къ завоеваніямъ. Но всего важнѣе то, что Витенъ и Гедиминъ лучше всѣхъ предмѣстниковъ своихъ поняли, что сама Литва, малая пространствомъ, числомъ населенія, притомъ грубая и необразованная, не можетъ составить сильнаго и благоустроеннаго государства; что такое государство можетъ составиться только въ соединеніи съ сосѣднею христіанскою Русью, гдѣ больше и земель и народнаго образованія. Видѣли они, что въ самой борьбѣ ихъ съ Нѣмецкими орденами главною опорою были русскія силы. Поэтому то оба эти умные князья старались присоединить къ своему государству какъ можно болѣе земель и городовъ изъ сосѣдней Западной Руси. Началъ это Витенъ. Но особенно обширныя присоединенія успѣлъ сдѣлать Гедиминъ, и такой успѣхъ былъ тогда для него не труденъ. Обширны были земли Западной Россіи; но

теперь, послѣ Галицко-Волынскихъ князей Даніила, Василька Романовичей и Владиміро-Волынскаго князя Владиміра уже не было въ ней такихъ, какъ они, сильныхъ князей. Вообще земли западной Россіи были раздроблены на многія, мелкія княжества и державства, разрозненныя между собою, и потому не могли, каждое порознь противостоять соединенной Литовско-русской силѣ Гедимина. Имѣя за собою такую силу, умный Гедиминъ умѣлъ присоединять подъ свою власть русскія земли не только войной, но также и даже чаще и мирными способами и родственными союзами съ домами русскихъ князей. Такъ вся Подляхія съ городами Брестомъ, Дрогичиномъ и Бѣльскомъ занята имъ силою войны отъ ослабѣвшихъ Галицко-Волынскихъ князей. Волынь съ городами Луцкомъ, Владиміромъ присоединена имъ частью войной, частью родственнымъ союзомъ черезъ женитьбу Гедиминова сына Любарта на дочери Владиміро-Волынскаго князя. За Волынью досталась Гедимину и часть Подоліи. Княжества Пинское, Туровское и Минское, какъ видится, мирно признали верховную власть Гедимина, какъ уже Литовско-русскаго Великаго князя. *Полоцкая* область, въ одной части своей признававшая уже власть Витеня, теперь вся признала власть Гедимина, а *Витебская* область перешла подъ его власть черезъ женитьбу сына его Ольгерда на дочери русскаго Витебскаго князя, не имѣвшаго сыновей. Наконецъ и *Кіевъ съ его областью* подпалъ власти Литовско-русскаго Великаго князя, хотя власть эта нѣкоторое время еще оспариваема была у него татарами. Такимъ образомъ изъ бывшихъ разрозненныхъ земель и княжествъ западной Россіи составилось въ соединеніи съ Литвою и Жмудью подъ властью Гедимина,

обширное и сильное Литовско-русское государство. Гедиминъ, довершившій основаніе его, основалъ для него и новую столицу—г. *Вильну* при рѣчкѣ Вилейкѣ, впадающей въ рѣку Вилію, которая впадаетъ въ рѣку Нѣманъ. Западная Русь могла теперь мириться съ своимъ положеніемъ въ составѣ новаго государства. Это государство, благодаря соединенію въ немъ Литовско-русскихъ силъ, обезпечивало ей защиту отъ посягательствъ на тѣ или другія земли ея со стороны непріязненныхъ сосѣдей, каковы татары на югѣ, поляки на западѣ и нѣмцы на сѣверо-западѣ. Притомъ новая государственная власть предоставляла русскимъ западной Россіи оставаться при своихъ обычаяхъ, законахъ, нравахъ, при своемъ образованіи и своей вѣрѣ. Правда самъ Гедиминъ не принималъ христіанской вѣры и крещенія: не хотѣлъ онъ расходиться въ вѣрѣ съ своею коренною Литвою, тогда еще языческою, не могъ и самъ оторваться отъ этой старой родной вѣры. Притомъ въ соблазнъ его вводили Тевтонцы, которые, называясь христіанами, очень часто поступали съ Литвой не по христіански, а жестоко и коварно. Но оставаясь при своей старой вѣрѣ, Гедиминъ уважалъ христіанскую вѣру, позволялъ принимать ее всѣмъ, даже дѣтямъ и роднѣ своей. Три раза былъ онъ женатъ и двѣ послѣднія жены его были православныя христіанки. Изъ семи сыновей его четыре крещены въ православіи, какъ то Ольгердъ (Андрей), Наримунтъ (Глѣбъ) Коріатъ (Михаилъ), Любартъ (Ѳеодоръ), Явнутъ (Іоаннъ). Всѣ пять дочерей были въ замужествѣ за христіанами и только одна крещена въ латинство (жена короля польскаго) а четыре—крещены въ православіи; въ числѣ ихъ были—Анастасія—жена Московскаго Великаго князя Симеона

11. Уваженіе Гедимина къ христіанской вѣрѣ русскихъ; сыновья и дочери его въ православіи.

и Марія—жена Тверскаго князя Димитрія Михайловича. Такимъ образомъ въ родѣ основателя литовско-русскаго государства уже прививалось православіе.

12. Ольгердъ Гедиминовичъ, великій князь Литовско-Русскій: объединеніе подъ его властію областей западной и южной Россіи.

По смерти Гедимина († 1341 г.) въ разныхъ частяхъ его государства стали властвовать его сыновья. Но черезъ четыре года возвысился надъ всѣми ими самый способный изъ нихъ *Ольгердъ*; поддерживаемый другимъ братомъ и другомъ своимъ *Кейстутомъ*, Ольгердъ утвердился въ столицѣ Вильнѣ и сталъ Великимъ княземъ (1345—1377).

Братья признали верховную власть Ольгерда, тотчасъ обнаружилась сила соединеннаго Литовско-русскаго государства. Ольгердъ въ союзѣ съ братомъ своимъ Кейстутомъ выдержалъ нѣсколько тяжкихъ войнъ съ рыцарями Тевтонско-Ливонскаго ордена; не одинъ разъ нападали они на Жмудь и Литву, доходили до самой Вильны, причиняли жестокія опустошенія, но и сами нерѣдко терпѣли пораженія и не смогли сломить силы Литовско-Русскаго государства. Въ 1362 г. Ольгердъ нанесъ страшное пораженіе татарамъ въ Подоліи и прогналъ ихъ далеко на югъ. Этою побѣдою онъ воспользовался, чтобы окончательно уничтожить притязанія ихъ и ихъ власть надъ Кіевомъ и Кіевской областью. Опираясь на бывшія уже подъ его властью русскія земли, онъ успѣлъ присоединить къ нимъ еще новыя. Такъ онъ присоединилъ Смоленскую область съ городомъ Смоленскомъ и др., потомъ сѣверскую землю съ городами Черниговомъ, Брянскомъ, Трубчевскомъ, Стародубомъ, Новгородъ-Сѣверскомъ и др. Подолію онъ присоединилъ къ своей державѣ послѣ побѣды надъ татарами 1362 г. Тогда же онъ окончательно присоединилъ къ своему государству и

Кіевъ съ Кіевской областью. На княженіе въ Кіевѣ онъ поставилъ сына своего *Владиміра Ольгердовича*. Такимъ образомъ Литовско-Русское государство значительно расширилось. Оно обнимало теперь всю западную Россію т. е. нынѣшнія губерніи: Витебскую, Могилевскую, Минскую, Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Кіевскую, Волынскую и Подольскую, да сверхъ того Черниговскую и Смоленскую. Теперь еще болѣе, чѣмъ прежде, выступало на видъ то весьма важное обстоятельство, что собственная коренная Литва, населявшая губерніи Виленскую и Ковенскую, составляетъ самую малую часть Литовско-русскаго государства. Она составляла въ немъ менѣе десятой части въ сравненіи съ коренными русскими землями, въ которыхъ искони жилъ русскій народъ, господствовали русскій языкъ, русская грамота, русская образованность, русская православно-христіанская вѣра и церковь съ своими святыми храмами, монастырями, духовенствомъ и епископами подъ общею духовной властью православныхъ митрополитовъ. При такомъ господствѣ русской народности и православной вѣры въ Литовско-русскомъ государствѣ, естественно было ожидать, что дѣйствіе этой народности и вѣры будетъ болѣе и болѣе простираться и на коренную Литву, на самыхъ Литовцевъ. Такъ и было, и это видно прежде всего на Литовскомъ княжескомъ родѣ. Изъ всѣхъ князей этого рода только одинъ Кейстутъ, братъ Ольгерда, оставался язычникомъ. Княжилъ онъ въ Жмуди, а она вся еще крѣпко держалась своей старой языческой вѣры и притомъ вмѣстѣ съ Кейстутомъ вела упорную борьбу съ нѣмецкими рыцарями, которые, воюя съ ней во имя христіанства, причиняли ей много жестокихъ опустошеній и обидъ

13. Православіе и русская народность въ Литовскомъ великокняжескомъ родѣ.

и тѣмъ возбуждали недовѣріе и непріязнь къ самому христіанству. Всѣ же остальные князья Литовскаго рода были христіанами и христіанами православными. Самъ великій князь Ольгердъ былъ крещенъ съ именемъ Андрея, когда женился на Витебской княжнѣ Маріи Ярославнѣ. Овдовѣвъ по смерти ея въ 1347 г., онъ вторично женился и опять на русской христіанкѣ Тверской княжнѣ Іуліаніи Михайловнѣ: въ томъ и другомъ бракѣ онъ былъ единой вѣры со своими женами и остался при этой вѣрѣ до самой смерти. Отъ двухъ женъ онъ имѣлъ 12 сыновей и пять дочерей, и всѣ эти сыновья и дочери съ согласія отца крещены и воспитаны матерями въ православной вѣрѣ. Извѣстны и христіанскія имена рядомъ съ мірскими литовскими именами нѣкоторыхъ изъ нихъ. Таковы отъ первой жены: Винигольдъ-Андрей, князь Полоцкій, Корибутъ-Димитрій, князь Брянскій и Сѣверскій, Димитрій-Трубчевскій, Владиміръ Кіевскій, Константинъ Черниговскій и дочь Агриппина, бывшая замужемъ за русскимъ княземъ Борисомъ Суздальскимъ. Отъ второй жены: Ягейло-Яковъ, бывшій потомъ великимъ княземъ, Вагандъ-Өеодоръ-Александръ, князь Керновскій, Киргайло-Василій, Скиргайло-Іоаннъ, Лунгвеній-Симеонъ, Монгайло-Василій, Свитригайло-Левъ и дочери: Марія, Александра, Елена и Өеодора. На Волыни еще живъ былъ братъ Ольгерда, Өеодоръ-Любартъ, а на Подоліи княжили сыновья Коріата-Михаила, всѣ вѣрные православію. Всѣ эти православные князья, живя на княженіяхъ въ русскихъ городахъ и областяхъ, состоя въ родственныхъ союзахъ съ русскими княжескими и боярскими родами юго-западной и сѣверо-восточной или Московской Руси, становились и сами русскими, усвояли русскій языкъ,

на которомъ говорили, молились, писали грамоты, а нѣкоторые отличались и благочестіемъ, строили и украшали церкви, такъ что по всему этому казались родными русскими князьями и всему русскому населенію.

14 Русская народность и православная вѣра въ столицѣ Литовско-Русскаго государства — Вильнѣ.

И въ самой столицѣ Вильнѣ болѣе и болѣе утверждалась русская народность и православная вѣра. Русское населеніе въ Вильнѣ современно самому основанію ея. Даже названіе Вильна было уже не литовское, а русское. Основатель новой столицы Гедиминъ хотѣлъ привлечь въ нее побольше населенія и притомъ такого, при которомъ бы въ столицѣ начались домостроеніе, ремесла, промыслы, торговля, образованіе; и имѣлся бы достатокъ всякихъ служилыхъ людей. Онъ привлекалъ въ свою столицу и чужестранцевъ, даже нѣмцевъ. Но всего подручнѣе и полезнѣе было ему привлекать населеніе изъ русскихъ земель, какъ ему подвластныхъ и самихъ близкихъ, потому что Вильна находилась именно на границѣ литовской земли съ русской. Такъ онъ и дѣлалъ. При сынѣ его Ольгердѣ русское населеніе въ Вильнѣ болѣе и болѣе умножалось, такъ что заполонило лучшую и большую часть города. А гдѣ жилъ русскій православный народъ, тамъ являлись и православные храмы. Древнѣйшимъ изъ нихъ былъ храмъ святого Николая, построенный первыми русскими поселенцами.

Когда въ 1345 г. прибылъ на великое княженіе въ Вильну Ольгердъ, то православный храмъ нуженъ былъ и великокняжеской семьѣ. Новый великій князь былъ православнымъ христіаниномъ, и съ нимъ прибыла въ Вильну и его первая жена Марія Ярославна княжна Витебская, дѣти которой отъ Ольгерда были всѣ православные христіане. Этой-то Маріи

преданіе усвояетъ построеніе другой древнѣйшей въ Вильнѣ церкви—святой Параскевы. Она построена на мѣстѣ бывшаго языческаго святилища въ той части города, которая называлась нижнимъ замкомъ и имѣла языческое населеніе изъ Литвы и Жмуди. Оно мирилось съ появленіемъ здѣсь христіанской церкви, какъ церкви великой княгини и великокняжеской семьи. При дворѣ и церкви великой княгини былъ духовникъ ея Несторъ.

15. Православные христіанскіе мученики въ Вильнѣ: Іоаннъ, Антоній и Евстафій.

Онъ успѣлъ обратить въ христіанство нѣсколькихъ Литовцевъ, въ числѣ ихъ двухъ знатныхъ придворныхъ, родныхъ братьевъ, по имени *Кумецъ* и *Пежгило*, въ христіанствѣ *Іоаннъ* и *Антоній*. Они перестали являться къ принесенію жертвъ огню *Зничу* въ языческомъ капищѣ Перкуна. Это озлобило языческихъ жрецовъ. Между тѣмъ въ 1347 г. умерла княгиня Марія. Жрецы воспользовались этимъ, чтобы подойти къ Ольгерду, оставшемуся безъ той опоры въ вѣрѣ, какую имѣлъ онъ въ женѣ. Они настаивали, чтобы великій князь позволилъ имъ принудить Іоанна и Антонія къ языческому служенію. Ставъ великимъ княземъ при помощи брата Кейстута, князя языческой Жмуди, ревностнаго язычника, и пробывъ на великокняженіи всего два года, Ольгердъ опасался, что озлобленные жрецы поднимутъ противъ него язычниковъ, особенно Жмуди. Поэтому далъ приказъ бросить Іоанна и Антонія въ тюрьму. Годъ томились они здѣсь въ голодѣ и сырости, но остались тверды въ вѣрѣ. На слѣдующій годъ старшій братъ Іоаннъ поколебался и объявилъ, что отрекается отъ христіанства. Ольгердъ сказалъ освободить обоихъ братьевъ. Но младшій Антоній, и живя на свободѣ, громко говорилъ, что онъ остается вѣренъ христіанству. Его опять бросили въ тюрьму и жестоко

мучили. Съ ангельскимъ спокойствіемъ переносилъ онъ страданія; а сильныя слова его о вѣрѣ Христовой оглашались въ тюрьмѣ и за тюрьмой. Это удивляло язычниковъ и многіе стали приходить и слушать его. Совѣсть и истина заговорили въ душѣ Іоанна. Громко объявилъ онъ: „я опять христіанинъ, дѣлайте со мною, что хотите, я уже не измѣню святой вѣрѣ". На Іоанна надѣли тяжкія оковы и увели въ тюрьму, гдѣ братъ Антоній встрѣтилъ и обнялъ его съ радостью. Теперь къ тюрьмѣ святыхъ братьевъ стали сходиться язычники еще болѣе, чѣмъ прежде и многіе тайно принимали святое крещеніе. Раздраженные жрецы потребовали отъ Ольгерда, чтобы онъ выдалъ имъ въ руки братьевъ исповѣдниковъ. Ольгердъ сдался и на это. Жрецы страшными мученіями силились вынудить ихъ къ отреченію отъ вѣры, но напрасно. Тогда рѣшили казнить ихъ смертью. На концѣ города на горѣ росъ большой дубъ, на которомъ вѣшали преступниковъ: на немъ кончили жизнь и святые братья-мученики. Доблестный подвигъ ихъ поразилъ сердце и ихъ родственника, по имени *Круглецъ*. Принявъ крещеніе съ именемъ *Евстафія*, онъ самъ мужественно и громко исповѣдалъ о себѣ, какъ христіанинѣ. Подвергнутый жестокимъ истязаніямъ, онъ не измѣнилъ вѣрѣ, запечатлѣлъ ее смертью, бывъ повѣшенъ на томъ же дубѣ. Такъ русское православное христіанство имѣло теперь въ Вильнѣ и Литвѣ своихъ исповѣдниковъ и мучениковъ въ лицѣ *святыхъ Іоанна, Антонія и Евстафія*. Подвигъ ихъ послужилъ къ славѣ вѣры православной, свидѣтельствуя о духовной силѣ ея. Православные христіане Вильны благоговѣйно схоронили мощи святыхъ мучениковъ въ церкви святого Николая, вѣруя въ будущее торжество вѣры надъ

язычествомъ въ Вильнѣ и Литвѣ. И оправдалась эта вѣра. Черезъ два года по смерти первой жены Ольгердъ женился на Іуліаніи Михайловнѣ, дочери сѣверскаго князя. Эта благочестивая и кроткая княгиня оживила чувство вѣры и въ мужѣ. Съ его согласія она на мѣстѣ старой деревянной церкви святаго Николая построила новую каменную. На томъ мѣстѣ, гдѣ пострадали виленскіе мученики она построила церковь Святой Троицы съ монастыремъ при ней. Сюда перенесены были мощи Іоанна, Антонія и Евстафія. Въ послѣдствіи эти литовскіе мученики причислены къ лику святыхъ *). Во время Іуліаніи и Ольгерда основана еще въ Вильнѣ еще одна церковь въ честь Успенія Божіей Матери, прослывшая подъ названіемъ *Пречистенской*. При Іуліаніи бывалъ въ Вильнѣ духовникъ ея Кіево-Печерскій архимандритъ Давидъ. Онъ былъ добрымъ наставникомъ въ вѣрѣ и для самого Ольгерда и его великокняжескаго семейства. Когда въ 1377 г. состарѣвшійся Ольгердъ былъ въ смертной болѣзни, Іуліанія созвала дѣтей и духовника Кіево-Печерскаго архимандрита Давида; отъ него Ольгердъ-Андрей принялъ постриженіе и схиму съ именемъ Алексія, скончался, какъ православный русскій князь, и погребенъ въ Пречистенской церкви.

16. Распространеніе православнаго христіанства среди Литовскихъ поселеній.

При Ольгердѣ и въ ближайшее послѣ него время православіе пріобрѣтало послѣдователей изъ среды литовцевъ и въ другихъ предѣлахъ Литовско-русскаго государства. Учителемъ православной вѣры явился здѣсь митрополитъ Кипріанъ. Въ 1376 г. по просьбѣ Ольгерда онъ былъ поставленъ Константи-

*) Св. мощи ихъ находятся въ Виленскомъ Св. Духовскомъ монастырѣ.

нопольскимъ патріархомъ въ санъ митрополита для Западной или Литовской Руси но съ тѣмъ, чтобы по кончинѣ жившаго въ Москвѣ митрополита, святого Алексія быть единымъ митрополитомъ для обѣихъ половинъ Россіи. Этотъ Кипріанъ, прибывъ въ Кіевъ, отсюда, какъ архипастырь и учитель, странствовалъ и по другимъ мѣстамъ Литовскаго государства. И это странствіе было не безполезно. Въ письмѣ къ преподобному Сергію Радонежскому 1378 г. говорилъ о своемъ учительствѣ въ Литвѣ: „когда я былъ въ Литвѣ, то многихъ литовцевъ, не знающихъ истиннаго Бога, чрезъ святое крещеніе обратилъ въ православіе. Тамъ основалъ много церквей». Тѣ многіе Литовцы, которыхъ святитель Кипріанъ чрезъ крещеніе обратилъ въ православіе, были, всего вѣроятнѣе, литовскіе бояре и служилые люди, служившіе при княжескихъ дворахъ сыновей Ольгерда въ разныхъ русскихъ городахъ. Подобно своимъ князьямъ, подобно Іоанну, Антонію и Евстафію, они крестились и познавали Бога истиннаго въ св. православной вѣрѣ; подобно своимъ князьямъ, они роднились съ русскими, усвояли русскій языкъ и народность русскую. Если бы такъ дѣло шло и далѣе, то православіе и русская народность съ теченіемъ времени мирно распространились бы и на всю Литву и она слилась бы въ одинъ народъ съ русскимъ народомъ Западной Руси. А все это повело бы исподволь къ мирному возсоединенію Западной Руси съ Восточною, во главѣ которой была теперь Москва. Ибо въ Восточной, какъ и въ Западной Руси былъ одинъ и тотъ же русскій народъ, но Восточная Русь была обширнѣе, людпѣе и могучѣе задатками государственной силы, чѣмъ Русь Западная: а естественно, что большее и силь-

нѣйшее притягиваетъ къ себѣ меньшее и слабѣйшее, если оно родное ему. Правда между Литовскимъ и Московскимъ государствами бывали и войны и самъ Ольгердъ не разъ воевалъ съ славнымъ Московскимъ великимъ княземъ Димитріемъ Донскимъ. Но если бывали войны, то бывали и мирные и родственные союзы между литовскими князьями и князьями Восточной Россіи и съ самими Московскими князьями. Бывало и то, что Литовскіе князья, потомки Гедимина, сыновья Ольгерда приходили въ Москву служить Московскимъ князьямъ и подвизаться съ ними за общее русское дѣло. Такъ напр. сыновья Ольгерда Андрей и Димитрій были сподвижниками русскихъ князей въ славной Куликовской битвѣ (1380 г.) съ татарами, прославившей Димитрія Донского. За всѣмъ тѣмъ святая вѣра православная продолжала поддерживать чувство единенія между Западной и Восточной Русью. И теперь обѣ онѣ были и чувствовали себя частями единой Русской Церкви, начавшейся въ Кіевѣ при святомъ Владимірѣ и составлявшей единую русскую митрополію подъ общею властію митрополитовъ Кіевскихъ и всея Россіи.

Но въ пору теперь намъ сказать полнѣе о русской митрополіи, какъ о хранительницѣ союза между юго-западной и сѣверо-восточной Россіей. Когда Кіевъ подпалъ страшному погрому отъ татаръ (1240 г.), разорившихъ здѣсь многія церкви, въ числѣ ихъ и Кіево-Софійскій соборъ, то кіевскіе митрополиты не находили здѣсь безопаснаго и пригоднаго жительства и стали чаще жить въ сѣверо-восточной Россіи. Тамъ въ Москвѣ со времени святителя и чудотворца Петра (1326 г.) основалась для нихъ и митрополичья каѳедра. Мудрые святи-

17. Русская митрополія, какъ охранительница союза Юго-Западной и Восточной Россіи.

тели уразумѣли, что теперь болѣе надежная опора для церкви въ Руси сѣверо-восточной, гдѣ были только чисто-русскіе православные князья, гдѣ было болѣе сильное православное русское населеніе и гдѣ засіяло благочестіе послѣ славныхъ временъ его въ Кіевѣ. Но живя въ сѣверо-восточной Руси, имѣя каѳедру въ Москвѣ, святители продолжали называться *Кіевскими*, по старинѣ, по памяти о Кіевѣ, какъ начальной столицѣ русскаго православнаго христіанства. Они посѣщали и Кіевъ и разныя области юго-западной и западной Россіи, охраняя своею властью единство церкви русской. Но властители юго-западной и западной Россіи, каковы: галицко-волынскіе князья и потомъ Литовскіе не разъ пытались имѣть для своихъ государствъ особыхъ митрополитовъ. Этого временами они и достигали. Однакоже память о единствѣ русской церкви и ея митрополіи не исчезала. Ее охраняли мудрѣйшіе изъ русскихъ первосвятителей, поддерживаемые въ этомъ Константинопольскими патріархами. Такъ было и въ то время, о которомъ теперь рѣчь у насъ т. е. время Ольгерда и ближайшее послѣ него. Упомянутый выше Кипріанъ по просьбѣ Ольгерда поставленъ былъ патріархомъ въ санъ митрополита для литовско-русскаго государства еще въ то время, когда въ Москвѣ былъ живъ святитель Алексій. Но по заповѣди патріарха онъ имѣлъ быть преемникомъ святителя Алексія, чтобы опять быть единымъ митрополитомъ для всей Руси. Не легко сбылось это, но сбылось. Первосвятитель Кипріанъ перешелъ въ Москву, откуда посѣщалъ и Кіевъ и Западную Русь, какъ единый митрополитъ Кіевскій. Литовскій и всея Руси. Если бы такъ было и далѣе, если бы сохранилась единая церковная власть для

Москвы и Кіева, а съ тѣмъ вмѣстѣ для Восточной и Западной Россіи, то это вело въ будущемъ къ возсоединенію ихъ въ одно государство, какъ странъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ. Но наступили событія, которыя еще болѣе и надолго утвердили государственное разъединеніе обѣихъ половинъ Руси; насталъ новый болѣе рѣшительный поворотъ въ судьбахъ Западной Россіи, поставившій ее на путь почти четырехъ-вѣковой борьбы за свою вѣру и народность, часто тяжкой, соединенной съ великими страданіями, но и славными подвигами. Начался этотъ поворотъ со времени соединенія Литвы а чрезъ нее и Западной Руси съ римско-католической Польшею: ибо при этомъ соединеніи послѣдовало отпаденіе Литовско-русскихъ великихъ князей отъ православія въ католичество или латинство.

ГЛАВА II.

Борьба Западной Россіи за свою вѣру и народность при первыхъ Литовско-Русскихъ князьяхъ, отпавшихъ отъ православія въ латинство.

1. Зачатки этой борьбы въ Галицкой Руси еще при Галицко-Волынскихъ князьяхъ и въ ближайшее послѣ нихъ время.

Зачатки борьбы Западной Россіи за свою вѣру и народность открылись еще ранѣе того соединенія ея съ Польшею, о которомъ рѣчь будетъ далѣе. Съ самаго начала христіанства въ Россіи римскіе папы и ихъ римско-католическая церковь искали случаевъ подчинить своей власти православную Россію, (которую они съ большимъ грѣхомъ обзывали схизматическою, какъ обзывали и всю Восточную

Православную Церковь). Чтобы достичь этого, они дѣйствовали всякими средствами: увѣщаніями через посланія и миссіонеровъ, льстивыми обѣщаніями, а гдѣ можно было, то и насиліемъ при посредствѣ сосѣднихъ съ Россіею государствъ. Чаще стала испытывать на себѣ все это Галицкая Русь, сосѣдняя съ Польшей и Венгріей, гдѣ господствовала римская церковь подъ властью папъ. Еще тогда, когда Галицко-Волынской Русью владѣлъ славный и сильный Романъ Мстиславичъ († 1205 г.) гордый римскій папа Иннокентій III прислалъ къ нему своего легата (посла), который льстиво увѣрялъ, что если князь покорится папѣ, то папа мечемъ святого Петра покоритъ князю народы и сдѣлаетъ его королемъ. Князь, указывая на свой мечъ, отвѣчалъ: «такой ли мечъ у папы? Пока мой мечъ при мнѣ, онъ даетъ мнѣ земли; не нуждаюсь въ другомъ». Легатъ ушелъ ни съ чѣмъ. Но когда, по смерти Романа, въ малолѣтство его сыновей настали въ Галиціи смуты, ее поспѣшилъ захватить венгерскій король, посадилъ здѣсь своего сына Коломана; съ нимъ явились латинскіе епископы и ксендзы и стали изгонять русскихъ священниковъ, обращать православные храмы въ костелы, а русскихъ принуждать къ латинству. Къ счастью, на помощь Галицкой Руси явился изъ Новгорода князь Мстиславъ Удалой и выгналъ Венгровъ и Латинянъ. Но вотъ всю Россію, а также и Галицко-Волынскую Русь постигло тяжкое татарское завоеваніе. Смѣлый, уже выросшій сынъ Романа Даніилъ Галицкій задумалъ освободить свою землю отъ татаръ. Но зная ихъ силу, искалъ помощи на Западѣ. Думалъ онъ, что ему поможетъ и папа и завязалъ съ нимъ сношенія. Папа съ радостію ухватился за этотъ случай:

прислалъ своихъ легатовъ къ Даніилу прислалъ даже ему королевскую корону, но—не прислалъ помощи противъ татаръ. Поэтому Даніилъ Романовичъ и прервалъ сношенія съ папой. За то папа слалъ проклятія Даніилу и старался вооружить противъ него сосѣдей и, въ числѣ ихъ, Миндовга Литовскаго. Но это не устрашило нашего князя. Онъ остался вѣренъ православію, строилъ и украшалъ православныя церкви, чтилъ православныя святыни. Такъ, напримѣръ, онъ построилъ церковь Пресвятой Богородицы въ городѣ Холмѣ. Въ вѣрѣ православной и скончался славный Даніилъ († 1264 г.) и погребенъ въ Холмѣ въ той же построенной имъ церкви Пресвятой Богородицы. Вѣрными православію оставались послѣдующіе Галицко-Волынскіе князья, дѣти и внуки Даніила и брата его Василька. Но прошли десятилѣтія и славный родъ Галицко-Волынскихъ князей угасъ въ мужской линіи (ок. 1336 г.). Оставались изъ него двѣ княжны. Одна изъ нихъ была замужемъ за Любартомъ Гедиминовичемъ литовскимъ княземъ, а другая за Мазовецкимъ княземъ Тройденомъ, отъ котораго былъ у нея сынъ Юрій. Любартъ наслѣдовалъ одну часть бывшаго Волынско-Галицкаго княжества, а именно Волынь, а Юрій вторую—Галицію. Любартъ былъ вѣренъ православію, которое было вѣрою его матери и жены изъ русскихъ княженъ. Въ православіи былъ воспитанъ матерью и Юрій. Но потомъ, по наущенію польскаго короля, отпалъ въ латинство. Потому, сдѣлавшись княземъ въ Галиціи, сталъ, по наущенію папы и латинскаго духовенства, тѣснить православіе, вводить латинство, вообще оскорблять и обижать русскихъ православныхъ и этимъ такъ вооружилъ противъ себя галиц-

кихъ русскихъ князей, что и самъ погибъ отъ нихъ. Свѣдавъ объ этомъ и папа требовалъ мщенія. Мстителемъ выступилъ король польскій Казиміръ II, вздумавшій теперь захватить Галицію для себя и Польши. Папа усердно помогалъ ему, уступивъ Казиміру на это дѣло часть десятины, которыя по обычаю собиралась въ Польшѣ для папы въ видѣ дани. Ибо папы любили собирать дани съ земель и государствъ, признававшихъ главенство папы. И такъ Казиміръ въ 1340 г. вторгся съ войскомъ въ Галицію, захватилъ города Львовъ, Перемышль и другіе. замышляя уже подчинить всю страну римской церкви. Но въ слѣдующемъ году (1341 г.) поднялись противъ Казиміра и поляковъ русскіе Галичане и Волыняне, имѣя во главѣ православнаго, Литовско-русскаго князя на Волыни, Любарта Гедиминовича, храбраго боярина Дѣдка и князя Даніила Острожскаго. Они свергли ярмо Казиміра и Польши, а Волынь и Галиція остались во власти Любарта и союзниковъ. Но черезъ девять лѣтъ (1399 г.), Казиміръ съ новыми, большими силами опять овладѣлъ Галиціею, захватилъ и значительную часть Волыни. Но Волынь опять отвоевалъ у него Любартъ съ союзниками. Папа всячески силился помочь Казиміру и Польшѣ; дарилъ десятины на войну съ русскими, выкликивалъ крестовый военный походъ на нихъ, давалъ индульгенціи (т. е. прощенія грѣховъ) тѣмъ, кто пойдетъ на войну противъ русскихъ. Но все было напрасно. Любарту съ русскими помогали и другіе литовскіе князья и Волынь осталась за Любартомъ и русскими. Не такъ счастлива была Галиція. Она осталась подъ властью Казиміра и Польши. По смерти Казиміра († 1370) Польша признала своимъ королемъ сына

сестры его, Венгерскаго короля Людовика. Людовикъ отдалъ Галицію одному польскому князю Владиславу Опельскому. Этотъ Владиславъ, чужестранецъ и латинянинъ, худо обращался съ русскими православными, которые за это и сами не взлюбили его и тревожили его власть. Видя это, Владиславъ самъ ушелъ, но успѣлъ не мало награбить въ Галиціи. Онъ увезъ съ собою изъ Галиціи и древнюю чудотворную икону Божіей Матери, которая по преданію принесена была изъ Греціи еще при святомъ Владимірѣ. Эту-то икону онъ поставилъ въ Ченстоховѣ, гдѣ она и теперь есть. Итакъ эта святыня, чтимая польскими латинянами,—святыня православная, подобно и Виленской святынѣ, Остробрамской иконѣ Божіей Матери. Однакоже и по уходѣ Болеслава Галиція осталась подъ властью Польши. Папа спѣшилъ теперь насадить въ ней латинство. Онъ учредилъ въ ней латинскія епископства съ тѣмъ, чтобы они вытѣсняли или обращали въ латинство православныхъ, которыхъ по обычаю обзывалъ папа схизматиками. Явились и размножились здѣсь латинскіе ксендзы; особенно монахи доминикане, которымъ поручилъ папа проповѣдывать латинство и распространять его власть. Въ 1381 г. папа учредилъ здѣсь подъ завѣдываніемъ доминиканъ такъ называемую *инквизицію*, т. е. жестокое судилище, которое должно было преслѣдовать, судить и карать противниковъ Римской церкви и папы. Наступило тяжкое время для православныхъ въ Галиціи, время долгой, уже непрерывной борьбы за свою вѣру и народность. Наступило это время и для всей западной Россіи, когда она чрезъ Литву притянута была подъ власть Польши.

*

2. Соединеніе Литвы и чрезъ нее и Западной Россіи съ Польшею при вел. кн. Ягайлѣ. Отпаденіе его въ латинство.

По смерти Ольгерда († 1377 г.) великимъ княземъ Литвы и Западной Руси сталъ старшій сынъ его отъ второй жены Ягайло, въ православіи Яковъ. Не отличался онъ умомъ и мужествомъ, но былъ искателенъ, льстивъ и наклоненъ къ предательству. Неблагодарно, предательски и жестоко поступилъ онъ съ своимъ дядей Кейстутомъ, и его родичами; едва не загубилъ и сына его доблестнаго Витовта, котораго спасла только жена его Смоленская княжна. Спасшійся Витовтъ бѣжалъ къ Тевтонцамъ. Тѣ рады были вмѣшаться въ Литовскую смуту и жестоко опустошали Литву. Ягайло струсилъ и послалъ къ Витовту съ льстивой просьбой о мирѣ и съ обѣщаніемъ разныхъ уступовъ. Витовтъ и самъ пожалѣлъ родной Литвы, ушелъ отъ Тевтонцевъ и помогъ Ягайлу защититься отъ нихъ. Это было въ 1384 г. Вслѣдъ затѣмъ онъ задумалъ искать руки польской королевы Ядвиги, а съ нею и польской короны. Ради молодой красавицы Ядвиги и польской короны Ягайло обѣщалъ принять латинство, крестить по латинскому обряду и Литву, соединить ее и Западную Россію съ Польшею. Притомъ же союзомъ съ Польшею онъ надѣялся укрѣпить свою власть въ Литвѣ и Западной Руси, гдѣ его многіе не любили, въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ удѣльныхъ князей, его братья и родичи. Этимъ же союзомъ онъ надѣялся обезопасить себя отъ усилившагося Московскаго государства, а также отъ Тевтонцевъ, не покидавшихъ своихъ завоевательныхъ замысловъ противъ Литвы. Непріязнь къ Тевтонцамъ была причиною того, что замыслу Ягайлы потакали и нѣкоторые изъ Литовскихъ князей и бояръ. Въ Польшѣ паны и епископы, правившіе государствомъ при молодой королевѣ, обрадовались замыслу Ягайлы. Надо сказать, что не такъ

задолго передъ этимъ въ Польшѣ прекратился въ мужеской линіи древній королевскій родъ Пястовъ. Послѣ разныхъ замѣшательствъ паны и епископы признали королевой недорослую Ядвигу, племянницу послѣдняго короля изъ рода Пястовъ. Но ей нужно было найти мужа, который сталъ бы черезъ это и королемъ Польскимъ. Наиболѣе выгоднаго для Польши мужа королевѣ паны и ксендзы видѣли теперь въ Ягайлѣ. Принявъ Ягайла себѣ за короля, они разсчитывали уберечь Польшу отъ набѣговъ Литовскихъ, какими пугалъ ее даже Ягайло передъ тѣмъ, какъ свататься; расчитывали черезъ соединеніе силъ Польши и Литвы устрашить и Тевтоновъ, опасныхъ для Польши. А затѣмъ еще паны польскіе расчитывали, что черезъ соединеніе съ Польшею Литвы и Западной Россіи имъ откроется дорога къ власти и владѣніямъ въ литовско-русскихъ земляхъ, которыя были гораздо обширнѣе, богаче и плодороднѣе невеликихъ и большею частью песчаныхъ земель тогдашней Польши. А латино-польскіе епископы и ксендзы прельщались надеждою крестить въ своей вѣрѣ Литву, потомъ подчинить римской церкви и Западную Россію. Сама же королева невѣста совсѣмъ не радовалась найденному жениху. Былъ у нея другой давній женихъ Вильгельмъ, князекъ австрійскій, съ которымъ она, по тогдашнему обычаю, была обручена еще въ дѣтскіе годы. А Ягайло, по тому, что слышала о немъ, пугалъ ее, какъ грубый дикарь. Услужливые придворные Ядвиги помогли ей дать знать Вильгельму, чтобы онъ тайно пріѣхалъ въ столицу Польши-Краковъ. Тотъ прилетѣлъ. Но краковскій каштелянъ (комендантъ) не пустилъ его въ замокъ или дворецъ королевы, и Вильгельмъ со свитою остановился въ гостиницѣ. Тѣ же придвор-

ные устроили тайное свиданіе Ядвиги съ Вильгельмомъ въ одномъ римско-католическомъ монастырѣ гдѣ они со свитой забавлялись танцами и музыкой. А затѣмъ еще дали Вильгельму способъ тайно пробраться и въ замокъ и въ покои королевы, принявшей его, какъ настоящаго мужа. Провѣдали о томъ краковскіе вельможи и, не смотря ни на что, выгнали Вильгельма изъ замка и заперли ворота. Ядвига пыталась опять идти на свиданіе съ мужемъ, нашла ворота запертыми, хватила топоръ и кинулась сбивать замки въ воротахъ. Но куда же ей было разбить замки: такъ бѣдная она и осталась.

Теперь польскіе папы и ксендзы еще сильнѣе стали приставать къ Ядвигѣ, говоря, что согласіемъ на бракъ съ Ягайломъ она избавитъ Польшу отъ многихъ бѣдъ, увеличитъ ея силу, а главное — она совершитъ богоугодное дѣло, ибо Ягайло, ради нея крестится въ римско-католическую вѣру, а затѣмъ крестится и вся Литва. Набожная королева сдалась на эти слова. А князька австрійскаго пугнули тѣмъ, что Ягайло со многими людьми уже приближается къ Кракову, и тотъ князекъ бѣжалъ домой. И такъ въ февралѣ 1386 г. Ягайло съ большою свитою изъ Литовскихъ князей, бояръ и всякихъ людей въѣхалъ въ Краковъ. Измѣнивъ православію, далъ онъ себя окрестить по латинскому обряду и названъ Владиславомъ. Черезъ три дня повѣнчали его съ Ядвигой, а въ Мартѣ увѣнчали и польской короной. Тутъ пошло шумное веселье въ Краковѣ: пиры, пляски, рыцарскіе турниры (конскіе бѣга и бои), пѣвцы и скоморохи поочередно смѣняли другъ друга. Веселились въ Краковѣ, но не веселились и не радовались на Руси. Но объ этомъ послѣ. Въ началѣ 1387 г. Ягайло съ большою свитою изъ польскихъ

пановъ и высшихъ духовныхъ лицъ прибылъ въ Вильну, куда собрались и многіе литовскіе князья и бояре. Положено было крестить въ римско-католичество литовскихъ язычниковъ въ Вильнѣ и потомъ во всей Литвѣ.

3. Латинство или римское католичество въ Литвѣ и Жмуди.

Римско-католичество было не безъизвѣстно въ Вильнѣ еще при Гедиминѣ и Ольгердѣ, хотя еще очень слабо. При Ольгердѣ хотѣлъ поднять силу его бояринъ его Гаштольдъ. Бывши прежде воеводой на Подоліи, онъ женился на дочери сосѣдняго польскаго пана и при этомъ крестился по латинскому обряду. Теперь онъ вызвалъ въ Вильну изъ Польши латинскихъ монаховъ (францисканскаго ордена), устроивъ для нихъ монастырь на своемъ дворѣ. Виленскіе литовцы-язычники терпѣли православіе и православные храмы въ Вильнѣ. Если три Литовца (Іоаннъ, Антоній и Евстафій) пострадали за вѣру православную, то пострадали по злобѣ языческихъ жрецовъ, а народъ даже жалѣлъ страдальцевъ и сочувствовалъ имъ. Не такъ было дѣло съ латинскимъ монастыремъ и его монахами. Литовцы видѣли въ нихъ носителей той вѣры, во имя которой Тевтоны такъ часто проходили по Литвѣ съ мечемъ и огнемъ. И такъ не жрецы только, а цѣлыя толпы народа злобились на латинскихъ монаховъ. Воспользовавшись временемъ, когда Ольгерда и Гаштольда не было въ Вильнѣ, они напали на латинскій монастырь; семь монаховъ были убиты; другіе семь бѣжали изъ монастыря и пойманы на берегу рѣки Виліи. Язычники пригвоздили ихъ къ крестамъ и пустили внизъ по рѣкѣ, злостно приговаривая: «вы пришли съ запада, ступайте же назадъ». Возвратившійся Ольгердъ казнилъ за это смертью до 500 участниковъ злодѣйства. Грозная кара эта осталась въ па-

мяти виленскихъ язычниковъ и они присмирѣли. Тѣмъ смирнѣе держали они себя и теперь, когда увидѣли въ Вильнѣ великаго князя и короля Ягайло, который уже самъ сталъ римскимъ католикомъ, а съ нимъ большая свита и сила князей и бояръ литовскихъ, а также знатныхъ польскихъ пановъ и духовныхъ. Смирно глядѣли они, когда затѣмъ по приказу Ягайлы въ нижнемъ замкѣ Вильны погашенъ былъ священный огонь въ капищѣ Знича или Перкуна, повырублены священные дубы, перебиты священные гады. Слѣдовало теперь наставить язычниковъ въ христіанской вѣрѣ. Латинскіе польскіе ксендзы не умѣли говорить съ литовцами на языкѣ понятномъ для народа. Но имъ помогалъ самъ Ягайло — надо въ томъ правду ему отдать. А ему самому помогъ въ этомъ русскій языкъ, ибо русскій языкъ былъ для него уже природнымъ отъ дѣтства, отъ матери, на немъ отъ нея онъ ознакомился первѣе всего съ начатками христіанскаго ученія. Русскій языкъ уже былъ довольно знакомъ и литовцамъ, а польскаго они не знали, не зналъ еще его и самъ Ягайло. Но убѣждая литовцевъ словами, Ягайло дѣйствовалъ и подарками. Изъ Кракова Ягайло привезъ большой запасъ бѣлыхъ суконныхъ свитокъ для раздачи тѣмъ, кто приметъ крещеніе въ латинскую вѣру. Литовцы, носившіе дотолѣ самую грубую одежду, охотились на новыя свитки и толпами шли слушать проповѣдь «лядской» (польской) вѣры. И такъ стали изо дня въ день собирать язычниковъ къ рѣкѣ Виліи, тутъ дѣлили ихъ на группы или кучки, особо мущинъ, особо женщинъ; ксендзы кропили ихъ водою и такъ крестили, давая имена по одному на каждую кучку, такъ что въ одной кучкѣ всѣ назывались Иванами, въ другой Петрами и т. под. Такъ кре-

щена вся языческая половина Вильны. Въ ближайшее затѣмъ время послѣдовало крещеніе Литвы по всей области. Всѣхъ крещенныхъ насчитывали до 30.000. Въ Вильнѣ Ягайло построилъ соборъ св. Станислава и другія церкви. Поставленъ для Вильны и латино-польскій епископъ и при немъ ксендзы. Не такъ скоро и легко совершено крещеніе Жмуди. Дѣло въ томъ, что за эту Жмудь еще шли споры и битвы между рыцарями Тевтонскаго ордена съ одной стороны, Ягайломъ и Витовтомъ съ другой. Рыцари добивались сами крестить Жмудь, чтобы черезъ это закрѣпить ее подъ свою власть. Но горько и тяжко было несчастной Жмуди отъ такихъ крестителей. Вотъ какъ жаловались на это Жмудины въ своихъ посланіяхъ къ князьямъ и властителямъ всей Европы: «выслушайте насъ угнетенныхъ и измученныхъ! выслушайте насъ князья духовные и свѣтскіе! Орденъ не ищетъ душъ нашихъ для Бога, онъ ищетъ земель нашихъ для себя. Онъ довелъ насъ до того, что мы должны ходить по міру, или разбойничать, чтобъ было чѣмъ жить. Рыцари хуже татаръ. Всѣ плоды земли нашей и пчелиные улья рыцари у насъ побрали, не даютъ намъ ни звѣря убить, ни рыбы ловить, ни торговать съ сосѣдями. Что годъ уводятъ дѣтей нашихъ въ заложники; старшинъ нашихъ засадили въ тюрьмы въ Пруссію, а другихъ тутъ же со всѣмъ домомъ сожгли; сестеръ и дочерей нашихъ силою увезли, а еще крестъ святой носятъ! Сжальтесь надъ нами! Вспомните, что мы такіе же люди, какъ и всѣ, сотворены по образу и по подобію Божію, а не звѣри какіе! Отъ всей души хотимъ быть христіанами, но хотимъ креститься водою, а не кровію»! Въ другой разъ они говорили самимъ рыцарямъ, когда тѣ пришли собирать съ нихъ дань:

«куда вы идете грабить насъ? У насъ и безъ того много прелатовъ, ксендзовъ и тому подобныхъ людей, которые отбираютъ у насъ шерсть, медъ и молоко, а въ ученіи христіанскомъ не наставляютъ». Прошли годы въ борьбѣ Жмуди съ орденомъ. Наконецъ Ягайло и Витовтъ рѣшились собрать всѣ какія были у нихъ силы противъ ордена. Въ 1410 г. они съ громаднымъ ополченіемъ изъ полковъ литовскихъ, русскихъ и польскихъ вступили въ самыя владѣнія ордена въ Пруссію. Большія силы изъ разныхъ странъ Европы собрали и рыцари ордена. 10-го іюля при селѣ Грюнвальдѣ послѣдовала великая битва, подобная битвѣ Куликовской. Рыцари уже стали одолѣвать; но устояли противъ нихъ русскіе, особенно Смоленскіе полки и дали оправиться литовскимъ и польскимъ. Рыцари понесли страшное пораженіе. Послѣ этого сильно упалъ ихъ орденъ. А Жмудь осталась подъ властью родныхъ ей князей Ягайла и Витовта. Теперь они съ латино-польскимъ духовенствомъ принялись крестить ее. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ они успѣли въ этомъ, построили для новыхъ христіанъ костелы и учредили и епископство въ г. Медникахъ. Но увы! и это латинопольское крещеніе Жмуди не обошлось безъ примѣси насилій, похожихъ на насилія Тевтонцевъ и вообще привычныхъ ревнителямъ и слугамъ римской церкви. Самоуправство новыхъ ксендзовъ еще болѣе раздражало Жмудь. Вспыхнуло возстаніе по всей Жмуди. Народъ набросился на костелы, многіе изъ нихъ разорилъ и разграбилъ, перебилъ многихъ ксендзовъ, и самъ епископъ только бѣгствомъ спасся отъ обезумѣвшаго народа. Тяжко поплатился онъ за это. Витовтъ съ большимъ войскомъ поспѣшилъ въ Жмудь и произвелъ ужасное кровопролитіе. Однихъ

старшинъ казнено болѣе 60 и простаго народа до 5.000. Виновныхъ топили, вѣшали, разстрѣливали, рубили, сѣкли. Жмудь усмирена; ксендзы вновь появились, а за ними и епископъ. Такъ кровопролитіемъ ознаменовалось начальное появленіе латинства въ Литовской Вильнѣ при Ольгердѣ и Гаштольдѣ; кровопролитіемъ и завершилось торжество его въ Жмуди! Не такъ водворялось православіе въ Литвѣ. Мирно и тихо была проповѣдь его, какъ проповѣдь истинно-христіанская. Ничья кровь не пролита изъ за этой проповѣди, кромѣ крови святыхъ трехъ мучениковъ Виленскихъ, пострадавшихъ отъ языческихъ жрецовъ.

Крещенныя въ латинство или въ римско-католичество Литва и Жмудь включались черезъ это, подобно Польшѣ, въ составъ Римской церкви и подъ власть римскаго папы. Папа весьма радовался этому. Онъ хвалилъ подвиги Ягайло и Витовта, какъ подвиги апостольскіе, величалъ ихъ самихъ своими апостольскими викаріями. То, разумѣется, хорошо, что язычники Литовцы и Жмудины крещены въ христіанство, хотя бы и латинно-римское, ибо и это христіанство—есть христіанство, хотя и не такое чистое, какъ христіанство православное. Но то худо, что Литва, начавшая мирно и тихо принимать православіе, теперь раздвоилась между православіемъ и латинствомъ. Еще хуже было то, что Ягайло, по наущенію латинскаго духовенства польскаго и литовскаго и римскихъ папъ задумывалъ, даже обязывался привлекать къ латинству или хотя бы къ Уніи подъ власть римскихъ папъ и тѣхъ литовцевъ, которые уже были православными христіанами, и не только ихъ, но и русскихъ въ подвластной ему западной Россіи. Того же домогались и послѣдующіе

литовскіе великіе князья и короли польскіе, побуждаемые римскими папами и латино-польскими панами и прелатами. Такъ выросла у нихъ несчастная мысль олатинить и ополячить всю Литву и Западную Россію, слить ихъ въ одно государство съ Польшею — государство латино-польское. Понятно, что эта несчастная мысль не могла сбыться. Западная Россія, составляя болѣе девяти десятыхъ частей въ составѣ литовско-русскаго государства, необходимо вызывалось на борьбу за свою народность и вѣру православную. Цѣлые вѣка длилась эта борьба. Въ теченіе ихъ Западная Россія испытывала многія бѣдствія и утраты, временами изнемогала, но вновь крѣпилась и собиралась съ силами, а затѣмъ находила мощную защиту въ единовѣрной и единоплеменной Восточной Россіи. А Польша, не смотря на временные успѣхи и частичныя пріобрѣтенія, сама подрывала свои силы, увлекаемая въ самоволіе и безпорядокъ, болѣе и болѣе изнемогала и наконецъ поникла предъ соединенною силой Восточной и Западной Россіи, силой Всероссійской.

4. Мѣры Ягайлы (1387—1434 г.) къ подчиненію православныхъ римской церкви и твердость ихъ въ своей вѣрѣ.

Въ 1377 г. учредивъ въ Вильнѣ римско-католическое епископство, Ягайло въ Латинской грамотѣ первому виленскому римско-католическому епископу повторилъ обязательства, данныя имъ прежде въ Краковѣ. Въ этой грамотѣ онъ говорилъ, что «далъ обѣтъ и клятву призвать, привлечь, даже принудить къ повиновенію Римской церкви всѣхъ литовцевъ обоего пола и всякаго званія, *къ какой бы вѣрѣ они не принадлежали*». Съ этой цѣлью онъ запрещаетъ литовцамъ, крещеннымъ въ римско-католичество, вступать *въ брачные союзы съ русскими* иначе, какъ только подъ условіемъ, чтобы сами русскіе передъ этимъ обратились къ римской церкви.

Если же русскіе, уже вступивъ въ бракъ съ литовцами не отказываются отъ своей вѣры, то Ягайло будетъ непремѣнно склонять ихъ къ подчиненію римской церкви, принуждать ихъ къ тому даже *тѣлесными наказаніями*. И были примѣры, что эта угроза исполнялась, особенно надъ православными литовцами, которые черезъ православіе и родственные союзы съ русскими сами дѣлались русскими. Такъ, когда два православныхъ литовца, занимавшіе важныя мѣста при Ягайлѣ, не захотѣли отречься отъ православной вѣры, то онъ предалъ ихъ многимъ мукамъ и наконецъ казнилъ смертью. Такая твердость исповѣдниковъ православія должна была пріостановить римско-католическую ревность Ягайлы. Но прошли годы и Ягайло, наущаемый польскими панами и прелатами, принималъ новыя мѣры какъ къ скрѣпленію союза Литвы съ Польшею, такъ и къ привлеченію православныхъ литовцевъ и русскихъ къ римской церкви. Такъ онъ издавалъ сеймовыя постановленія, по которымъ права шляхетскихъ смердовъ и чиновной службы усвоялись только тѣмъ, которые принадлежали къ Римской церкви, а православные не допускались до такихъ правъ. Таковы особенно постановленія Городельскаго сейма 1413 г. Болѣе открытымъ насиліямъ со стороны Ягайла и Польши подверглась Галицкая Русь, теперь окончательно присоединенная къ Польшѣ. Здѣсь была упразднена древняя православная епископская каѳедра въ городѣ Галичѣ и на счетъ ея возвышена и обогащена латинская каѳедра, перенесенная въ Львовъ, главный городъ Галиціи. Въ Перемышлѣ хотя не упразднена епископская каѳедра, но у нея отнятъ соборный храмъ, обращенъ въ костелъ и отданъ латинскому перемышльскому епископу, при-

чемъ приказано было выбросить изъ бывшихъ при храмѣ гробовъ тѣла русскихъ. А самъ латинскій епископъ перемышльскій разными льготами заохочивалъ переселяться въ свою епархію римско-католиковъ изъ Польши съ тѣмъ, чтобы они сильнѣе подавляли русскихъ, въ ней обитающихъ. Не смотря на всѣ такія мѣры, православные въ Литвѣ и Западной Россіи оставались твердыми въ своей вѣрѣ. Еще тогда, когда Ягайло перекрестился въ Краковѣ въ латинство, примѣру его послѣдовали лишь немногіе изъ удѣльныхъ литовскихъ князей. Всѣ прочіе литовскіе князья, братья и родичи Ягайлы, остались вѣрны православію, какъ то: Андрей Полоцкій, Владиміръ Кіевскій, Димитрій (Корыбутъ) Сѣверскій, Скиргайло Троцкій, Өеодоръ Любартовичъ Волынскій и др. Изъ русскихъ князей, потомковъ Святого Владиміра, ни одинъ не отпалъ отъ православія. Изъ бояръ литовскихъ, еще недавно ставшихъ православными, были такіе, которые переходили въ латинство, чтобъ не лишиться льготъ, дарованныхъ городельскимъ сеймомъ только латинянамъ. Но другіе оставались вѣрными православію, которое твердо стояло и росло въ самой столицѣ Вильнѣ. Объ этомъ съ великимъ сожалѣніемъ сообщилъ самъ латинскій епископъ Вильны Андрей Василло въ бесѣдѣ съ бывшимъ здѣсь посломъ отъ Тевтонскаго ордена (1397 г.). Что касается до чисто русскихъ земель Западной Россіи, то здѣсь повсюду и весь народъ пребывалъ вѣрнымъ православію. А мѣстами и пришлые литовцы-язычники обращались въ православное христіанство. Такихъ литвиновъ успѣвалъ крестить въ своей епархіи Туровскій епископъ Антоній. Видя такую силу православія во всѣхъ литовско-русскихъ земляхъ своего государства, Ягайло волею-

неволею долженъ былъ сдерживаться самъ, сдерживать и другихъ ревнителей отъ насилій православной церкви, такъ что она продолжала существовать во всѣхъ этихъ земляхъ, имѣла своихъ епископовъ, священниковъ, свои храмы, монастыри, видѣла и умноженіе ихъ усердіемъ православныхъ князей, бояръ и народа.

5. Витовтъ, защитникъ независимости Литовско-Русскаго государства отъ Польши, по сторонникъ римской церкви.

Соединеніе Литвы и Западной Россіи съ Польшею, причинивъ стѣсненія православной церкви, послужило поводомъ и къ разнымъ другимъ замѣшательствамъ и спорамъ между этими странами, переходившимъ и въ открытую борьбу. Оказывалось, что самое это соединеніе понимается ими неодинаково. Польша домогалась черезъ это соединеніе привесть литовско-русскія земли въ *полное подданство* польской коронѣ, при которомъ бы польскіе паны и прелаты могли владѣть и править въ нихъ, и польская народность господствовала-бы надъ литовско-русскою. Напротивъ въ Литвѣ и Западной Россіи считали это соединеніе только *союзомъ*, при которомъ-бы польское и литовско-русское государство жили въ мирѣ, взаимно помогали противъ внѣшнихъ враговъ, но оставались каждое при своихъ владѣніяхъ и земляхъ и при своихъ природныхъ властяхъ и вообще при своей народности, какъ особой и независимой отъ Польши. Между православными литовско-русскими князьями были и такіе, которымъ не по душѣ былъ и самый союзъ съ Польшею, достигнутый Ягайломъ цѣною измѣны православію. Еще тогда, когда въ Краковѣ шли веселые пиры по случаю вѣнчанія Ягайлы польскою короной, поднялось возстаніе въ области Полоцкой подъ предводительствомъ Андрея князя Полоцкаго (брата Ягайлы) и Святослава Смоленскаго. Возста-

ніе было подавлено тѣми литовскими князьями, которые были теперь еще союзниками Ягайлы. Но затѣмъ явились противники Ягайла и Польши и среди самыхъ этихъ союзниковъ. Сильнѣйшій изъ нихъ былъ Витовтъ, княжившій теперь въ Гроднѣ. Ягайло долженъ былъ уступить ему; Витовтъ сталъ великимъ княземъ Литовскимъ и въ 1392 г. вѣнчался на великое княженіе въ Вильнѣ, хотя и признавалъ верховенство Ягайлы, какъ польскаго короля. Затѣмъ Витовтъ сталъ забирать подъ свою власть другія литовско-русскія земли, въ томъ числѣ и Кіевъ съ его областью (1396 г.). Къ тому же онъ уже давно былъ въ родствѣ съ сильнымъ Московскимъ великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ, женатымъ на дочери его Софіи. Въ Польшѣ стали побаиваться, что онъ совсѣмъ оторветъ отъ нея свое государство. Поэтому вздумали они напомнить ему о верховныхъ правахъ польской короны. По наущенію польскихъ пановъ, королева Ядвига отъ имени мужа прислала въ 1398 г. письмо къ Витовту съ требованіемъ дани съ литовско-русскихъ земель. Витовтъ созвалъ въ Вильну литовскихъ бояръ и сказалъ: «считаютъ-ли они себя подданными польской короны такъ, чтобы давать дань королевѣ?» Бояре отвѣчали: «мы не подданные Польши ни подъ какимъ видомъ; мы всегда были вольны, наши предки никогда не платили дани полякамъ; не будемъ и мы платить, останемся при своихъ вольностяхъ». Витовтъ радъ былъ этому и отказалъ Польшѣ въ дани. Но будучи защитникомъ независимости литовско-русскаго государства, Витовтъ оставался сторонникомъ римской церкви, къ которой присталъ еще въ Краковѣ, одновременно съ Ягайломъ. Ради этого, онъ не порывалъ и союза

съ Польшею и Ягайломъ. Кромѣ того, союзъ этотъ казался ему полезнымъ въ его смѣлыхъ замыслахъ. Такъ, онъ мечталъ побѣдить татаръ Золотой Орды, но вмѣстѣ съ поляками потерпѣлъ отъ нихъ жестокое пораженіе на р. Ворсклѣ въ 1399 г. Оправившись отъ такой неудачи, онъ замышлялъ покорить Новгородъ, Псковъ, Рязань, началъ войну даже съ своимъ зятемъ Московскимъ великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ. Но въ это время нѣкоторые изъ литовско-русскихъ православныхъ князей и бояръ стали выходить изъ-подъ власти Витовта и уходить подъ покровительство и на службу къ Московскому великому князю. Витовтъ испугался и помирился съ зятемъ. Гораздо удачнѣе для него, какъ для Ягайлы и Польши, была совмѣстная война ихъ съ Тевтонцами, увѣнчавшаяся славною Грюнвальденскою побѣдою 1410 г. На радостяхъ отъ этой побѣды поляки и литовцы стали опять брататься, и это братанье повело къ возобновленію союза Литвы съ Польшею на Городельскомъ сеймѣ 1413 г. Но братаясь на этомъ сеймѣ, Ягайло и Витовтъ, поляки и литовцы латинской вѣры, забыли принять въ братство съ собою православныхъ литовцевъ и русскихъ, хотя они были сильными пособниками ихъ въ борьбѣ съ тевтонцами, не дали православнымъ тѣхъ правъ, какія даны были на этомъ сеймѣ литовцамъ латинянамъ. Допустивъ такое униженіе православныхъ, составлявшихъ девять десятыхъ населенія въ его государствѣ, Витовтъ допустилъ великую неправду ради угодничества римско-католической церкви. Изъ этого же угодничества ей и ея главѣ римскому папѣ онъ допустилъ основать въ своемъ государствѣ два новыя латинскія епископства, одно въ Луцкѣ, другое въ

самомъ Кіевѣ, хотя для Кіева только считался латинскій епископъ, а глазъ сюда онъ не показывалъ за дальностью страны и за неимѣніемъ латинянъ въ Кіевѣ. Угодничество Витовта римской церкви, конечно, не привязывало православныхъ Западной Россіи ни къ Витовту, ни къ латинской Литвѣ. Они видѣли единоплеменныхъ и единовѣрныхъ братьевъ въ сѣверо-восточной Руси. Зная это, Витовтъ задумалъ ослабить ту церковную связь Западной Россіи съ Восточною, видимымъ знакомъ которой была единая власть первосвятителя— митрополита, жившаго въ Москвѣ. Онъ предложилъ епископамъ Западной Руси избрать особаго митрополита Литовско-Русскаго. Позволительно было и по церковнымъ правиламъ имѣть въ особомъ государствѣ особаго митрополита. Потому епископы избрали и посвятили особаго для Западной Россіи митрополита на соборѣ въ Новгородкѣ Литовскомъ въ 1416 г. Но, сдѣлавъ это, они объявили, что остаются вѣрными православію, не разрываютъ союза со всею Восточною Православною Церковью. А самъ новый митрополитъ Григорій Цамблакъ былъ ревнитель православія и самому Витовту говорилъ: «зачѣмъ ты, князь, держишься вѣры латинской, а не православной?» Витовтъ отвѣчалъ: «если ты желаешь видѣть не только меня одного, но и всѣхъ людей моей земли въ православной вѣрѣ, то пойди въ Римъ и состязайся съ папою и его мудрецами. Когда побѣдишь, всѣ примемъ православный законъ и обычаи, а если нѣтъ, то я всѣхъ моихъ подданныхъ православной вѣры обращу въ латинство». Мудрый митрополитъ не испугался этой угрозы. Спустя нѣкоторое время онъ, по желанію князя, отправился съ нѣсколькими епископами на

6. Охраненіе православія Западно-Русскими епископами при Витовтѣ.

западъ, но не въ Римъ, а въ Констанцъ (городъ въ Швейцаріи). Въ Римѣ, и во всей Западной римско-католической церкви были тогда большіе безпорядки. Было тогда разомъ три папы, жившіе въ разныхъ мѣстахъ, спорившіе между собою за власть къ соблазну всѣхъ. Въ Констанцѣ составился соборъ, чтобы устранить эти и другіе безпорядки. Соборъ тянулся долго (1414—1418 г.), показалъ большую жестокость надъ двумя священниками изъ чеховъ, которыхъ сжегъ живьемъ за то, что они обличали римскую церковь за ея злоупотребленія. Но соборъ низложилъ и всѣхъ трехъ папъ и избралъ новаго папу, которому однакоже нескоро уступили свою власть всѣ низложенные папы. На соборѣ поднимались рѣчи и объ уніи, т. е. соединеніи Православной Восточной Церкви съ Римскою, причемъ Восточная церковь должна была бы признать надъ собою власть папы. А бывшіе на соборѣ польскіе послы увѣряли, что къ этой уніи пристанутъ и ѣдущіе изъ Литвы, т. е. Западной Россіи, православные литовцы и русскіе съ своимъ митрополитомъ. Они и пріѣхали уже къ самомъ концу собора. Они не отказывались отъ бесѣдъ о вѣрѣ, но прямо сказали, что уніи, т. е. признанія надъ собою власти папъ Римской церкви, они не желаютъ. На соборѣ посмѣялись надъ поляками, похвалившимися, что приведутъ русскихъ въ унію. А русское посольство благополучно возвратилось домой.

Вскорѣ образумился и самъ Витовтъ. Когда скончался митрополитъ Григорій Цамблакъ, то Витовтъ, по совѣту своего зятя, Московскаго великаго князя, призналъ въ своемъ литовско-русскомъ государствѣ власть единаго православнаго митрополита Фотія, жившаго теперь въ Москвѣ. И этотъ Фотій не одинъ

7 Преграды ему со стороны Поляковъ въ пріобрѣтеніи короны какъ знака независимости его литовско-рус-

скаго государства отъ Польши.

разъ посѣщалъ города и области Западной Россіи и повсюду принимаемъ былъ съ честью, какъ единый православный митрополитъ. Впрочемъ отъ латинства самъ Витовтъ не отсталъ и теперь. Почему? Онъ желалъ получить королевскую корону, чтобы, сдѣлавшись королемъ, чрезъ это утвердить полную независимость своего государства отъ Польши. А корону онъ надѣялся получить или отъ папы или отъ нѣмецкаго императора латинской вѣры. Папа не согласился дать корону Витовту; за то обѣщалъ дать ее императоръ. Въ надеждѣ на это Витовтъ въ 1429 г. созвалъ въ городъ Луцкъ (на Волыни) много гостей изъ западныхъ государей и разныхъ князей. Былъ тутъ и Московскій великій князь и митрополитъ Фотій. Былъ и Ягайло съ польскими панами и епископами. Ягайло готовъ былъ согласиться на коронованіе Витовта. Но польскіе паны и епископы еще прежде упросили папу пригрозить Ягайлѣ, чтобъ не допустилъ онъ этого коронованія. А теперь въ Луцкѣ они стали еще сильнѣе налегать на Ягайла, говоря: «какъ! ты готовъ согласиться на коронованіе Витовта? ты хочешь, чтобы Литва стала независимой отъ Польши; хочешь лишить насъ такихъ обширныхъ и богатыхъ земель, какъ земли литовско-русскія?» Но Ягайло все еще колебался. Тогда поляки ночью тайкомъ уѣхали изъ Луцка. Ягайло, боясь, что они надѣлаютъ ему бѣды, уѣхалъ и самъ. Такъ коронованіе не состоялось, и гости Витовта стали разъѣзжаться. Витовтъ упрашивалъ оставшихся гостей ѣхать за нимъ въ Вильну, надѣясь тамъ короноваться. Шли уже туда и послы императора, везшіе корону. Но поляки переняли имъ дорогу и не пустили въ Вильну. Огорченный Витовтъ, тогда уже свыше 80-лѣтній старикъ, скончался 1430 г. На всемъ дѣлѣ Витовта ясно

сказалось то, что латинство, принятое имъ, навязанное и Литвѣ, не принесло имъ ни полной милости папы, ни искренней дружбы Польши. Польша все-таки думала не о дружбѣ, а власти надъ Литвой, а чрезъ нее и надъ Русью; и папа угождалъ гораздо болѣе Польшѣ, чѣмъ Литвѣ.

8. Борьба Литвы и Западной Руси за свою государственную независимость послѣ Витовта—до Владиміра.

Послѣ Витовта борьба между литовско-русскою и польскою сторонами оживилась съ большимъ ожесточеніемъ. Она продолжалась до смерти Ягайла (1444 г.) и послѣ него. Особенно сильна была борьба за Волынь и Подолію, которыя хотѣли захватить Поляки, а Литовцы и русскіе защищали отъ нихъ. Въ этой борьбѣ особенно прославился князь Ѳеодоръ Острожскій, сынъ того князя Даніила, который въ свое время защищалъ Волынь и Галицію отъ Польскаго короля Казиміра III. Этотъ князь славился также благочестіемъ, такъ что наконецъ сталъ инокомъ, подвизался въ Кіево-Печерской Лаврѣ; здѣсь онъ и скончался и потомъ былъ причисленъ къ лику святыхъ. Одновременно съ борьбой изъ-за Волыни и Подоліи шла борьба за независимость отъ Польши всего литовско-русскаго государства. Когда въ Польшѣ избранъ былъ королемъ старшій сынъ Ягайла Владиславъ, Литовцы и русскіе пожелали имѣть у себя великимъ княземъ младшаго брата его Казиміра (1440 г.). Когда потомъ Владислава не стало (онъ убитъ на войнѣ съ турками подъ городомъ Варною въ 1443 г.), то поляки боясь, что литовцы и русскіе отпадутъ отъ Польши, стали звать къ себѣ Казиміра въ Краковъ. Долго отговаривали его отъ польской короны литовцы и русскіе, долго и самъ онъ не соглашался принимать эту корону. Но наконецъ полякамъ удалось запугать молодого Казиміра; онъ поѣхалъ въ Краковъ и сталъ королемъ поль-

скимъ, оставаясь и великимъ княземъ литовско-русскимъ. Такимъ образомъ опять соединилась Литва и Западная Русь съ Польшею. Но при этомъ Казиміръ далъ обязательство, что не допуститъ умаленія земель литовско-русскаго государства, не допуститъ захвата Поляками Волыни и Подоліи (1447 г.). Но это обязательство не остановило польскихъ замысловъ на захватъ Волынскихъ, Подоліи и другихъ русскихъ земель. Поэтому борьба Литвы и Западной Руси съ Польшею продолжалась.

Флорентійская Унія. Съ первыхъ годовъ княженія Казиміра IV православнымъ въ предѣлахъ литовско-русскаго государства причинена новая смута черезъ такъ называемую Флорентійскую Унію. Мысль объ Уніи была старою мыслью римскихъ папъ. Черезъ эту унію они домогались подчинить своей власти греко-восточную православную церковь, а съ нею и другія народныя церкви, которыя приняли православное христіанство отъ Греко-Востока, въ числѣ ихъ и русскую церковь. Мысль объ Уніи поднималась въ греческомъ Царьградѣ и въ папскомъ Римѣ не одинъ разъ и каждый разъ именно тогда, когда греческому царству и Царьграду грозили завоеваніемъ турки мусульмане. Цари греческіе, а съ ними и нѣкоторые греки, надѣялись, что Западные христіане, по христіанскому братству, окажутъ имъ защиту отъ невѣрныхъ. Папы обѣщали склонять къ тому Западныхъ христіанъ, но съ тѣмъ условіемъ, если греческіе цари и патріархи, а также и всѣ православные греки примутъ Унію, т. е. признаютъ надъ собой власть папы, а съ нею и разныя римскія нововведенія въ вѣрѣ и церкви. Были такіе цари и патріархи, что соглашались на это; но это причиняло только новыя смуты и распри въ Царь-

градѣ и греческомъ царствѣ. Попытка Уніи падала сама собой тѣмъ болѣе, что папы и западные христіане не хотѣли и не могли оказывать помощь грекамъ противъ турокъ. Въ первыхъ десятилѣтіяхъ XV вѣка греческое царство было уже до крайности стѣснено турками. Они завоевали почти всѣ области его и готовились завладѣть и самымъ Царьградомъ. Царь греческій (Іоаннъ Палеологъ) въ отчаяніи соглашался на Унію съ римской церковью, за что папа (Евгеній IV) обѣщалъ ему помощь противъ турокъ деньгами и войскомъ. Обѣщалъ это папа тѣмъ живѣе, что и самъ нуждался въ Уніи съ православнымъ Греко-Востокомъ.

Тогда на западѣ были уже многіе учители и владыки, которые обличали разные соблазны и злоупотребленія въ папствѣ, требовали исправить ихъ, ограничить во многомъ и самую папскую власть и ея приспѣшниковъ. Чтобы дать отпоръ такимъ обличителямъ, папа съ приспѣшниками хотѣлъ опереться на Унію съ православнымъ Востокомъ и показать, что этотъ Востокъ, древнѣйшій учитель въ вѣрѣ для всего свѣта, теперь за одно съ Римомъ, признаетъ папскую власть и новыя ученія папскія. И вотъ по такимъ мірскимъ расчетамъ двигателей Уніи въ Царьградѣ и Римѣ, составился въ 1439 г. соборъ въ итальянскомъ городѣ Флоренціи, гдѣ были греческій царь и папа, многіе греки и латиняне, и была провозглашена Унія. Но эту Унію тутъ же на соборѣ и послѣ него отвергли лучшіе изъ греческихъ святителей, во главѣ съ Маркомъ Ефесскимъ; отвергли ее православные греки и въ Царьградѣ. Они предпочли покориться своей участи, волѣ Божіей, подпасть даже власти Турокъ, но не измѣнять святому православію. Папа же, похваляясь Уніею на

весь свѣтъ, не защитилъ грековъ и Царьграда отъ турокъ. Въ 1453 г. пало греческое царство, Царьградъ взятъ турками; но православіе сохранилось въ немъ твердо и неизмѣнно. Флорентійскую унію хотѣли навязать и русской церкви. Еще до Флорентійскаго собора въ Царьградѣ поставили и отправили въ Москву на русскую митрополію грека Исидора, сторонника затѣвавшейся Уніи. Прибывъ въ Москву, онъ тотчасъ сталъ собираться въ далекій путь на соборъ. Великій князь Василій Васильевичъ съ трудомъ согласился отпустить его, но предостерегалъ, говоря: привези намъ древнее благочестіе, т. е. возвращайся вѣрнымъ древнему православію. Но Исидоръ на соборѣ во Флоренціи совсѣмъ предался на Унію. За то бывшіе съ нимъ русскіе духовные и міряне отверглись отъ него и стали на сторонѣ ревнителей православія. Не смотря на все, самонадѣянный Исидоръ направился обратно въ Россію. Проѣзжая черезъ Польшу и Западную Россію, онъ провозглашалъ Унію, и были такіе, что терпѣли и слушали его. Прибывъ затѣмъ въ Москву, онъ отважился въ Соборномъ храмѣ провозглашать объ Уніи и папѣ. Но Великій князь тутъ же обличилъ его, а русскіе епископы соборомъ осудили его и его дѣло, какъ «дѣло папино». Свели его съ митрополіи въ монастырь, откуда онъ бѣжалъ. Его и не догоняли. Прибѣжавъ въ Западную Россію, онъ замѣтилъ, что и здѣсь, по голосу изъ Москвы, перестаютъ вѣрить ему, и потому бѣжалъ далѣе въ самый Римъ къ папѣ (1441 г.).

Не удалась унія ни въ Восточной, ни въ Западной Россіи. Обѣ онѣ пребыли вѣрными православію. По единству вѣры черезъ нѣсколько лѣтъ возстановлено было и единство высшей церковной

власти для обѣихъ половинъ Россіи. Когда въ Москвѣ поставленъ былъ въ митрополиты (1448 г.) святитель Іона, то скоро затѣмъ власть его признана въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Согласился на это и тогдашній польскій король и великій князь Литовско-русскій Казиміръ, склоняясь на ходатайство Московскаго великаго князя и православныхъ литовцевъ и русскихъ Западной Россіи и ея православныхъ епископовъ. Но, спустя десять лѣтъ, въ Римѣ опять принялись за унію. Тамъ поставленъ былъ уніатъ Григорій Булгаръ въ митрополиты для Литвы и Западной Россіи. Въ 1458 г. папа прислалъ его къ Казиміру съ грамотою, въ которой требовалъ, чтобы этотъ Григорій былъ отдѣльнымъ митрополитомъ для девяти епархій въ литовско-русскомъ государствѣ со включеніемъ и Кіева. Папа требовалъ также, чтобы изгнана была изъ этихъ епархій власть жившаго въ Москвѣ православнаго митрополита Кіевскаго и всея Россіи святителя Іоны. «Если этотъ Іона схизматикъ явится въ Западную Русь, то поймать его, сковать и заключить въ тюрьму!» Такъ грозно, но не разумно и нечестиво писалъ папа о святителѣ Іонѣ, мужѣ великой святости! Казиміръ, принадлежа самъ къ римской церкви, притомъ же находясь подъ давленіемъ польскихъ и литовскихъ пановъ и епископовъ римской вѣры, уступилъ папѣ и принялъ Григорія на митрополію въ свое государство. Засѣвши же въ митрополіи и называясь митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси, Григорій властно требовалъ повиновенія себѣ отъ православныхъ епископовъ и мірянъ Западной Россіи, прибѣгая и къ насиліямъ противъ неповинующихся. Горько сѣтовали на это православные, жалобно писали о томъ и въ Москву

къ святителю Іонѣ, который утѣшалъ и ободрялъ, обѣщая гонимымъ убѣжище въ Московскомъ государствѣ. Не малое время православные Западной Россіи должны были терпѣть власть митрополита-уніата въ надеждѣ, что онъ и самъ опамятуется. И дѣйствительно подъ конецъ жизни Григорій, видя нелюбовь къ нему православныхъ, сталъ опамятываться, просилъ для себя благословеніе, отъ православнаго Константинопольскаго патріарха, отрекаясь отъ уніи. Патріархъ далъ ему благословеніе, и Григорій скончался въ общеніи съ православною церковью въ Новогродкѣ Литовскомъ, гдѣ и погребенъ (1473 г.). Такъ унія опять не удалась и въ самой Западной Россіи. Но она прошла не безслѣдно для всей церкви русской въ обѣихъ половинахъ Россіи. Ближайшимъ послѣдствіемъ ея было то, что

10. Раздѣленіе Русской митрополіи на двѣ: Московскую и Кіевскую.

отдѣленная при Григоріѣ Кіевская митрополія съ своими девятью епархіями въ Западной Россіи уже не возвращалась подъ общую власть митрополита, жившаго въ Москвѣ. И въ самой Москвѣ предпочли держаться своей одной Московской митрополіи, чтобы не допустить происковъ уніи и латинства, возможныхъ въ Западной Россіи и могшихъ вторгаться оттуда въ Московскую Русь. Такъ по смерти святителя Іоны въ Москвѣ стали избирать отдѣльныхъ митрополитовъ, которыхъ стали называть *Московскими и всея Руси*; а въ Западной Россіи по смерти Григорія стали избирать тоже своихъ отдѣльныхъ митрополитовъ, называвшихся *Кіевскими и всея Руси.* Такъ послѣдовало окончательно раздѣленіе единой русской митрополіи на двѣ и продолжалось около двухъ столѣтій.

ГЛАВА III.

Начальное время отдѣльной Кіевской митрополіи въ Западной Россіи или время правленія Польско-Литовскихъ государей Казиміра Ягайловича и Александра Казиміровича (до начала XVI вѣка).

1. Потребность усиленныхъ попеченій со стороны православныхъ Западной Руси о своей церкви.

По окончательномъ образованіи отдѣльной Кіевской митрополіи православнымъ Западной Россіи надлежало усиленнѣе прежняго заботиться объ огражденіи своей вѣры и народности, правъ и благоустройства своей церкви и своей земли. Теперь Западная Россія отдѣлена была отъ восточной не по государственному только управленію, но и по церковному. Затруднительнѣе стали для нея церковныя связи съ Восточною Россіею, которая своею твердою вѣрностію православію служила примѣромъ и помощью въ охраненіи его и для Руси Западной. Православная церковь въ Западной Россіи теперь болѣе прежняго подпадала зависимости отъ господствовавшей въ ней римско-католической государственной власти. Не могла она ожидать отъ этой власти такого покровительства, какъ церковь Восточной Россіи отъ единовѣрной власти Московскихъ государей. Благо, если иновѣрная власть въ Западной Россіи оказывала терпимость къ здѣшней православной русской церкви. Покровительство же она гораздо охотнѣе являла своей римско-католической церкви, готова была и помогать усиленію ея на счетъ православной церкви. Опираясь на это польско-литовскіе римско-католики, особенно ихъ бискупы и ксендзы, поощряемые римскими папами, смѣлѣе прежняго могли причинять разныя стѣсненія православной церкви съ тою же цѣлію усилить

на счетъ ея свою римско-католическую церковь и даже подчинить ей нашу православную церковь. Все это видѣли лучшіе люди изъ православныхъ Западной Россіи и прилагали особенныя попеченія о своей православной церкви. Напомнимъ здѣсь нѣкоторыя болѣе общія дѣла такой попечительности ихъ о своей церкви.

2. Охраненіе союза ея съ православнымъ Востокомъ и въ частности съ Константинопольскимъ патріархомъ.

Такъ они старались охранить союзъ своей церкви съ православнымъ Востокомъ и удерживали обычай испрашивать для своихъ митрополитовъ благословеніе Константинопольскаго патріарха. Памятна въ этомъ дѣлѣ особенно одна грамота къ константинопольскому патріарху, писанная около 1488 г. отъ имени западно-русскихъ князей, бояръ и духовныхъ лицъ съ просьбою о благословеніи для избраннаго ими на митрополію Полоцкаго епископа Іоны Глѣзны. «Живемъ мы, писали они, подъ властію государя великаго князя Литовскаго Казиміра, но въ православной вѣрѣ пребываемъ твердо, даже до смерти, хотя насъ и стѣсняютъ въ вѣрѣ. Теперь, по кончинѣ бывшаго митрополита нашего Симеона, мы умолили государя Казиміра, чтобы позволили намъ составить соборъ или съѣздъ для избранія ему преемника. Когда то было дозволено, то мы, послѣ долгаго взысканія, избрали на митрополію достойнаго, просвѣщеннаго и благочестиваго Іону, епископа Полоцкаго. Итакъ, святѣйшій отецъ, дай ему свое благословеніе, сдѣлай это для защиты насъ отъ притѣсненій; а избранный нами владыка Іона есть и будетъ у насъ твердымъ возбранникомъ противъ непріязненныхъ намъ и стѣсняющихъ насъ».

Союзъ съ православнымъ Востокомъ и благословеніе Константинопольскаго патріарха, даваемое

Кіевскимъ или Западно-Русскимъ митрополитамъ были большою помощію православнымъ Западной Россіи. Когда польско-литовскіе латиняне-паписты, или самые папы римскіе чрезъ своихъ дѣльцовъ пытались навязать имъ унію или латинство и подчинить папѣ, то православные могли говорить и говорили: «мы находимся подъ благословеніемъ Константинопольскаго патріарха, союзны по вѣрѣ съ нимъ и другими патріархами православнаго Востока. Безъ ихъ согласія не можемъ принять уніи и латинства, да и не нуждаемся во власти римскаго папы, имѣя духовную власть единовѣрнаго патріарха». Вообще союзъ съ православнымъ Востокомъ поддерживалъ въ Западной Руси добрыя и спасительныя преданія далекой старины: это преданіе о православіи, какъ святомъ наслѣдіи, доставшемся Западной, какъ и Восточной Россіи отъ времени святого Владиміра, принявшаго вѣру не съ Запада, а съ Востока.

3. Заботливость объ огражденіи правъ вѣры и церкви и ея іерархіи.

Заботились православные Западной Россіи объ огражденіи правъ своей церкви. Таково было право ея избирать и поставлять своихъ митрополитовъ и епископовъ, чтобы не прекращались въ ней священноначаліе и святительское служеніе. Не подобало православнымъ оставлять это дѣло на волю иновѣрной власти, которая не имѣла охоты заботиться о немъ, или же могла отдавать святительскія каѳедры какимъ либо искателямъ и угодникамъ (кои бываютъ всегда и вездѣ). Поэтому начальные люди изъ православныхъ, духовные и міряне, сами старались усматривать мужей надежныхъ и достойныхъ на святительское служеніе. Избравъ ихъ, они ходатайствовали предъ государственною властью объ утвердительныхъ грамотахъ для своихъ избранни-

ковъ; а потомъ совершалось и поставленіе по церковному чину. Такимъ образомъ въ Западной Россіи непрерывно продолжается рядъ митрополитовъ и епископовъ во всѣхъ епархіяхъ. Это были, кромѣ митрополичьей, епархіи: Полоцкая, Владиміро-Волынская, Брестская, Луцкая и Острожская, Пинская и Туровская, Перемышльская и Самборская, Холмская и Белзская, а на Востокѣ Смоленская и Черниговская, ибо и эти области въ ту пору принадлежали къ составу литовско-русскихъ государствъ Западной Россіи. Имѣя непрерывное епископство, Западная Русь повсюду въ монастыряхъ, соборахъ и приходскихъ церквахъ имѣла своихъ духовныхъ лицъ для священнослуженія.

Требовалось далѣе охранять права церкви по ея духовному суду и управленію на основаніи соборныхъ правилъ и древнихъ русскихъ церковныхъ уставовъ. Понятно, что объ охраненіи этихъ правъ старались прежде всего сами архипастыри и старшіе изъ духовенства, ходатайствуя о томъ предъ государственною властію. Но имъ помогали въ этомъ лучшіе и болѣе усердные изъ знатныхъ людей; ибо знали они, что это требуется для благоустройства церкви и для лучшаго надзора за благоповеденіемъ вѣрующихъ; знали они, что помощь пастырямъ нужна для защиты церкви не только отъ притѣсненій со стороны иновѣрцевъ, но и отъ злоупотребленій со стороны своихъ самовольниковъ, какіе могли быть и бывали.

4. Ктиторство, или патронатство, и благотвореніи церкви.

Попечительность православныхъ Западной Руси о своей церкви сказывалась еще на обычаѣ и правѣ *ктиторства*, или *патронатства*. Ктиторъ означаетъ строитель и владѣтель, а патронъ—покровитель, попечитель. Ктиторами назывались тѣ, которые по бла-

гочестію и усердію къ церкви строили на своихъ земляхъ, въ своихъ имѣніяхъ храмы и монастыри, обновляли и украшали ихъ, обезпечивали содержаніе ихъ и служащихъ въ нихъ домами, землями, угодьями и разными другими вкладами и пожертвованіями. Они заботились также о томъ, чтобы въ монастыряхъ имѣлись всегда настоятели, въ церквахъ священники съ причтомъ, и такимъ образомъ всегда могли совершаться церковныя службы во славу Божію и святыхъ, молитвы о живыхъ, поминанія умершихъ. Они обязывались и охранять достояніе своихъ монастырей и церквей отъ обидъ и посягательствъ съ чьей либо стороны и имѣть вообще всякое попеченіе о благосостояніи ихъ. По всему этому они назывались также *патронами*, т. е. покровителями, попечителями. За такія добрыя услуги церкви, ктиторы или патроны получали право для бывшихъ надъ ихъ попеченіемъ монастырей и церквей назначать настоятелей и священниковъ, съ согласія епископовъ, или представлять епископамъ къ назначенію лицъ, найденныхъ ими достойными на настоятельство и священство. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ктиторы, или патроны. могли входить и въ судебныя дѣла по бывшимъ на ихъ попеченіи монастырямъ и церквамъ, если дѣла касались, напримѣръ, церковнаго имущества или проступковъ со стороны служащихъ при нихъ, но не вмѣшиваясь въ собственно духовныя дѣла, подлежавшія церковному суду. Обычай ктиторства былъ древнимъ обычаемъ въ церкви вообще и въ русской церкви въ частности. Но теперь въ Западной Руси онъ получилъ большую силу и широту. И это опять потому, что правительство страны было неправославное, и русскіе православные должны были ограждать свое право строить церкви и мона-

стыри, покровительствовать имъ, защищать отъ обидъ и притѣсненій, вообще сами охранять благосостояніе своихъ церквей. Отъ правительства же они просили только утверждать за ними право ктиторства, патронатства, въ чемъ болѣе или менѣе успѣвали. Слѣдуетъ сказать, что ктиторами и патронами нерѣдко бывали митрополиты и епископы и другія духовныя лица, строившія церкви и монастыри па своихъ земляхъ и на свои средства. Но чаще бывали міряне, ибо ихъ было гораздо больше. Духовныя же власти Православной церкви допускали право ктиторовъ и патроновъ для мірянъ ради пользы церкви, стараясь только о томъ, чтобы міряне не злоупотребляли своимъ правомъ, не позволяли себѣ излишняго вмѣшательства въ дѣла церковныя. Въ городскихъ, а часто и сельскихъ общинахъ право ктиторства и патронатства принадлежало цѣлымъ общинамъ или приходамъ, съ согласія церковной власти и правительства. Въ связи съ этимъ правомъ развился потомъ обычай церковныхъ братствъ (о чемъ рѣчь будетъ ниже).

Кромѣ ктиторства и патронатства, держался среди православныхъ Западной Россіи древній обычай *благотворенія* церквамъ со стороны *отдѣльныхъ лицъ*, людей благочестивыхъ, богомольныхъ. Подобно ктиторамъ, они давали вклады въ церкви и монастыри святыми иконами, крестами, церковной утварью, святыми евангеліями и другими священными и богослужебными книгами, а также и всякими другими пожертвованіями для молитвъ о здравіи, на поминъ души и вообще по разнымъ обѣтамъ благочестія.

5. Охраненіе русскаго языка, какъ государственнаго и

5. Съ вѣрностію православію и своей православной церкви Западная Русь сохраняла вѣрность своей русской народности. Знаменемъ ея былъ *русскій языкъ*.

И теперь, какъ прежде онъ былъ силенъ живою связью съ священнымъ церковно-славянскимъ языкомъ, который былъ языкомъ церковной и домашней молитвы и всякой книжности. Силенъ онъ былъ своею повсюдностію въ странѣ и общностію его всѣмъ родамъ населенія ея. Одна и та же живая рѣчь русская была рѣчью у поселянъ и горожанъ, крестьянъ, мѣщанъ, бояръ, дворянъ и князей. На русскомъ языкѣ велось всякое письмо, какъ-то: посланія церковныхъ пастырей, письменныя соглашенія, фамильныя записи, договоры, завѣщанія, судебныя дѣла и проч. Русскій языкъ былъ языкомъ Литовской «государевой рады», хотя въ этой радѣ засѣдали литовскіе епископы и паны латинской вѣры.

народнаго и Русскихъ земель, какъ отдѣльныхъ отъ Польши.

По русски говорили сами государи Казиміръ и Александръ, когда бывали въ Литвѣ и Западной Руси, по-русски писали свои приказы и грамоты лицамъ, свои грамоты и уставы городамъ и областямъ Литвы и Западной Россіи. Изрѣдка только писывались грамоты по латыни, когда назначались для духовныхъ лицъ, монастырей и бискупствъ латинскаго исповѣданія. За то бывало и такъ, что для литовцевъ латинскаго исповѣданія перелагались съ латинскаго, вновь слагались или брались у православныхъ молитвы на славяно-русскомъ языкѣ, ибо Литовцы (кромѣ не многихъ изъ нихъ) не разумѣли ни латинскаго, ни польскаго. Вообще Литовцы, не только православные и совсѣмъ обрусѣвшіе, но и римско-католики были союзниками русскихъ въ охраненіи русскаго языка, какъ государственнаго, такъ и народнаго.

Съ охраною народности соединялось для Западной Руси дѣло охраны своихъ земель со стороны Польши. Въ борьбѣ изъ за этого давняго дѣла те-

перь, какъ и прежде, Литовцы были за одно съ русскими. По прежнему споръ шелъ о Юго-западномъ краѣ, особенно о Подоліи, Волыни и Подлѣсьѣ.

Поляки не одинъ разъ пытались захватить то ту, то другую область, но литовцы и русскіе старались отражать ихъ попытки силою, сопротивленіемъ на своихъ сеймахъ, или жалобами своимъ государямъ Казиміру и Александру, чтобы они, будучи вмѣстѣ и польскими королями унимали поляковъ отъ захватовъ и наѣздовъ на русскія земли. Эти государи, особенно Казиміръ, и рады бывали заступиться за права своего литовско-русскаго государства; но, къ сожалѣнію, сами должны бывали подчасъ гнуться предъ гордыми и своевольными польскими панами и епископами. Поэтому литовцы вмѣстѣ съ русскими не разъ готовы были расторгнуть союзъ съ Польшей и имѣть своихъ особыхъ государей отдѣльно отъ Польши. Это имъ однакоже не удавалось, и споръ ихъ съ Польшею имѣлъ еще затянуться на долгое время.

6. Обиды и притѣсненія православнымъ князьямъ и другимъ со стороны литовскихъ латинянъ при Казимірѣ.

Но если литовскіе латиняне были союзниками православныхъ Западной Россіи въ борьбѣ съ Польшею изъ-за русскихъ земель; то они были не союзниками, а подчасъ и недругами ихъ въ борьбѣ ихъ за права и достоинство своей вѣры и церкви православной. Въ этой борьбѣ православнымъ оставалось искать опоры и защиты въ другомъ союзѣ—союзѣ съ единовѣрною Восточною Россіею. Ранѣе пришли къ этой мысли ближайшіе къ ней русскіе князья, оскорбляемые въ своемъ достоинствѣ князей православныхъ и русскихъ. А началомъ поворота ихъ къ такой мысли было кіевское дѣло. Во время Казиміра Кіевъ былъ еще удѣльнымъ княженіемъ, имѣлъ своего князя, хотя и подъ вер-

ховною властью Литовскаго великаго князя. Это былъ князь Симеонъ Олельковичъ (1455—1471 г.). Онъ былъ потомокъ православнаго князя Владиміра Ольгердовича, княжившаго здѣсь при Ольгердѣ и Витовтѣ, сынъ Александра или Олелька, отъ котораго пошло и названіе Олельковичей для этого княжескаго рода. Принадлежа къ тому же Литовскому княжескому роду, къ которому принадлежалъ и самъ Казиміръ, Симеонъ былъ въ родствѣ съ Московскимъ великокняжескимъ домомъ, какъ сынъ Анастасіи, дочери Московскаго великаго князя Василія Димитріевича и тетки Великаго князя Іоанна III. Подобно предкамъ своимъ Симеонъ былъ твердо преданъ православію и вполнѣ сроднился съ православными Западной Россіи. Онъ отличался также благочестіемъ и усердіемъ къ церкви, обновилъ великую Лаврскую церковь, бывшую въ разрушеніи со времени татарскаго погрома надъ Кіевомъ. Православные Кіева и всего края утѣшались такимъ княземъ. Онъ былъ въ дружбѣ съ Московскимъ Великимъ княземъ, своимъ родичемъ. Даже среди литовцевъ были такіе, которые думали, что Симеону подобало бы быть и Великимъ княземъ Литовскимъ, что онъ лучше Казиміра отстаивалъ бы Литву и Западную Русь отъ Польши. Эта мысль, пугавшая Казиміра, была оставлена. Но осталась у него, а съ нимъ уже и у литовскихъ латинянъ, боязнь, что при княжескомъ родѣ православныхъ Олельковичей въ нѣкогда славномъ и престольномъ Кіевѣ можетъ устроиться независимое княженіе, отпасть отъ Литвы, а потомъ соединиться съ единовѣрнымъ Московскимъ государствомъ. И вотъ задумали Казиміръ и литовцы латиняне унизить и ослабить Кіевъ и его князей. При Симеонѣ они не отваживались на это. Но когда онъ

скончался (въ 1471 г.) и погребенъ въ церкви Кіево-Печерской Лавры, Казиміръ уничтожилъ княжеское достоинство въ Кіевѣ, обратилъ его въ воеводскій городъ, а на воеводство прислалъ литовскаго боярина Гаштольда. Кіевляне были сильно обижены, огорчаясь особенно тѣмъ, что воевода неправославный, не хотѣли принять его, но принуждены были покориться силѣ. Но этого мало: тогда же присланъ былъ въ Кіевъ латинскій епископъ. Кіевскіе латинскіе епископы имѣлись и прежде, еще со времени Ягайла; но они не живали въ Кіевѣ, ибо не имѣли здѣсь паствы, кромѣ какой-либо кучки захожихъ поселенцевъ. Не было этой паствы въ Кіевѣ для латинскаго епископа и теперь; но онъ уже сталъ временами живать въ Кіевѣ съ цѣлію распространять латинство къ ущербу православія. Причиняя такую скорбь Кіеву, древней столицѣ Руси и колыбели православія, Казиміръ, по совѣту литовско-польскихъ латинскихъ епископовъ и пановъ причинилъ новую скорбь православной церкви въ столицѣ Литвы—Вильнѣ. Въ 1480 г. онъ запретилъ православнымъ строить новыя, поновлять старыя церкви. Хотѣлось латинянамъ, чтобъ русскія церкви падали и уменьшались, а чрезъ это православные переходили въ унію и латинство. Вызваны были потомъ изъ Польши латинскіе монахи бернардины и стали разъѣзжать по Литвѣ и Руси съ своею латинскою проповѣдью. А все это дѣлалось съ вѣдома и одобренія римскаго папы. Понятно, что православныхъ брала жалость. Болѣе другихъ оскорблялись этимъ сильнѣйшіе русскіе князья, а смѣлѣе изъ нихъ были князья сосѣдней съ Кіевомъ *Сѣверской* земли *),

*) Сѣверскою землею назывались земля нынѣшней Черниговской губерніи, названная такъ по одному изъ славянскихъ

потомки древнихъ русскихъ князей изъ племени святого Владиміра. И стали они совѣщаться о томъ, чтобы въ Кіевѣ возстановить княжеское достоинство съ православнымъ княземъ во главѣ, какимъ хотѣли имѣть Михаила Олельковича, брата Симеонова. Про то развѣдали въ Литвѣ, захватили въ Кіевѣ этого Михаила и другого съ нимъ и казнили смертію на горѣ. Оставалось одно—обратиться къ единовѣрной Восточной Россіи, подъ защиту Московскаго Великаго князя Іоанна III. Это былъ великій государь, собиратель земли русской. Онъ собралъ подъ свою власть всѣ бывшіе удѣлы или области Восточной Россіи, основалъ спасительное единодержавіе, свергъ татарское иго, усилилъ во всемъ свое государство. Слава его прошла далеко по всей земли русской и по чужимъ землямъ до самого Рима и Константинополя. Могъ онъ теперь выступить на защиту оскорбляемаго православія единовѣрной и единоплеменной Западной Россіи, нѣкогда единой и съ Восточною Россіею. И вотъ стали отдаваться подъ его власть съ своими владѣніями князья Сѣверской земли: Бѣльскіе, Воротынскіе, Одоевскіе, Новосильскіе и многіе другіе князья и бояре. Онъ принималъ ихъ, какъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, искавшихъ единенія съ своимъ древнимъ отечествомъ. Такъ онъ объяснилъ свое дѣло въ ссылкахъ-переговорахъ съ Казиміромъ, онъ давалъ ему понять и то, что, именуясь Государемъ всея Россіи, по преемству отъ святого Владиміра, онъ считаетъ русскія земли Сѣверскихъ князей принадлежащими къ своему государству, считаетъ своею отчиною и Кіевъ,

7. Обращеніе обижаемыхъ и притѣсняемыхъ подъ защиту Московскаго государя.

племенъ, племени Сѣверянъ, занявшихъ ее при начальномъ разселеніи славянскихъ племенъ по русской землѣ.

еще остающійся подъ властію Казиміра. Казиміръ пробовалъ воевать съ Іоанномъ III, но терпѣлъ неудачи. Ибо Казиміръ никогда не могъ собрать большой силы за слабостію своей власти и изъ за своеволія пановъ. А Іоаннъ III, какъ единодержавный государь, могъ каждый разъ собрать такую силу, какая требовалась для борьбы съ противникомъ. Среди военныхъ замѣшательствъ Казиміръ и скончался въ 1492 г. Замѣчательно, что Западно-русскій лѣтописецъ, говоря о кончинѣ его выражается: «скончался государь Казиміръ добрый и справедливый». Добръ былъ и самъ этотъ лѣтописецъ, какъ истый русскій человѣкъ. Казиміръ точно хотѣлъ быть добрымъ и справедливымъ и для русскихъ, и для своего государства. Неоднократно склонялся онъ на ихъ просьбы и давалъ грамоты даже въ защиту православной церкви. Но слабость его государевой власти, подрываемой польско-литовскими панами и епископами, была причиной того, что онъ допускалъ обиды православныхъ, даже тяжкія. Лѣтопись забываетъ объ обидахъ и помнитъ о добрыхъ дѣлахъ Казиміра для Западной Руси и поминаетъ его добромъ, по-христіански!

8. Александръ Казиміровичъ, его бракъ съ Еленою Іоанновною и обязательство не стѣснять свободы своей жены и другихъ православныхъ, нарушеніе обязательства.

Александръ I. Сынъ и преемникъ Казиміра, Александръ (1492—1506 г.) видѣлъ, что ему не въ мочь бороться съ сильнымъ и умнымъ Іоанномъ III. И вотъ задумалъ онъ съ своими литовскими панами искать мира и родства съ Іоанномъ. Сталъ онъ и не одинъ разъ засылать въ Москву пословъ и свататься за дочь Іоанна III—Елену. Послы привезли и портретъ своего государя, чтобъ показать отцу и дочкѣ его каковъ-де собой женихъ. Іоаннъ предъ тѣмъ уже согласился отдать Елену за Александра. Но при этомъ онъ поставилъ условіе и взялъ съ будущаго зятя грамоту на то, что онъ не будетъ

нудить жены къ римскому закону, что онъ построитъ для нея церковь при государевомъ дворѣ въ Вильнѣ съ священникомъ при ней, позволитъ ей имѣть при себѣ русскихъ православныхъ боярынь. Онъ высказалъ надежду, что Александръ будетъ любить и уважать свою жену. Когда все уладилось, Іоаннъ благословилъ дочь святою иконою, отечески заповѣдалъ ей быть твердою въ своей вѣрѣ, жить въ любви съ мужемъ, быть учтивою съ свекровію, помнить и отца; а затѣмъ отправилъ ее въ Вильну съ большимъ московскимъ посольствомъ, съ московскими боярынями и богатымъ приданымъ. Въ февралѣ 1495 г. Елена прибыла въ Вильну, встрѣчена торжественно женихомъ и литовско-русскими панами, повѣнчана съ Александромъ. Радостно было это событіе для Литовцевъ и еще болѣе для русскихъ православныхъ въ Вильнѣ и всей странѣ. Надѣялись они, что теперь, при православной государынѣ, настанетъ льгота имъ и православнымъ въ Литвѣ и Западной Россіи. Но не сбывались эти свѣтлыя надежды. Александръ, какъ мужъ, былъ добръ къ женѣ. Но, какъ государь латинскаго исповѣданія, не хотѣлъ или не могъ исполнить обязательствъ въ дѣлѣ вѣры своей жены. Особой церкви для нея при дворѣ не построили; русскихъ православныхъ боярынь къ ней не приставили, но навязывали ей литовскихъ боярынь римскаго закона. Этого мало: стали домогаться, чтобъ она пристала къ римской церкви, или хотя бы къ уніи, т. е. въ послушаніе римскому папѣ. Такъ приказывалъ Александру римскій папа въ своихъ грамотахъ къ нему; этого требовалъ виленскій латинскій бискупъ, требовали латинскіе ксендзы и паны литовскіе и польскіе, ибо Александръ былъ и королемъ польскимъ. Къ большему соблазну нашелся потаковникъ всему

этому дѣлу и между русскими владыками. Это былъ смоленскій владыка Іосифъ Болгариновичъ. Видно похожъ онъ былъ на того извѣстнаго уже намъ Григорія Булгара, который затѣвалъ было вводить унію въ Западной Россіи, а потомъ раскаялся и принялъ благословеніе константинопольскаго патріарха. Іосифу Болгариновичу король Александръ обѣщалъ дать митрополичью каѳедру, и онъ уже назывался нареченнымъ митрополитомъ Кіевскимъ. Но требовалось благословеніе ему и отъ патріарха. Іосифъ послалъ просить его у патріарха, при этомъ писалъ и про унію, говоря, что насъ православныхъ притѣсняютъ латиняне, требуя, чтобы приняли унію. Патріархъ далъ благословеніе, а про унію писалъ Іосифу: «ты можешь имѣть отговорку и извиненіе, когда станешь говорить, что безъ согласія патріарха нельзя намъ принять уніи. Впрочемъ твердо храни отеческую вѣру Восточной церкви, старайся быть въ мирѣ съ противниками и не чуждайся дружескаго общенія съ ними. А своихъ знатныхъ господъ православной вѣры проси, чтобъ ходатайствовали предъ королемъ не притѣснять васъ въ вѣрѣ». Но теперь и это не помогло Іосифу. Король Александръ слушался болѣе папы и своихъ латинскихъ бискуповъ, ксендзовъ и пановъ. По его настоянію бѣдный Іосифъ долженъ былъ уговаривать государыню Елену къ уніи. На обидѣ государынѣ дѣло не остановилось. Виленскій латинскій епископъ получилъ отъ папы *право меча*, т. е. право преслѣдовать и наказывать всѣхъ, несогласныхъ съ Римскою церковію и тяжко было отъ него православнымъ. А латинскіе монахи бернардины съ новою рьяностію рыскали по Литвѣ и Руси съ проповѣдію своего ученія. На подмогу имъ явились въ Вильнѣ и доминиканцы.

9. Заступничество Іоанна III за дочь, война съ зятемъ, переходъ подъ власть Іоанна Сѣверской земли: улучшеніе положенія Елены православныхъ Западной Руси.

Все это въ свое время узнавалъ Іоаннъ III отъ русскихъ православныхъ изъ Западной Россіи. Не одинъ разъ онъ то письмами, то чрезъ пословъ напоминалъ зятю о его обязательствахъ, строго упрекалъ его за обиды дочери, а его женѣ, и за обиды православнымъ въ Литвѣ и Западной Россіи. Александръ старался оправдаться. Между прочимъ онъ говорилъ: «мы имѣемъ отъ предмѣстниковъ своихъ законъ, чтобы русскихъ церквей не прибавлять, потому не можемъ построить новой церкви при дворѣ для нашей жены; ея милость можетъ ходить въ городскую русскую церковь, которая находится недалеко отъ двора. Не надо ей и боярынь ко двору изъ русскихъ вашей страны: есть у насъ при дворѣ много и своихъ пановъ и паней. Да и нѣтъ женѣ нашей принужденія въ вѣрѣ; креститься въ нашу латинскую вѣру не требуется отъ нея, требуется только, чтобъ она приняла унію, вошла въ послушаніе римской церкви и папѣ. Этого требуетъ нашъ папа». Понятно, что такія и подобныя отговорки не уважены умнымъ и сильнымъ Московскимъ государемъ. «Ты братъ и зять, отвѣчалъ онъ не одинъ разъ Александру, говоришь это не дѣло, да и не правду; ибо я вѣрно знаю, что есть дочкѣ моей принужденіе въ вѣрѣ, какъ и другимъ нашимъ единовѣрцамъ». Добрая и умная Елена въ письмахъ заступалась предъ отцомъ за мужа, но не измѣняла своей вѣрѣ. А отецъ, часто писывая ей, приговаривалъ въ письмѣ: «ты дочка, твердо держись своей вѣры», и обѣщалъ защищать ее. Между тѣмъ, какъ велись эти переговоры и переписки, Іоаннъ уже началъ войну съ Александромъ, пріостанавливался, когда тотъ пробовалъ оправдываться, возобновлялъ войну, когда видѣлъ безплодность оправданій. Въ

то же время начали переходить подъ власть Московскаго государя новыя княженія и боярскіе роды изъ сѣверской земли, отчасти и Бѣлоруссіи, не терпя униженія себѣ и своей вѣрѣ отъ литовскихъ латинянъ. Наконецъ, Московскій государь послалъ большое войско въ Литву, и оно нанесло тяжкое пораженіе Польско-литовской рати въ славной битвѣ близь г. Дорогобужа (Смоленской губ.) при рѣкѣ Ведроши (14 Іюня 1500 г.). Александръ и польско-литовскіе паны присмирѣли. Заключенъ былъ миръ (1503 г.), по которому присоединена была къ Московскому государству вся Сѣверская земля и нѣкоторыя мѣста Смоленской области. Теперь облегчилось положеніе Елены и православныхъ въ Западной Руси. Стыдно было и римскому папѣ отъ неудачи его дѣла *). Въ досадѣ онъ приказывалъ королю Александру еще попытаться принудить Елену къ уніи, а если откажется, то не имѣть ее женою. Но Александръ уже не слушался папы. Польскіе же епископы и паны выказали свою досаду тѣмъ, что во время коронаціи Александра на Польскій престолъ не допустили короноваться съ нимъ Еленѣ, такъ какъ она не хочетъ покориться римской церкви. Впрочемъ въ самомъ Краковѣ она могла бывать на православномъ богослуженіи въ церкви, имѣвшейся въ королевскихъ палатахъ еще съ давнихъ временъ, когда еще не было большой вражды

---

*) Потерпѣлъ онъ и другую неудачу отъ того же дѣла. Пришелъ въ Вильну его Легатъ (посолъ) въ надеждѣ получить обычный въ тѣ времена сборъ денегъ съ Литвы для папы. Но ему сказали, что эти деньги ушли на войну съ Москвой. Легатъ сталъ выговаривать за это виленскому бискупу, требуя, чтобъ позаботился о деньгахъ. Но было уже поздно, и денегъ легатъ не получилъ.

у поляковъ къ православнымъ. Вообще Александръ сталъ лучше уважать свою жену. Онъ одаривалъ ее имѣніями, а она изъ этихъ имѣній и своихъ домовыхъ средствъ дѣлала пожертвованія на православные церкви и монастыри въ Вильнѣ, Минскѣ и другихъ мѣстахъ. Православные благословляли ее. Митрополитъ Іосифъ Болгариновичъ уже не говорилъ ей объ уніи, да притомъ же скоро заболѣлъ (можетъ быть отъ горя и раскаянія) и умеръ (1501 г.). На его мѣсто поступилъ избранный Еленой Іона, бывшій духовникъ Елены, благочестивый и твердый въ православіи. При немъ православные епископы, духовные и міряне ободрились и укрѣпились въ своей вѣрѣ, подняли голову, какъ поговаривали про то время позднѣйшіе уніаты. Александръ издавалъ рядъ грамотъ въ пользу православныхъ церквей и монастырей. А православные князья, бояре и другіе ревнители спокойно устраивали церкви и монастыри въ своихъ имѣніяхъ съ согласія государственной власти.

10. Митрополитъ Макарій священномученикъ.

Было сказано, что Іосифъ Болгариновичъ былъ единственнымъ изъ митрополитовъ, поддавшимся на унію. Всѣ прочіе митрополиты были тверды въ православіи, отличаясь и благочестіемъ. Но между ними одинъ прославился еще, какъ страдалецъ и священномученикъ. Это бывшій предъ Болгариновичемъ митрополитъ *Макарій* (1495—1497). Надо сказать, что хотя западно-русскіе митрополиты назывались Кіевскими, но они во все описываемое время не живали и не бывали въ Кіевѣ. Жили они обыкновенно въ Новогрудкѣ Литовскомъ (Минской губ.), гдѣ былъ для нихъ домъ и каѳедральный соборъ. Это потому, что Новогрудокъ былъ первою столицею Литовскихъ князей на Русской землѣ, и здѣсь имѣлся

митрополичій домъ и каѳедральный соборъ. Временами для торжественныхъ служеній и рукоположеній епископскихъ пріѣзжали въ столицу Вильну, гдѣ также имѣлся домъ митрополичій и каѳедральный соборъ Пречистой и Троицкій монастырскій. Вообще митрополитамъ надо было жить въ столицѣ или ближе къ ней, чтобъ отсюда удобнѣе управлять всею митрополіею, и ходатайствовать предъ Литовскими государями о нуждахъ православной церкви. Кіевъ же былъ далеко отъ столицы Вильны. Притомъ онъ все еще недовольно оправился отъ давняго татарскаго разоренія, подпадалъ и новымъ татарскимъ набѣгамъ, во время которыхъ могла быть ограбляема и митрополія. Каѳедральный Софійскій соборъ, бывшій въ немаломъ запустѣніи еще отъ прежнихъ татарскихъ разореній, подпалъ новому разоренію отъ татаръ въ 1482 г. Макарій былъ всегда усерденъ къ церкви. Еще будучи архимандритомъ Виленскаго Троицкаго монастыря и намѣстникомъ Кіевскаго митрополита въ Вильнѣ, онъ являлъ доброе попеченіе о церкви. Когда съ 1495 года сталъ онъ митрополитомъ, то еще болѣе заботился о благоустройствѣ своей митрополичьей каѳедры въ Вильнѣ и Новогрудкѣ. Подумалъ онъ и о Кіевѣ. И вотъ въ 1497 г. собрался онъ въ далекій путь въ Кіевъ, чтобы здѣсь устроить дѣла церкви и обновить каѳедральный Софійскій соборъ. Его предостерегали отъ такой далекой дороги. Говорили, что мѣстами рыщутъ татарскіе загоны, грабятъ и убиваютъ проѣзжихъ и прохожихъ. Но онъ не убоялся, говоря: «я хочу исполнить мой святой долгъ, какъ архипастырь. Да будетъ на мнѣ воля Божія!» И вотъ на пути около города Мозыря при селѣ Стрыголовѣ настигла его татарская ватага Святитель былъ въ сельской церкви и мо-

лился. Ему говорятъ, что вотъ налетаютъ на насъ татаре. «Спасайтесь, дѣтки, кто какъ можетъ, сказалъ мужественный Святитель»; а самъ продолжалъ молиться. На молитвѣ и убили его татаре. Поскорбѣли православные, но утѣшались тѣмъ, что Господь прославилъ подвигъ священномученика. Мощи святого Макарія почиваютъ теперь въ Кіевѣ въ Софійскомъ соборѣ и его чтитъ церковь, какъ священномученика. Такова то была сила вѣры въ православіи!

ГЛАВА IV.

Борьба Западной Россіи за свою вѣру и народность при послѣднихъ Ягеллонахъ Сигизмундѣ I-мъ и Сигизмундѣ II Августѣ.

1. Сигизмундъ I или старый.

По смерти Александра литовско-русскіе князья и бояре собравшись въ Вильнѣ (въ Ноябрѣ 1506 г.) провозгласили Литовскимъ великимъ княземъ брата его Сигизмунда I. Они хотѣли имѣть его своимъ отдѣльнымъ государемъ и свое отдѣльное отъ Польши литовско-русское государство. Но поляки боялись выпустить изъ рукъ богатое землями и людьми литовско-русское государство и потому поспѣшили провозгласить Сигизмунда своимъ польскимъ королемъ. Такимъ образомъ союзъ Литвы и Западной Россіи съ Польшею былъ опять скрѣпленъ, и литовско-русскіе паны волею-неволею должны были помириться съ этимъ. Впрочемъ, Сигизмундъ I или какъ называли его *Старый*, былъ умный государь и хорошъ для литовцевъ и русскихъ. Много позже

одинъ изъ западно-русскихъ земскихъ людей Мелешко, вспоминая о немъ, говоритъ: «дорога намъ память Сигизмунда Стараго: онъ нѣмцевъ не кормилъ, ляховъ съ ихъ хитростями не жаловалъ, а Литву и нашу Русь любилъ, и при немъ намъ было хорошо». Похвально то, что этотъ Мелешко добромъ поминалъ своего государя. Но правда требуетъ прибавить къ словамъ его и то, что Сигизмундъ не всегда и не столько могъ дѣлать добра православнымъ Западной Россіи, когда и сколько хотѣлъ. Онъ всетаки находился подъ давленіемъ своихъ единовѣрцевъ по римской церкви, польско-литовскихъ епископовъ, ксендзовъ и поповъ, готовыхъ причинять стѣсненія и несправедливости православнымъ Западной Россіи. Къ счастью и теперь между ними являлись сильные люди, умѣвшіе защищать права своей вѣры и народности. Много помогло имъ то̀, что они умѣли оказать важныя услуги своему государю и странѣ, пріобрѣсть общее уваженіе у него и общее уваженіе въ странѣ. Первый случай къ тому представился въ начальные же годы правленія Сигизмунда I.

2. Война Сигизмунда съ Москвою; присоединеніе Смоленска къ державѣ Московскаго государя.

Сигизмундъ спачала готовъ былъ держать миръ съ Московскимъ государемъ, сыномъ Іоанна III Василіемъ Ивановичемъ. По вступленіи на престолъ онъ отправилъ польско-литовское посольство въ Москву, чтобы по обычаю извѣстить объ этомъ Московскаго государя. Посольство было принято хорошо. Но отпуская пословъ назадъ, Московскій государь не преминулъ напомнить о своей жившей въ Литвѣ сестрѣ, вдовой королевѣ Еленѣ: молвите отъ насъ брату и свату нашему Сигизмунду, чтобы и нынѣ сестра наша Елена, а его сноха, вѣдала свой православный законъ во всемъ, а онъ бы ее

жаловалъ и берегъ и держалъ въ чести, какъ пригоже, а къ римскому закону ее не нудилъ бы ни въ чемъ». И надо правду сказать, что Сигизмундъ такъ и поступилъ. Елена жила при немъ въ мирѣ и чести, такъ что могла продолжать свои благотворенія русскимъ единовѣрцамъ и православной церкви въ Западной Россіи. Послѣ кончины († 1513 г.) она съ честью погребена митрополитомъ *Іосифомъ Солтаномъ* въ Виленскомъ Пречистенскомъ соборѣ *). И такъ изъ за нея не было размолвки между Сигизмундомъ и Василіемъ.

Но къ размолвкѣ скоро повела затѣмъ самонадѣянность польско-литовскихъ пановъ. Они задумали возвратить города и земли, уступленные Литвою Москвѣ при Іоаннѣ III. Принялись собирать войско, Сигизмунда настроили отправить въ Москву новыхъ пословъ. Здѣсь эти послы гордо и запальчиво требовали возврата тѣхъ городовъ и земель; въ противномъ случаѣ, говорили они, «нашъ всемилостивѣйшій король уповаетъ на Бога», т. е. объявитъ войну. Московскій государь спокойно, но твердо отвѣчалъ: «мы, Божіею милостью, держимъ подъ собою города и волости только тѣ, которыми насъ благословилъ Самъ Богъ и покойный родитель нашъ, а Сигизмундовыхъ не держимъ. Если братъ нашъ Сигизмундъ желаетъ мира, то и мы желаемъ его, но только такъ, какъ намъ будетъ угодно. Въ противномъ случаѣ и мы тоже надѣемся на Бога». Съ этимъ послы отпущены домой въ Литву. И такъ съ

---

*) Надъ гробомъ ея поставлена и та древняя и святая икона Богоматери, которою благословилъ Елену ея отецъ Іоаннъ, отправляя въ Литву. Православные въ Вильнѣ и Литвѣ благоговѣйно почитали эту икону и утѣшались ею. Сохранилась она и до нынѣ и находится въ церкви Свято-Троицкаго монастыря.

обѣихъ сторонъ стали собираться на войну. Но съ литовско-польской стороны, при слабости тамъ государственной власти и маломъ вообще порядкѣ, сборы шли мѣшкотно. А московскій князь, сильный своею властью, живо спорядилъ ратныя ополченія, съ которыми могъ уже не только оборонять свои земли, но и занять пограничныя русскія земли, подвластныя Литвѣ. А тутъ случилась въ Литвѣ и внутренняя смута. Былъ тогда въ Литовскомъ государствѣ знатный вельможа Михаилъ Глинскій, потомокъ знатнаго татарскаго мурзы, который, уйдя отъ своихъ татаръ въ Русь, принялъ православную христіанскую вѣру и крестился въ Кіевѣ еще при великомъ князѣ Витовтѣ. Всѣ его потомки были ужъ православными христіанами, обрусѣли, получили за свою вѣрную службу большія владѣнія отъ литовскихъ государей, были въ почетѣ у нихъ. Особенно силенъ былъ Михаилъ Глинскій при предмѣстникѣ Сигизмунда Александрѣ. Но при Сигизмундѣ нѣкоторые литовскіе паны по зависти оклеветали и унизили его, а Сигизмундъ не хотѣлъ или не могъ дать ему управы съ ними. Раздраженный этимъ, Глинскій перешелъ на сторону Московскаго государя, набралъ воинскія дружины и сталъ жестоко расправляться съ своими врагами. Война стала вдвойнѣ тяжкою для Литвы и Сигизмунда. Она, съ перерывами, затянулась на цѣлые годы. Московскій государь не только уберегъ свои прежніе города и земли, но отнялъ у Литвы древне-русскій городъ Смоленскъ (1513 г.). Сигизмунду и Литвѣ грозили еще бо́льшія опасности. Кто же выручилъ ихъ? Не Литовцы латинской вѣры, ибо ихъ было немного. Не поляки: они любили подзадоривать Литву на войну съ Москвой, но сами плохо помогали ей. Выручили Си-

гизмунда главнымъ образомъ русскіе православные. Тогдашній митрополитъ Іосифъ Салтанъ увѣщевалъ ихъ вѣрно послужить своему Литовскому государю, даже приводилъ къ присягѣ многихъ изъ нихъ, чтобъ удержать ихъ отъ измѣны, подобной измѣнѣ Глинскаго. А славный князь Константинъ Ивановичъ Острожскій на Волыни, упрошенный стать во главѣ литовско-русскаго ополченія, побѣдою близь г. Орши (Могилевской губ. 1514 г.) остановилъ дальнѣйшіе успѣхи Московскихъ ратей. Послѣ этого къ удовольствію обѣихъ сторонъ заключенъ былъ мирный договоръ, по которому Смоленскъ остался во власти Московскаго государя. Но почему же православные Западной Руси вступились за своего государя? Они, какъ видится, разсуждали такъ: «пока Богъ судилъ намъ быть подъ литовскимъ государемъ мы должны служить ему вѣрой и правдой». Притомъ видѣли они, что тогдашній государь ихъ хочетъ быть добрымъ для православныхъ русскихъ, не притѣснять ихъ въ вѣрѣ, уважать права ихъ. Поэтому своею вѣрною службою они надѣялись поддержать и усилить его благоволеніе къ нимъ для мира и блага своей же вѣры и земли западно-русской. И такія мысли и надежды ихъ были не напрасны, какъ сейчасъ увидимъ.

3. Митрополитъ Іосифъ Солтанъ и Виленскій соборъ 1509 г.

Въ ряду лучшихъ и достойнѣйшихъ митрополитовъ со времени образованія отдѣльной западно-русской или Кіевской митрополіи былъ Іосифъ Солтанъ (1508—1522). Онъ происходилъ изъ знатнаго литовско-русскаго православнаго рода Солтановъ и былъ въ родствѣ съ знатными западно-русскими православными фамиліями князей Чарторижскихъ, Тышкевичей и другихъ. Послуживъ съ честью государству, Іосифъ по благочестію принялъ монаше-

ство, ревнуя послужить и церкви Божіей въ родной ему Западной Россіи. Съ благочестіемъ соединялось въ немъ просвѣщеніе. Какъ достойнѣйшій между духовными мужами, онъ со временемъ взысканъ на высшее церковное служеніе. Былъ онъ Смоленскимъ епископомъ (1502—1507 г.), когда Смоленскъ находился еще подъ властью литовскаго государя, а потомъ возведенъ въ санъ митрополита (1508 г.) по желанію православныхъ, соизволенію государя и благословенію константинопольскаго патріарха. И во время епископства и теперь Іосифъ ознаменовалъ себя твердою вѣрностью и важными услугами государству и государю. Потому государь благоволилъ къ нему. А какъ онъ былъ также во всеобщемъ уваженіи у своихъ православныхъ, былъ извѣстенъ и патріарху, то все это придавало силу его власти. Пользуясь ею. Іосифъ въ самомъ же началѣ своего первосвятительства возревновалъ о возстановленіи въ Западной Россіи добраго церковнаго порядка, ослабѣвшаго отъ разныхъ нестроеній. Для этого онъ созвалъ большой соборъ въ Вильну къ празднику Рождества Христова 1509 г. На соборъ прибыли всѣ западно-русскіе епископы и съ ними нѣкоторые архимандриты и игумены и соборные протопопы изъ ихъ епархій. На соборѣ, послѣ молитвы, митрополитъ обратился съ сильнымъ словомъ къ епископамъ и ко всѣмъ тутъ бывшимъ. «Съ того дня, говорилъ онъ, какъ изволеніемъ Божіимъ, я, недостойный, занялъ престолъ митрополіи Кіевской и всея Руси (Западной) и принялъ обязанность пасти церковь Божію и пресѣкать всякое преступленіе закона нашей православной вѣры и утверждать ея церковные уставы,—видѣлъ я много нестроенія и безчинія въ духовенствѣ и обществѣ

и много о томъ слышалъ. Все это мы должны исправлять и очищать по правиламъ святымъ, о всемъ должны скорбѣть и болѣть. Ибо какой прибытокъ получали мы чрезъ умноженіе нашихъ грѣховъ?» Затѣмъ указавъ на разныя бѣдствія, постигавшія тогда страну, первосвятитель прибавляетъ: «все это бываетъ намъ за то̀, что не ходимъ по правиламъ святыхъ Апостоловъ и по заповѣдямъ святыхъ отецъ нашихъ. Посему и составили мы соборъ съ преосвященными епископами, пречестными архимандритами, игуменами и богобоязненными священниками, чтобы все это исправить и все привесть въ лучшій порядокъ». Много поучительнаго было сказано и поставлено на соборѣ. Отмѣтимъ главнѣйшее. Такъ было сказано, что многіе ради мірской славы и властительства покупаютъ себѣ епископскія каѳедры т. е. мѣста епископскаго служенія еще при жизни епископовъ безъ совѣта и согласія митрополитовъ, епископовъ и избранія князей и другихъ достойныхъ мірянъ православнаго закона. Многіе покупаютъ такимъ же образомъ мѣста настоятельскія въ монастыряхъ и священническія въ приходахъ. Соборъ строго осудилъ всякіе подкупы и искательства мѣстъ священнаго служенія и постановилъ, чтобы впредь избирать на это служеніе людей достойныхъ, послѣ должнаго испытанія и по установленному на то законному порядку. Еще соборъ постановилъ, чтобы епископы были послушны своему митрополиту, съѣзжались по его зову на соборъ, занимались своими церковными дѣлами, не увлекаясь въ мірскія, какъ то бывало, чтобы право правили и право судили подчиненныхъ лицъ монашескаго и бѣлаго духовенства, охраняя достойныхъ, устраняя недостойныхъ. Еще: соборъ замѣтилъ, что многіе міряне злоупо-

требляютъ своими правами ктиторства, патронатства, или нерадятъ о его обязанностяхъ. Такъ, напримѣръ, они самоуправно, безъ благословенія епископа, назначаютъ настоятелей въ церкви и монастыри, или самоуправно удаляютъ ихъ; иногда по долгу оставляютъ церкви и монастыри безъ настоятелей, или же пользуются церковными имуществами для своихъ выгодъ и тому подобное. Строго, какъ и слѣдовало, осуждая это, соборъ сдѣлалъ опредѣленія, по которымъ ктиторы и патроны должны были знать и соблюдать мѣру своихъ правъ и важность своихъ обязанностей. Чтобы всѣ эти и другія свои правила и опредѣленія оградить отъ нарушеній и нарушителей, отцы собора въ концѣ всего постановили: «если господарь (то есть великій князь литовскій) или какіе-либо вельможи и власти будутъ присылать къ митрополиту или епископу, чтобы исполнить ихъ волю и нарушить въ чемъ-либо хотя одно изъ положенныхъ нами соборне опредѣленій, то никому изъ насъ на то не соглашаться, а всѣмъ намъ съѣхаться на собственный счетъ къ митрополиту и бить челомъ господарю и непоколебимо стоять, чтобы законъ нашей православной вѣры не былъ нарушенъ»! Откуда же, какихъ же нарушителей опасался соборъ? Конечно, прежде всего отъ лицъ не православныхъ, лицъ римскаго закона, начиная съ самихъ литовскихъ и польскихъ государей и вельможъ. Но рѣчи собора даютъ видѣть, что уже бывали, могли и впредь быть нарушители и изъ своихъ православныхъ, какъ духовныхъ, такъ и міранъ, изъ людей самовольныхъ, самочинныхъ или же небрежныхъ и корыстныхъ и тому подобныхъ. Отъ нихъ могла вырости бѣда церкви также, какъ и отъ чужихъ. Ибо чрезъ умноженіе нестроеній, злоупотребленій, безпорядковъ могли ослабѣвать

духовныя силы церкви, а тогда она оказалась бы немощной въ борьбѣ за свою вѣру, а иновѣрцамъ было бы легче и удобнѣе притѣснять ее и соблазнять православныхъ на свою сторону. Потому то важенъ подвигъ славнаго митрополита Іосифа Солтана, пожелавшаго соборомъ и его правилами сдержать, на сколько можно, вторженіе и ростъ безпорядковъ въ дѣла церковныя и придать больше силъ церкви. Послѣ собора онъ позаботился, чтобы правила его, а также и вообще всѣ права православной церкви подтвердилъ и государь. Въ союзѣ съ митрополитомъ ходатайствовалъ о томъ и другъ государя князь Константинъ Ивановичъ Острожскій. Сигизмундъ, уважая ихъ обоихъ, далъ на все свою утвердительную грамоту (1511 г.).

4. Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій и его покровительство православной церкви.

Константинъ Ивановичъ былъ правнукомъ того Ѳеодора князя Острожскаго, который въ свое время прославился благочестіемъ, подвигами на защиту православной вѣры и русской земли; потомъ жилъ смиреннымъ инокомъ въ Печерской Лаврѣ съ именемъ Ѳеодосія и по кончинѣ († 1435 г.) причтенъ къ лику святыхъ. Отъ предковъ своихъ князь Константинъ наслѣдовалъ и могущество своего княжескаго рода и благочестіе и ревность по вѣрѣ. Сила и слава его начали рости еще при Казимірѣ и Александрѣ; но особенно возрасли при Сигизмундѣ I. Умомъ, вѣрностью, доблестью, подвигами въ защитѣ родного края и государства онъ достигъ при немъ званія «наивысшаго гетмана» во всемъ литовско-русскомъ государствѣ. Носилъ и другія высокія званія и должности особенно въ Литвѣ и на Волыни, гдѣ были и обширныя владѣнія его изъ многихъ городовъ, мѣстечекъ и селъ. Всѣмъ этимъ значеніемъ своимъ князь Константинъ пользовался для покро-

вительства и помощи церкви православной. Сильно помогъ онъ ей въ самой столицѣ Вильнѣ. Надъ Вильной еще тяготѣло явившееся при Казимірѣ запрещеніе поправлять ветхіе и строить новые православные храмы. Чтобы упразднить это обидное запрещеніе Константинъ Ивановичъ, предъ сраженіемъ при Оршѣ, въ присутствіи многихъ знатныхъ лицъ изъ литовцевъ и русскихъ, далъ торжественный обѣтъ построить въ Вильнѣ двѣ каменныя церкви Святой Троицы и Святителя Николая, если сраженіе увѣнчается для него успѣхомъ. Когда это сталось, то всѣ слышавшіе объ этомъ, даже лица римскаго закона, засвидѣтельствовали предъ королемъ о такомъ обѣтѣ. Король охотно дозволилъ князю построить эти двѣ церкви. Сверхъ того онъ обновилъ и главный Пречистенскій соборъ, бывшій каѳедральнымъ. Заново отстроилъ каѳедральный соборъ Бориса и Глѣба въ городѣ Новоградкѣ (Литовскомъ); строилъ церкви и монастыри или благотворилъ имъ въ Кіевѣ, Минскѣ, также въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ, каковы Туровъ (въ Минской губ. Мозырскій уѣздъ), Дерманъ (Волынскій уѣздъ и др.). Всегда дружный съ митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ, онъ помогалъ ему оберегать церковный порядокъ; поддерживалъ его и другихъ епископовъ своимъ ходатайствомъ предъ государемъ, когда требовалось сдержать и унять нарушителей правъ церкви Божіей изъ иновѣрцевъ или своихъ безчинниковъ. Приближаясь къ кончинѣ, митрополитъ Іосифъ съ дозволенія короля, поручилъ попеченію князя Константина самую митрополію т. е. митрополичью каѳедру въ Вильнѣ и въ Новгородкѣ, а также и все достояніе ея, чтобы не разорили его какіе-либо урядники изъ пановъ. Вѣрно исполнивъ завѣщаніе митрополита Іосифа, благочестивый князь

продолжалъ свои услуги церкви и при его преемникѣ Іосифѣ III. При его помощи митрополитъ успѣвалъ властью короля защищать православные храмы въ Вильнѣ отъ обидъ со стороны ксендзовъ и пановъ римскаго закона. Бывало, что польскіе и литовскіе паны римскаго закона досадовали на великую силу православнаго князя Константина и великій почетъ ему во всемъ государствѣ. Но король Сигизмундъ не внималъ имъ, сознавая, что князь умомъ и доблестью лучше ихъ. Такъ князь Константинъ сохранялъ свою силу, а съ ней продолжалъ помогать церкви Божіей до самой кончины своей (1530 г.) въ Туровѣ, откуда привезенъ въ Кіевъ и похороненъ рядомъ съ предками въ Кіево-Печерской церкви.

5. Александръ Ивановичъ Ходкевичъ, ктиторъ Супрасльскаго монастыря.

Между православными ктиторами, современниками митрополита Іосифа Солтана и князя Константина Ивановича Острожскаго, достопамятенъ *Александръ Ивановичъ Ходкевичъ*. Старинный литовско-русскій родъ Ходкевичей возвысился особенно при Казимірѣ Ягайловичѣ, когда одинъ изъ нихъ *Иванъ Ходкевичъ* былъ уже кіевскимъ воеводой. Сынъ его Александръ Ивановичъ Ходкевичъ былъ Новогродскимъ воеводой и маршалкомъ Великаго княжества Литовскаго при Сигизмундѣ 1. Вѣрный православію, какъ и его предки, Александръ Ходкевичъ отличался еще особеннымъ благочестіемъ и усердіемъ къ церкви. По этому усердію возъимѣлъ онъ обѣтъ послужить ей дѣломъ ктиторства, создать монастырь съ церковью «ку чти и хвалѣ Богу милому, для богомолья и въ память о моихъ почившихъ родителяхъ и родныхъ, и мнѣ грѣшному на память и для спасенія души моей.» Добрымъ совѣтникомъ и союзникомъ ему оказался митрополитъ Іосифъ

Солтанъ. Почтительный ктиторъ называлъ его своимъ господиномъ и отцемъ, а любящій архипастырь называетъ ктитора благовѣрнымъ и христолюбивымъ сыномъ. Онъ сталъ и соктиторомъ его по устроенію монастырей, напримѣръ, *Супрасли* (въ 15 верстахъ отъ города Бѣлостока). На устройство и содержаніе этого монастыря и церквей въ немъ, оба соктиторы жертвовали земли, поля и луга, рыбныя ловли—и другія угодья. На земляхъ этихъ было и населеніе. Сейчасъ же началось и строеніе церквей. Сперва построена была деревянная церковь во имя святаго Іоанна Богослова; потомъ каменная въ честь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы съ придѣлами во имя святаго Бориса и Глѣба и преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ. Пособникомъ при устроеніи монастыря былъ священно-инокъ Пафнутій Сигень изъ города Бѣльска (Гродиской губерніи); онъ же былъ и первымъ игуменомъ монастыря. Новому монастырю данъ строгій уставъ, основанный на древнихъ правилахъ монастырскаго общежитія. Само собою понятно, что оба соктитора своевременно испрашивали дозволенія литовскаго государя, какъ на устроеніе монастыря, такъ и на пожертвованіе ему своихъ земель. И онъ давалъ свое дозволеніе изъ уваженія къ высокимъ заслугамъ ктиторовъ. Они пожелали еще испросить для своего монастыря благословеніе и у Константинопольскаго патріарха въ знаменіе своей вѣрности православію и въ огражденіе его въ своемъ монастырѣ. Устроенный такимъ образомъ *Супрасльскій монастырь* сталъ для всей православной Литвы примѣромъ по духу общежитія и доброму порядку службъ церковныхъ и по строгой трезвости братій. Ктиторы и игумены позаботились украсить монастырь и его

церкви святыми иконами, евангеліями, крестами, священными сосудами; собрали въ монастырь много церковныхъ и святоотеческихъ книгъ на помощь духовному просвѣщенію и церковному учительству. Благочестивые ктиторы заботились и о крестьянахъ, жившихъ на монастырскихъ земляхъ для службы и помощи ему въ хозяйственныхъ работахъ. Такъ митрополитъ Іосифъ Солтанъ заслышавъ, что эти крестьяне терпятъ кривды отъ сосѣдей, писалъ къ ктитору Александру Ходкевичу: «ино, сыну милый, твоя милость вѣдаетъ, что мнѣ нельзя поспѣвать туда для разбора всякихъ кривдъ. Потому прошу твою милость, чтобы благоволилъ самъ имѣть раченіе о тѣхъ людяхъ и боронить ихъ отъ всякихъ кривдъ. Сдѣлай это ради моей просьбы, ради своей обязанности ктитора и ради своего богомолья. А милость Божія и благословеніе нашего смиренія да будетъ съ тобою». И Александръ Ходкевичъ исполнилъ просьбу митрополита. Основанный и благоустроенный Александромъ Ходкевичемъ и митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ, но преимущественно на средства Ходкевича, православный Супрасльскій монастырь имѣлъ затѣмъ остаться ктиторскимъ въ родѣ Ходкевичей, въ патронатскомъ завѣдываніи ихъ. И вотъ какой-то латино-польскій бискупъ, еще при жизни Александра Ходкевича, замыслилъ сманить его и его родъ подъ власть римской церкви и папы, а вмѣстѣ съ тѣмъ отнять у православія и самый монастырь въ пользу той же своей римской церкви. Но нашелся въ монастырѣ умный и книжный инокъ, который написалъ смѣлое обличеніе тому бискупу. Онъ показалъ ему неправоту его толка, будто папа есть верховный намѣстникъ Христа на землѣ, сказалъ доброе слово въ защиту и восточныхъ патрі-

архов, которых унижал тот гордый бискуп. Писаніе это было добрым предостереженіем и Ходкевичам, так что они теперь еще оставались твердыми в православіи, не поддавались соблазнам чуждых учителей. Одновременно с Константином Ивановичем Острожским и Александром Ивановичем Ходкевичем при митрополитѣ Іосифѣ Солтанѣ и его преемниках извѣстны и многіе другіе православные ктиторы и патроны. Таковы родичи митрополита Іосифа знатные паны *Солтаны*, основатели славнаго нѣкогда *Жировицкаго монастыря*, Чарторыжскіе, Вишневецкіе, Сангушки, Четвертинскіе, Сапѣги, Тышкевичи и другіе многіе, многіе ктиторы и патроны церквей и монастырей в своих имѣніях. Ибо тогда еще всѣ князья, паны и бояре в Западной Россіи и Литвѣ были православными, за исключеніем очень небольшой части литовских панов коренной Литвы.

6. Начальныя братства в Вильнѣ.

Кромѣ ктиторов или патронов из отдѣльных лиц и фамилій, княжеских и дворянских, в первой половинѣ XVI вѣка видимѣе прежняго проявляют свою дѣятельность на пользу родной церкви *особыя общества из средних классов*, усвоившія себѣ доброе названіе *братств*. Зародыш братств коренится в древнем и общем всей Руси обычаѣ *братчин*. Братчины — это были *праздничныя собранія* или *сходки*, соединенныя с *складчиной* деньгами или припасами, по братолюбивому уговору на то между нѣкоторыми из прихожан мѣстнаго храма в большем или меньшем числѣ их. Часть складчины шла на свѣчу или другія приношенія в храмѣ, часть на праздничный обѣд с медом и пивом, а часть удѣлялась на милостыню меньшим братьям, т. е. бѣдным в при-

ходѣ. За братчинными обѣдами велась добрая бесѣда, пѣвались и тропари праздника. Такъ бывало на лучшихъ братчинахъ. Требовалось, чтобы на праздничныхъ обѣдахъ участниковъ братчины не было излишества, соблюдалась трезвость, не допускались ссоры, а въ случаѣ ссоръ достигалось тутъ же примиреніе, по суду братчины, въ духѣ братолюбія. Такое право суда предоставлялось братчинамъ и властями. Отсюда составилась старинная поговорка «братчина судитъ, какъ судъ». Людей безпокойныхъ, охотниковъ до ссоры, старались не принимать въ братчину; говоря про такихъ: «съ ними пива не сварить, дѣла не сладить». Итакъ братчины имѣли видъ *временныхъ праздничныхъ сходокъ и складокъ* и носили названіе по церквамъ, у которыхъ они устраивались или по праздникамъ когда устраивались, напримѣръ, братчина у святой Богородицы, братчина Никольская и тому подобныя.

Обычай братчинъ, какъ древній, общій всей Россіи, долго сохранялся въ восточной части ея, удерживался и въ Западной Россіи и тогда, когда она подпала литовскопольской власти. Но здѣсь вмѣстѣ съ этимъ обычаемъ возникъ обычай *болѣе постоянныхъ союзовъ* бытовыхъ, но вмѣстѣ и церковныхъ подъ названіемъ *братствъ*. Начали слагаться такіе союзы среди горожанъ, людей торговыхъ и промышленныхъ, имѣя опору въ общихъ порядкахъ бытоваго устройства торговыхъ и ремесленныхъ классовъ. Люди, занимавшіеся одинаковымъ промысломъ или ремесломъ, съ дозволенія власти, устраивали видъ *постояннаго* союза или *товарищества* для взаимной поддержки и бо́льшого успѣха въ своихъ промыслахъ и трудахъ. Но по чувству вѣры среди лучшихъ изъ членовъ союза слагался добрый обы-

чай освящать свой союзъ *церковною* молитвою для призванія Божія благословенія на свои занятія. По тому же чувству вѣры къ обязанностямъ союза присоединялись дѣла благочестія, попеченія о храмѣ, братолюбія и милосердія. Такой освященный и примыкавшій къ церкви союзъ и назывался уже *братствомъ*, въ смыслѣ союза не только по промыслу или ремеслу, но и по вѣрѣ. Какъ союзъ *постоянный*, онъ требовалъ уже болѣе прочнаго упорядоченія, которое являлось наконецъ въ видѣ письменныхъ правилъ, *письменнаго чина* или *устава*. Въ видѣ такихъ союзовъ являются впервые начальныя братства въ Вильнѣ и Львовѣ.

Въ Вильнѣ, какъ большомъ и столичномъ городѣ, было и большое населеніе, а въ составѣ его существовало съ своими особыми правами сильное сословіе горожанъ изъ купцовъ, промышленниковъ и ремесленниковъ. На основаніи грамотъ литовскихъ государей, оно имѣло свое городское управленіе, (по тогдашнему магистратъ, ратуша) похожее на наши городскія думы, во главѣ котораго были бурмистръ, войтъ, а при нихъ радцы (совѣтники), лавники (засѣдатели). Сверхъ того сословіе горожанъ раздѣлялось на особые, бытовые товарищества или *цехи* по разнымъ своимъ промысламъ и ремесламъ. Въ составѣ всего этого сословія горожанъ были православные и римско-католики. Но первыхъ было больше подобно тому, какъ и самыхъ церквей православныхъ было въ Вильнѣ больше, чѣмъ римско-католическихъ костеловъ. И вотъ между этими-то промышленными и ремесленными товариществами, по памяти о старинныхъ братчинахъ, появляются въ Вильнѣ *первыя братства*. Древнѣйшимъ изъ нихъ было братство *Кушнирское*, такъ названное по-

тому, что его составили между собой кушниры (мѣховщики, скорняки). Возникло оно еще въ 15 вѣкѣ; но явнѣе и прочнѣе становится съ 1538 года, когда оно имѣло уже свой письменный чинъ или *уставъ*, утвержденный въ этомъ году королемъ и великимъ князямъ Сигизмундомъ I. Какъ это *первый* извѣстный въ письменахъ уставъ братства, то въ пору здѣсь познакомиться съ нимъ.

Братство Кушнирское возникло, какъ сказано, еще въ XV вѣкѣ, а именно въ 1438 году. Кушниры Климъ, Якубъ и съ ними нѣкоторые другіе согласились основать постоянное братство, поставивъ начальнымъ условіемъ его: дѣлать *складчину* къ тремъ праздникамъ въ году: къ Рождеству Христову, къ дню Сошествія Святаго Духа и къ празднику Святителя Николая. На складчину они покупали и варили медъ къ этимъ тремъ праздникамъ. Изъ воска дѣлали свѣчи и раздавали по Виленскимъ церквамъ въ эти праздники, а сыченный медъ распивали въ праздничныхъ собраніяхъ для братской бесѣды. Со временемъ, когда число братчиковъ разрослось, братство выстроило для себя въ Вильнѣ свой братскій домъ, а потомъ составило и письменный уставъ. Уставъ хранился въ Братскомъ домѣ и опредѣлялъ порядки братства, какъ уже постояннаго учрежденія, обязательные для каждаго члена братства. Этотъ-то уставъ братство въ 1538 г. за своею печатью представило государю Сигизмунду I съ челобитною объ его утвержденіи, которое и дано ему.

По этому уставу Братство состояло изъ братій «уписныхъ», какъ уже постоянныхъ членовъ братства, занесенныхъ въ братскій *уписъ* или списокъ. Оно раздѣлялось на братью *старшую и младшую.*

Старшая и младшая братія ежегодно избирали *старостъ*, а въ помощь имъ *ключниковъ*. Всѣ братья обязаны были оказывать имъ послушаніе. А старосты при помощи ключниковъ завѣдывали складчинами или взносами братчиковъ, братскимъ домомъ, братскими деньгами и всѣми достатками и расходами братства и по окончаніи года давали по всему этому отчетъ въ собраніи братства. Старосты завѣдывали устройствомъ праздничныхъ собраній въ три праздника: Рождество Христова, Сошествіе Святаго Духа и день Святаго Николая. Само собою понятно, что эти собранія устраивались послѣ богослуженія въ церквахъ, по которымъ прислуживали братчики и горѣли братскія свѣчи, приготовленныя изъ воска, пріобрѣтеннаго на складчину. Собранія происходили въ братскомъ домѣ. Здѣсь устраивался братскій обѣдъ, за которымъ распивался братскій медъ. Разливомъ его для братіи завѣдывалъ ключникъ, а для послуги при обѣдѣ имѣлись у братства и свои выбранные слуги. Старосты указывали и мѣста за братскимъ столомъ, и потому какое-либо соперничество изъ за мѣстъ не допускалось, какъ неприличное и противное духу братства. За обѣдомъ и вообще въ собраніи велась братская бесѣда о предметахъ полезныхъ и назидательныхъ. Требовалось во все время обѣда и братской бесѣды и соблюдалась всѣми трезвость, умѣренность, благопристойность и учтивость. Если кто-либо лишнее выпивалъ, улегался на столъ за обѣдомъ, разливалъ медъ и вообще причинялъ какую-либо шкоду и непорядокъ, то старосты тутъ-же дѣлали ему выговоръ, унимали словами, а если онъ былъ упоренъ, не унимался, то подлежалъ «братской винѣ» обыкновеннѣе всего въ видѣ *пени*, ка-

кою облагало его братство. Если въ обѣденномъ собраніи произойдетъ между которыми-нибудь изъ братій звода т. е. ссора, а отсюда еще и жалоба на неучтиваго и ссорливаго; то жалоба тутъ же выслушивается старостами; а на слѣдующій день братья, собравшись въ братскій домъ, разбираютъ все дѣло, оправдываютъ обиженнаго, а виновному назначаютъ кару пеню по *суду братскаго собранія*. Если кто въ братскомъ домѣ окажетъ непочтеніе къ старостѣ, позволитъ себѣ охуждать его, таковой тутъ же подвергается братской карѣ. Карается и тотъ, кто укоритъ и ключника, завѣдывающаго разливомъ меда на обѣдѣ. Если ключникъ оказалъ какое-либо непослушаніе старостѣ или вообще небрежность въ сыченіи и разливаніи меду, то онъ сперва карается словами (выговоромъ), а если не исправляется, то карается уже братскою виною (пенею). Если наконецъ и самъ староста учинитъ какой либо проступокъ предъ братіею, то вся братія старшая и младшая дѣлаетъ ему словесное напоминаніе, и даже можетъ карать его братскою пенею. Судъ братства по проступкамъ, возникавшимъ во время братскихъ собраній, признавался независимымъ отъ всякихъ другихъ судовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, которые не могли вмѣшиваться въ братскій судъ, и это признано было за братствомъ и государевою грамотою. Кромѣ постоянныхъ или *уписныхъ* братій, на праздничныхъ собраніяхъ могли быть и братья *вкупные*, т. е. такіе, которые вкупались только на данный праздникъ, чтобы участвовать въ братскомъ обѣдѣ и братской бесѣдѣ. Могли быть на обѣдахъ и *гости*, приглашенные и допускаемые по ихъ просьбѣ членами братства. Какъ вкупные братья, такъ и гости могли быть изъ лицъ

разныхъ сословій, въ частности изъ духовенства и дворянъ. Но дворяне, присутствуя на братскихъ собраніяхъ и обѣдахъ, не должны домогаться какихъ либо высшихъ мѣстъ за столомъ и въ собраніи и гордостно пренебрегать мѣстомъ, на какомъ придется имъ сидѣть. Ибо мѣста назначаютъ старосты, знающіе станъ (общественное положеніе) каждаго. Никто также не долженъ входить въ братскую свѣтлицу, въ братское собраніе съ какимъ либо оружіемъ (тогда дворяне имѣли обычай носить при себѣ оружіе), или съ своими панскими слугами, ибо оружіе не годится въ братскомъ собраніи, а для послуги есть у братства свои слуги. Вообще всякіе гости должны въ братскихъ собраніяхъ подчиняться уставу братства, не допускать неприличныхъ и излишнихъ рѣчей, не разглагольствовать о своихъ дѣлахъ, стороннихъ для братства, держать себя прилично и учтиво и оказывать послушаніе старостамъ. Для уписныхъ членовъ братства, кромѣ указанныхъ выше обязанностей, налагалась еще обязанность оказывать христіанскую услугу умершимъ сочленамъ его. Братія обязывалась на средства братства пріобрѣтать бархатъ для гробовъ и покрывало для брата, давать свѣчи для возженія при отпѣваніи, присутствовать при отпѣваніи и провожаніи до могилы. Само собою предполагалась изъ средствъ братства и милостыня для раздачи въ братскій праздникъ и по душѣ умершихъ братій. По всему, что сказано здѣсь о братствѣ на основаніи его устава, видно, что Виленское Кушнирское братство не было только братствомъ промышленнымъ или ремесленнымъ, а было вмѣстѣ съ тѣмъ и братскимъ *религіознымъ;* ибо соединялось съ пожертвованіями на храмы Божіи и съ другими дѣлами христіанскаго благочестія и братолюбія.

Кромѣ Кушнирскаго братства въ первой половинѣ XVI вѣка были въ Вильнѣ и другія братства. Такъ было братство изъ почетнѣйшихъ мѣщанъ или горожанъ, стоявшихъ во главѣ городскаго управленія, каковы особенно бурмистры, радцы и другіе. Оно потому и называлось *панскимъ*, *бурмистровскимъ*, *радецкимъ* или вообще *мѣстскимъ*, т. е. городскимъ. Въ городскомъ управленіи были и православные и римскіе католики. Но братство составилось преимущественно изъ лицъ православныхъ. Какъ православное, оно сосредоточивалось при православномъ каѳедральномъ соборѣ Пречистой Богоматери, потому называлось еще братствомъ *при домѣ Пречистыя Богоматери*. Такъ называясь, оно хотѣло быть братствомъ уже собственно церковнымъ. Братство, въ лицѣ лучшихъ членовъ своихъ, заявило преданность свою православной вѣрѣ и благочестію еще слѣдующимъ дѣломъ. Члены братства по своему житейскому быту были люди торговые; цѣлыми дружинами отправлялись они по торговымъ угламъ въ земли польскія, нѣмецкія и другія. Но какъ люди православные и благочестивые, они хотѣли, чтобы и во время своихъ поѣздокъ не оставаться безъ совершенія Божественной литургіи по православному чину. Священника они могли брать и брали съ собою. Но чтобы священникъ могъ служить для нихъ литургію, для этого, по древнему уставу церкви, требовалось имѣть *антиминсъ*, который бы полагался на алтарѣ въ походной церкви или въ домѣ освященномъ для богослуженія. И вотъ обратились они къ православному константинопольскому патріарху и упросили его прислать имъ антиминсъ. Когда патріархъ прислалъ, они просили еще благословенія на свое благочестивое дѣло у своего архипастыря митрополита

Іосифа Солтана. Онъ далъ благословенную грамоту (1509 г.), въ которой говорилъ такъ: «повѣдали намъ сыны нашего смиренія, виленскіе горожане нашего *православнаго хрістіанства*, *братство дома Пречистыя Богоматери*, что господинъ святѣйшій вселенскій патріархъ константинопольскій прислалъ имъ подвижный антиминсъ и просилъ насъ, чтобы мы дозволили—служить на томъ антиминсѣ Божественную службу предъ ними въ странахъ польскихъ, нѣмецкихъ и другихъ, гдѣ случится имъ быть въ дорогѣ. И мы на просьбу и желаніе ихъ, благословили и дозволили имъ то имѣть: посему, когда какому либо священнику придется ѣхать съ ними изъ Вильны въ какую бы то ни было сторону, мы благословляемъ того священника и дозволяемъ ему служить предъ ними божественную службу на томъ антиминсѣ».

Было тогда въ Вильнѣ и третье братство — *купецкое—кожемяцкое*. Оно составилось изъ среды торговцевъ и ремесленниковъ кожемяцкаго дѣла или цѣха, но опять тѣхъ именно, которые были усердны къ вѣрѣ и готовы были «радѣть о потребахъ церквей Божіихъ». Оба новыя братства, какъ русскія православныя, наблюдали во всемъ братскіе обычаи старины и хотѣли еще украсить ихъ. Такъ у нихъ были праздничныя складчины, но еще чаще, чѣмъ въ первомъ братствѣ. Такъ братство городское или братство дома Пречистыя Богоматери устраивало складчины къ *шести* праздникамъ, каковы: Троицынъ день, Успеніе Пресвятыя Богородицы, Воздвиженіе, Николинъ день, Рождество Христово и Пасха. Братство кожемяцкое къ *восьми*, каковы: Пасха, седьмая суббота по Пасхѣ, Петровъ день, Успеніе, Покровъ, Николинъ

день, Рождество Христово, Благовѣщеніе. Братства имѣли свои дома, гдѣ устраивались братскія собранія и обѣды съ братскимъ медомъ. Въ этихъ собраніяхъ соблюдались всѣ добрые обычаи и строгіе порядки братскіе. Изъ своихъ складчинъ и вообще доходовъ и достатковъ, братства дѣлали пожертвованія на свѣчи, церковно-строеніе, на слугъ церковныхъ, на госпиталь, на милостыню бѣднымъ, на погребеніе замерзшихъ и другихъ покойниковъ, которыхъ некому было хоронить. Братство панское, какъ болѣе достаточное имѣло и содержало еще на свои средства *особую богадѣльню* при Спаской церкви въ городѣ Вильнѣ. Ко всему, что уже сказано о начальныхъ Виленскихъ братствахъ, надлежитъ досказать еще слѣдующее. Хотя всѣ эти братства составились преимущественно изъ православныхъ, но въ составѣ ихъ бывали и римско-католики. Бывали они и членами и уписными и вкупными и гостями. И это, замѣчаетъ архипастырь нашей церкви *), дѣлаетъ честь тогдашнимъ православнымъ города Вильны, что они принимали въ свои братства и римско-католиковъ. Они хотѣли жить въ мирѣ и добромъ согласіи съ согражданами-христіанами, хотя и другого исповѣданія. Чувствуя доброту и достоинство своего братскаго дѣла, они не скрывались съ нимъ и готовы были дѣлать участниками его согражданъ инославныхъ. Притомъ тогда и болѣе разумные римско-католики въ Вильнѣ, Литвѣ и Западной Россіи наклонны были къ дружному сожительству съ православными. Они видѣли, что за русскими православными перевѣсъ числа и силы. Они чувствовали свое родство съ

*) Бывшій архіепископъ Литовскій и Виленскій, потомъ митрополитъ Московскій Макарій.

ними по народности, по русскому языку, общему тогда и православнымъ и римско-католикамъ Литвы; они и семьями роднились съ православными русскими, а нѣкоторые при этомъ присоединялись къ православію и дѣтей своихъ крестили въ православіи.

7. Начальное братство въ Львовѣ.

Кромѣ Вильны раннимъ образованіемъ братствъ прославился Галицкій главный городъ Львовъ. Но положеніе православныхъ братствъ здѣсь было не во всемъ сходно съ положеніемъ Виленскихъ братствъ. Галицкая Русь ранѣе Литвы и Западной Россіи подпала подъ власть Польши; да и осталась она всецѣло подъ этой властью, какъ область короны Польской. Поэтому то сюда ранѣе и сильнѣе стали вторгаться поляки, ихъ паны, епископы, и ксендзы и тѣснить здѣсь русскихъ православныхъ. Православныхъ князей тамъ уже не было, русскихъ православныхъ бояръ и дворянъ оставалось мало, на мѣстѣ ихъ усаживались польскіе паны и шляхтичи, получившіе имѣнія отъ польскихъ королей. Православіе и русская народность сильнѣе держались въ городахъ среди мѣщанъ, купцовъ, ремесленниковъ, и въ селахъ среди крестьянъ. Польскіе короли, волею или неволею оказывавшіе терпимость, нерѣдко даже благосклонность къ православнымъ русскимъ и ихъ церкви въ областяхъ Литовско-русскихъ, иначе поступали съ православными Галицкой Руси. Здѣсь охотно поддавались они наговорамъ латинопольскихъ бискуповъ и ксендзовъ, которые прозывали православныхъ схизматиками, а ихъ церкви даже синагогами, и всячески стремились брать силу надъ ними и тѣснить ихъ, чтобъ покорить ихъ власти и своей Римской Церкви и ея папѣ. Особенно дѣломъ неправды и

насилія было то, что въ Галиціи уже давно (около 1420 г.) упразднена была православная епископская каѳедра въ городѣ Львовѣ, а учрежденная здѣсь латино-польская епископская каѳедра надѣлена большими правами и средствами къ обидѣ православныхъ. Тяжело было православнымъ безъ своего епископа. Для поставленія себѣ священниковъ и діаконовъ они должны были обращаться къ сосѣднимъ епископамъ или къ кіевскому митрополиту. Но для епархіи, хотя и оставшейся безъ своего епископа, нужно было управленіе для надзора за церковнымъ порядкомъ. И вотъ польская власть свѣтскимъ чинамъ предоставила право назначать намѣстниковъ для завѣдыванія православнымъ духовенствомъ и православными приходскими храмами. Эти намѣстники считались будто бы намѣстниками кіевскаго митрополита, а между тѣмъ ихъ назначали безъ его вѣдома свѣтскіе чины, да еще большею частью польскіе латиняне. Понятно, каковы были эти намѣстники, могшіе быть притомъ и изъ неправославныхъ. При Сигизмундѣ I послѣдовала перемѣна въ дѣлѣ намѣстническомъ, но не къ утѣшенію православныхъ. По домогательству львовскаго латинскаго бискупа, Сигизмундъ предоставилъ ему было право назначать отъ себя намѣстника галицкой епархіи, одного взамѣнъ многихъ. Это сдѣлано для того, чтобы дать почувствовать православнымъ Галицкой Руси власть и силу латинскаго епископа, а чрезъ это расположить ихъ къ отпаденію отъ православія и къ покорности римской церкви.

Такъ выражался въ своей грамотѣ по этому дѣлу и самъ Сигизмундъ I, позволявшій даже, чтобы въ его грамотахъ называли православныхъ схиз-

матиками, а церкви ихъ—синагогами. Союзникомъ латино-польскаго бискупа и ксендзовъ въ притѣсненіи православныхъ являлся Львовскій городской магистратъ, состоявшій здѣсь изъ однихъ латинянъ-поляковъ. Онъ присвоилъ себѣ право назначать православныхъ священниковъ, взимая за то плату. Священникамъ запрещено было ходить въ городѣ съ Святыми дарами къ больнымъ, а также провожать покойниковъ въ облаченіи со свѣчами и звономъ. Русскіе православные не допускались быть свидѣтелями предъ судомъ, а если въ какихъ либо дѣлахъ требовалась для нихъ присяга, то они должны были приносить ее въ латинскомъ костелѣ, а не въ своихъ церквахъ, которыя притомъ обзывались у латинянъ синагогами. Въ виду такихъ и подобныхъ обидъ и стѣсненій православные горожане Львова стали объединяться для защиты правъ своей вѣры и церкви. Плодомъ этого явилось *братство*, имѣвшее свое средоточіе при Соборной Успенской церкви. Оно возникло еще въ XV вѣкѣ, но виднѣе становится въ XVI, когда ему пришлось стать во главѣ всего общества православныхъ мѣщанъ и горожанъ львовскихъ для защиты правъ своей вѣры и церкви. Помощниками ему въ этомъ были митрополитъ Іосифъ Солтанъ и князь Константинъ Ивановичъ Острожскій. Благодаря ихъ стараніямъ и ходатайствамъ предъ Сигизмундомъ I, Галицкая епархія поставлена въ ближайшую зависимость и подъ ближайшее попеченіе кіевскихъ митрополитовъ, такъ что съ этой поры (съ 1509 г.) они и стали титуловаться кіевскими *и галицкими*. Вслѣдъ затѣмъ митрополичьи намѣстники въ галицкой епархіи изъяты изъ подъ власти латинскаго бискупа и стали назначаться по выбору православ-

ныхъ и благословенію митрополита и быть только подъ его властью. Еще далѣе установленъ былъ одинъ общій намѣстникъ въ санѣ *архимандрита* для большей чести и силы его, для большаго огражденія его независимости отъ притязаній латинскаго бискупа. А князь Константинъ Ивановичъ Острожскій помогъ братству достичь того, что Сигизмундъ I отмѣнилъ или по крайней мѣрѣ ослабилъ упомянутыя выше стѣсненія православнымъ. Но львовскій латинскій бискупъ, ксендзы, съ своими союзниками въ магистратѣ и среди польскихъ властей, не оставляли своихъ домогательствъ на власть надъ православными. За то и русскіе православные, во главѣ съ братствомъ, рѣшились довершить свое дѣло возстановленіемъ въ Львовѣ *епископской каѳедры*, чтобы такимъ образомъ имѣть полное церковное устройство и устранить всякія притязанія латинскаго бискупа на власть надъ ними.

8. Возстановленіе православной епископіи въ Львовѣ.

Былъ у нихъ митрополичьимъ намѣстникомъ архимандритъ Макарій Тучапскій родомъ изъ своихъ же львовскихъ мѣщанъ, мужъ благочестивый и достойный. И вотъ православные Галичане львовскіе и сосѣдніе задумали ходатайствовать предъ королемъ о дозволеніи на то, чтобы Макарій посвященъ былъ въ епископа Львовскаго. Въ этомъ ходатайствѣ помогали имъ Кіевскій митрополитъ (Макарій II) и православные князья и паны Подоліи и Волыни. За то латинскій Львовскій епископъ и его латино-польскіе союзники прилагали всевозможныя усилія, чтобы ходатайство православныхъ не сбылось. Дѣло это потребовало отъ православныхъ великихъ трудовъ и жертвъ. Измучились они на поѣздки въ Краковъ и хожденія тамъ по своему дѣлу. Сотни добрыхъ воловъ были розданы ими

на подарки королю, королевѣ и придворнымъ панамъ. Больше всѣхъ настрадался и измучился самъ Макарій. И онъ долженъ былъ ѣздить въ Краковъ къ королю и на сеймъ, подолгу живать, помногу тратиться и бѣдствовать въ Краковѣ, чтобъ добыть отъ короля грамоту на епископство. Король не разъ готовъ былъ дать ее: но латино-польскіе архибискупы и бискупы кричали на сеймѣ, чтобъ не давалъ. Король, а по его совѣту и Макарій, должны были ждать, пока крикупы разъѣхались. Тогда наконецъ король далъ грамоту Макарію. Съ нею возвратился онъ въ Львовъ. Узнавъ о томъ, Львовскій архибискупъ прислалъ Макарію грозный приказъ явиться къ нему съ грамотой. Макарій не пошелъ къ нему. Тогда архибискупъ въ сильномъ гнѣвѣ говорилъ предъ шляхтою римскаго закона: «я этого не оставлю, пока живъ; Русь должна быть въ моей власти, король безъ меня не могъ того дать». И затѣмъ послалъ жалобу въ Краковъ, требуя, чтобъ Макарій съ грамотой вызванъ былъ на шляхетскій сеймъ: этимъ сеймомъ архибискупъ думалъ не только погубить дѣло Макарія, но пригрозить и королю. Король все это предвидѣлъ; потому еще прежде, при передачѣ грамоты Макарію, посовѣтовалъ спутникамъ его изъ галицкихъ русскихъ поскорѣе ѣхать съ нимъ къ митрополиту и просить, чтобъ поставилъ его во епископа: тогда, прибавлялъ король, архибискупъ и бискупы уже не смогутъ устранить Макарія. Русскіе Галичане такъ и сдѣлали: быстро снарядили въ дорогу своего Макарія, а сами большою дружиной провожали его до границы, опасаясь, чтобъ его не убили или не отняли у него королевской грамоты: ибо львовскій архибискупъ уже не разъ давалъ подобные приказы на счетъ

Макарія. Счастливо доѣхалъ онъ къ митрополиту въ Новогродокъ, былъ посвященъ во епископа (въ октябрѣ 1539 г.) и возвратился въ Львовъ уже владыкою-епископомъ. Рады были православные. Теперь возстановилось у нихъ полное церковное устройство съ епископомъ во главѣ. Не смотря на всѣ притѣсненія отъ латинянъ, въ Львовѣ оказывалось еще девять церквей съ духовенствомъ при нихъ. Были и два монастыря. Изъ старшихъ священниковъ владыка-епископъ учредилъ, по старому обычаю, *соборный клиросъ* т. е. каѳедральныхъ соборянъ для помощи ему въ церковномъ управленіи и судѣ. А братство Львовское по прежнему осталось при своихъ правахъ и обязанностяхъ попеченія о нуждахъ Божіихъ церквей, призрѣніи бѣдныхъ и такъ далѣе. Такъ православіе и русская народность надолго укрѣпились въ Львовѣ и Галицкой Руси.

9. Русская народность въ Литвѣ и Западной Россіи и борьба ихъ за свою государственную независимость отъ Польши при послѣднихъ Ягеллонахъ.

Русская народность въ Литвѣ и Западной Россіи была еще сильна и при послѣднихъ Ягеллонахъ Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ II Августѣ. Теперь, какъ и прежде, къ этой народности принадлежало громадное большинство населенія литовско-русскаго государства всѣхъ сословій его. Это населеніе православное, имѣвшее въ своей вѣрѣ и родной церкви и главную опору своей народности. Но эта же народность продолжала теперь, какъ и прежде, держаться и въ средѣ литовцевъ римско-католиковъ, которые, хотя и были соединены съ поляками въ вѣрѣ, но считали себя соотечественниками и собратіями русскихъ православныхъ по единому литовско-русскому государству, хотя и союзному съ Польшею, но отдѣльному отъ нея и по русскому языку, какъ народному и государственному языку для областей и земель всего великаго княжества

Литовско-русскаго. Потому теперь, какъ и прежде, при первыхъ Ягеллонахъ, православные Литвы и Западной Россіи, православные Литво-руссы, въ борьбѣ съ Польшею за свою государственную независимость и за свою русскую народность имѣли союзниками и литовцевъ римско-католической церкви. Но эта борьба съ годами и десятилѣтіями становилась труднѣе. Ибо чѣмъ долѣе тянулся союзъ Литвы съ Польшею, тѣмъ болѣе поляки усиливались увлекать на свою сторону Ягеллоновъ, какъ общихъ государей Литвы и Польши, затѣмъ усиливались прикрѣплять къ Польшѣ литовско-русскія земли, дѣйствуя всякими способами, какіе открывались для нихъ въ самомъ этомъ союзѣ, особенно при послѣднихъ Ягеллонахъ.

Король и Великій князь Литовско-русскій Сигизмундъ I былъ, какъ сказано выше, благосклоненъ къ Литвѣ и Руси. Полагаясь на это, высшіе литовско-русскіе чины въ 1526 г. просили его дать имъ и короновать на великое княжество Литовско-русское сына Сигизмунда Августа. Они говорили: «когда великое княжество будетъ имѣть свою корону, тогда нельзя будетъ присоединить его къ коронѣ польской, потому что та корона не можетъ быть *вплетена*, то есть включена въ другую корону. Тогда панамъ полякамъ нельзя будетъ домогаться, чтобы это наше государство было унижено и присоединено къ нимъ, но будетъ равное братство и пріязнь за одно противъ каждаго непріятеля». Сигизмундъ исполнилъ эту просьбу, но настолько, насколько это позволяло ему его положеніе, какъ короля польскаго, или точнѣе, насколько позволили его польскіе паны.

Въ 1529 г. онъ привезъ 9-лѣтняго королевича Сигизмунда-Августа въ Вильну, гдѣ онъ торжественно провозглашенъ великимъ княземъ. Но на корону для него король не согласился, даже не оставилъ въ Вильнѣ, гдѣ его именемъ могли бы управлять велико-княжеская, литовско-русская рада, а самъ онъ обрусѣть. Король взялъ сына съ собою въ Польшу, гдѣ поляки тотчасъ провозгласили его наслѣдникомъ Польской короны, чтобы обезпечить себѣ выгоды имѣть въ своихъ рукахъ будущаго общаго государя Польши, Литвы и Западной Руси. Болѣе успѣли Литовско-русскіе представители въ другомъ важномъ дѣлѣ. Они постарались составить общій сводъ законовъ для всѣхъ земель Литовско-русскаго государства. И этотъ сводъ былъ въ томъ же 1529 г. утвержденъ государемъ подъ названіемъ *статута*. Этотъ Литовско-русскій статутъ, какъ общій и единый законъ для всѣхъ земель государства, ограждалъ его единство и самостоятельность. Подобно старому судебнику Казиміра, онъ составленъ по русскому праву и на русскомъ языкѣ, и этимъ свидѣтельствовалъ о продолжающемся господствѣ во всѣхъ земляхъ государства русской народности какъ главной и основной. Польшу этотъ статутъ представлялъ страной чужой, поляковъ—иноземцами, не имѣвшими права на уряды и общественныя должности и земельныя пріобрѣтенія въ Литвѣ и Западной Руси. По статуту не допускались для поляковъ такія пріобрѣтенія ни покупками, ни пожалованіями, ни даже черезъ браки. Если бы полякъ женился на дѣвицѣ или вдовѣ изъ Литвы или Руси, то онъ могъ получить приданное только деньгами, но не родовыми имѣніями литовско-русскихъ фамилій. Когда, не смотря на статутъ, поляки захва-

тывали должности или земли въ Литвѣ и Руси, то литовско-русскіе чины и дворяне жаловались королю на сеймахъ, которые бывали то въ Брестѣ (Литовскомъ), то въ Вильнѣ. Они требовали даже, чтобы польскіе чиновники, сопровождавшіе короля во время поѣздокъ его въ Литву и Западную Россію, останавливались на границѣ; а если въѣзжали съ королемъ въ Литву и Западную Россію, то считались бы здѣсь только гостями-чужеземцами.

Наконецъ уступая просьбамъ литовско-русскихъ чиновъ, король Сигизмундъ въ 1544 г. сдалъ управленіе Литовско-русскимъ государствомъ сыну Сигизмунду II Августу, который пріѣхалъ и сталъ жить въ Вильнѣ. Здѣсь при немъ взяли силу князья Радзивиллы Николай Черный, потомъ Николай Рыжій, которые хотя не были православными, но были горячими защитниками независимости и отдѣльности Литовско-русскаго государства Польши, дѣйствуя за одно съ русскими православными. Молодой Великій князь Литовскій, по желанію литовско-русскихъ пановъ, поручилъ пересмотрѣть и улучшить Литовско-русскій *Статутъ*. Надъ этимъ стали трудиться совмѣстно и русскіе православные и литовскіе римско-католики, но тѣ и другіе трудились, какъ люди *русскіе*, и составленный ими статутъ, изданъ потомъ также *на русскомъ языкѣ, какъ общемъ народномъ языкѣ для всѣхъ ихъ*. Само собою понятно, что этотъ языкъ господствовалъ во всѣхъ судахъ и урядахъ, какъ и во всякой рѣчи устной и письменной въ предѣлахъ Литвы и Западной Россіи. Самъ король, Сигизмундъ I почти всегда соблюдалъ законъ, по которому его грамоты и указы по дѣламъ Литвы и Западной Россіи писались на русскомъ языкѣ. Этотъ же законъ соблюдалъ и

сынъ его Сигизмундъ II, когда еще при жизни отца сталъ государемъ Литвы и Западной Россіи, хотя и подъ верховной властью отца. Правда, долго живя въ Польшѣ, самъ онъ поотвыкъ отъ русскаго языка и свыкся съ польскимъ. Но въ Литвѣ надѣялись, что теперь, заживя въ Вильнѣ, онъ склонится на сторону своего литовско-русскаго государства и народа. И онъ сталъ склоняться. За то и Поляки надѣялись со временемъ опять перетянуть его на свою сторону. И вотъ, когда скончался его отецъ, Поляки привезли его въ Польшу и провозгласили своимъ королемъ. Такъ Сигизмундъ II Августъ сталъ теперь общимъ государемъ Польши и Литвы и Западной Россіи. Живалъ онъ то въ Польшѣ, то въ Литвѣ и въ первое время любилъ жить даже болѣе въ Литвѣ, чѣмъ въ Польшѣ. Поляки не дозволяли ему долго заживаться въ Литвѣ, боясь, что онъ станетъ радѣть о ней больше, чѣмъ о Польшѣ. Въ это время созрѣвалъ у нихъ важный замыселъ. Дѣло въ томъ, что Сигизмундъ II былъ уже послѣдній Ягеллонъ на состоявшихъ въ союзѣ государствахъ Польскомъ и Литовско-русскомъ. Онъ былъ три раза женатъ, но не имѣлъ дѣтей и не было надеждъ, что будутъ у него дѣти наслѣдники престола. Поляки стали болѣе и болѣе побаиваться, что съ его смертью прекратится союзъ Литвы и Западной Руси съ Польшей. Поэтому они съ удвоенными усиліями домогались закрѣпить этотъ союзъ при послѣднемъ Ягеллонѣ съ помощью его власти. Всею силою стали они налегать на Сигизмунда Августа, чтобы онъ привлекъ и принудилъ Литовцевъ и Западно-русскихъ къ согласію на *унію*, то есть такое соединеніе Литвы и Западной Россіи съ Польшею, которое было бы уже не простымъ и

временнымъ союзомъ, а полнымъ и вѣчнымъ объединеніемъ, сліяніемъ ихъ въ одно государство, государство именно польское. Въ этомъ государствѣ главное господство должно было бы уже принадлежать Польшѣ, Полякамъ и польской народности, а Литовско-русскія земли были бы только областями Польши, и Литовско-русскій народъ только частію Польскаго народа и слился съ нимъ. Съ своей стороны представители Литвы и Западной Россіи продолжали противится такимъ замысламъ Поляковъ. Много разъ заходили большіе споры по этому дѣлу между польскими панами и Литовско-русскими представителями на разныхъ съѣздахъ то въ Польшѣ, то въ Литвѣ и Западной Россіи. Король Сигизмундъ II былъ человѣкъ непостоянный. Онъ склонялся то на ту, то на другую сторону, стараясь угодить той и другой. Но запугиваемый Поляками, боясь также, чтобы Западная Русь не перешла подъ власть Московскаго государя, онъ сталъ мало по малу, но все болѣе и болѣе поддаваться на сторону Поляковъ и Польши. На Варшавскомъ сеймѣ 1564 г. онъ въ своемъ потворствѣ Полякамъ дошелъ уже до крайней степени: объявилъ, что онъ, какъ государь Ягеллонова дома, отрекается отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на Литовско-русское государство въ пользу Польскаго государства. Горько было это Литовцамъ и Русскимъ. Одинъ изъ литовцевъ еще во время сейма писалъ своему другу: «паны ляхи давними и разными способами хотятъ записать Литву въ кабалу и взять насъ въ полную неволю». А послѣ сейма Николай Радзивиллъ писалъ самому королю: «теперь Литвѣ грозитъ двоякая бѣда: съ одной стороны мечъ непріятельскій (отъ войны съ Москвою) и съ другой (отъ Польши)—

арканъ живой и вѣчной неволи». Король успокоивалъ Радзивилла отвѣтомъ: «я веду Литву не къ неволѣ, а (будто бы) къ большей свободѣ и къ братскому согласію съ Польшею». Чтобъ польстить этою свободою и русскихъ православныхъ, король еще прежде на Виленскомъ съѣздѣ (1563 г.) издалъ грамоту, которою Литовско-русскіе православные дворяне уравнивались въ правахъ съ дворянами королевства римско-католическаго исповѣданія. Однакоже ни теперь, ни послѣ король не изволилъ уравнять православныхъ епископовъ въ правахъ съ римско-католическими епископами литовскими и польскими. Когда на съѣздѣ въ Гроднѣ (1568 г.) просилъ о томъ короля кіевскій митрополитъ Іона Протасовичъ, то король отвѣчалъ, что это дѣло онъ «отлагаетъ на иншій часъ». Этого иншого часу и не дождались отъ короля православные епископы. Видно, что о правахъ ихъ и вообще о правахъ православной церкви не особенно радѣли и тѣ литовскіе паны, которые не принадлежали къ православной церкви, а между тѣмъ были наиболѣе сильны при королѣ. А все это показывало, что въ борьбѣ съ Поляками по дѣлу замышляемой ими уніи не будетъ полнаго согласія между литовцами и русскими. Понимали это поляки. Умѣли они воспользоваться и тѣмъ новымъ затрудненіемъ, въ какое поставлена была Литва тогдашнею войною ея съ Московскимъ государствомъ. Поляки, какъ то бывало и прежде, поджигали Литовцевъ къ этой войнѣ, но сами не помогали имъ. Они разсчитывали, что ослабѣвъ отъ войны, Литовцы станутъ податливѣе на унію. «Война, говорили они, пригонитъ Литовцевъ къ уніи съ нами». И такъ, когда все было подготовлено, король и поляки задумали

устроить большой съѣздъ представителей изъ Польши, Литвы и Западной Россіи, чтобы довершить дѣло объ Уніи.

10. Люблинскій съѣздъ 1569 г. и состоявшаяся на немъ политическая (гражданская) унія Литвы и Западной Россіи съ Польшею.

Съѣздъ по дѣлу уніи открылся 10 января 1569 года въ городѣ Люблинѣ въ присутствіи самого короля Сигизмунда Августа. Поляки, напередъ сговорившись по городамъ и уѣздамъ, собрались на съѣздъ въ весьма большомъ числѣ. Въ полномъ сборѣ были польскіе сенаторы и во главѣ ихъ латино-польскіе бискупы. Еще сильнѣе числомъ были послы изъ земельной шляхты, которой притомъ и легко было съѣзжаться въ близкій ко всѣмъ польскимъ землямъ Люблинъ. Хотя у поляковъ бывало вообще не много согласія и порядка на ихъ съѣздахъ, но на этотъ разъ съѣхавшіеся польскіе сенаторы и послы позаботились дѣйствовать въ большемъ согласіи, чтобы осилить представителей Литвы и Западной Руси. Эти представители собрались, сравнительно съ поляками, въ меньшемъ числѣ. Одни изъ нихъ ѣхали неохотно и опаздывали; другіе и совсѣмъ не являлись, потому что не желали уніи, боялись, что ихъ станутъ принуждать къ ней, а иные просто затруднялись ѣхать изъ русскихъ земель въ далекій Люблинъ. Къ сожалѣнію, между Литовско-русскими представителями не было крѣпкаго согласія. Виною были преимущественно Литовскіе знатные паны. Они держали себя гордо съ меньшимъ русскимъ дворянствомъ, затрогивали подъ часъ и знатныхъ пановъ коренныхъ русскихъ земель, какъ Волынской, Кіевской областей и др., потому и сами не встрѣчали сильной поддержки со стороны послѣднихъ. Не было на съѣздѣ и западно-русскихъ православныхъ епископовъ, тогда какъ латино-польскіе бискупы были и могли гово-

рить, сколько имъ хотѣлось. Выгоды поляковъ на съѣздѣ довершались важнѣйшею — увѣренностью, что король на ихъ сторонѣ. По всему этому они надѣялись, что дѣло уніи пойдетъ на съѣздѣ легко и скоро. Но они ошиблись. Съ первыхъ же дней съѣзда открылось, что не смотря на красныя рѣчи поляковъ и громкія похвалы ихъ съѣзду и уніи, литовцы не рады ему, не хотятъ уніи. Одинъ изъ польскихъ епископовъ пустился винить тутъ и короля, говоря ему въ глаза: «причиной, почему литовцы не хотятъ уніи съ нами,— наше дурное управленіе и то, что, по ихъ словамъ, у насъ нѣтъ ничего надежнаго». Поляки стали даже опасаться, что непостоянный король, какъ скоро замѣтитъ неудачу и трудность дѣла уніи, то самъ ускользнетъ отъ дѣла, и потому постановили чтобы переговоры съ литовцами объ уніи велись въ присутствіи короля, чтобы, значитъ, онъ не убѣжалъ изъ Люблина, и король оставался на все время съѣзда. Начались затѣмъ самые переговоры польскихъ сенаторовъ съ литовскими объ уніи. Первые требовали признать полное сліяніе Литвы съ Польшею; послѣдніе соглашались только на братскій союзъ, но съ сохраненіемъ независимости и правъ Литовско-русскаго государства. Пошли споры, пререканія, а затѣмъ попреки и угрозы съ обѣихъ сторонъ. Литовскіе сенаторы и послы перестали и являться на засѣданія съ польскими сенаторами и послами. Прошелъ слухъ, что литовцевъ хотятъ силою забирать по домамъ и тащить въ засѣданія. По этому поводу, при свиданіи съ королемъ, смѣлый Литовскій панъ Иванъ Ходкевичъ сказалъ: «если бы до того дошло, то и мы будемъ защищаться силою въ нашихъ домахъ». Бѣдный король не зналъ, что дѣ-

лать. Прошло два мѣсяца (январь и февраль) въ засѣданіяхъ и спорахъ, а дѣло не двигалось впередъ. Наконецъ Литовцы рѣшили совсѣмъ прервать это дѣло. Ночью на 1 марта литовскіе сенаторы Радзивиллъ Рыжій, Иванъ Ходкевичъ и многіе другіе уѣхали изъ Люблина, поручивъ немногимъ оставшимся просить извиненія у короля въ этомъ поступкѣ своемъ.

Отъѣздъ литовцевъ былъ плохо обдуманъ. Онъ раздразнилъ поляковъ, но смутилъ ихъ не надолго. Въ рукахъ ихъ былъ король, повторившій теперь, что отдаетъ Польшѣ русско-литовскія области. Поляки ободрились и задумали самымъ отбытіемъ литовцевъ воспользоваться для своего дѣла. Именно: задумали они присоединять къ Польшѣ сперва ближайшія русскія области и притомъ каждую по одиночкѣ. Повели они дѣло хитро, пуская въ ходъ и лесть, и угрозу и даже неправду. Начали съ самой малой и слабой области Подлѣсья. Послы съ Подлѣсья русскіе православные дворяне были на съѣздѣ. На нихъ то налегли теперь поляки, требуя присяги на унію. Чтобъ уклониться отъ нея, одни изъ подлѣсянъ спѣшили уѣхать изъ Люблина. Другіе, хотя и остались, но не соглашались на требованія поляковъ. Согласились на присягу только трое. Даже изъ этихъ троихъ одинъ раздумалъ и бѣжалъ (нѣкто Ижиковичъ); но его догнали и воротили въ Люблинъ. Итакъ эти три подлѣсяне начали за свое Подлѣсье присягу на унію его съ Польшею. Жалкое начало дѣла! Но оно громко восхвалялось польскими говорунами, какъ дѣло великое. Присягнувшимъ даны или обѣщаны награды, а уклоняющимся высказаны угрозы, чтобы современемъ и ихъ привлечь къ присягѣ. Отъ Подлѣсья

перешли къ Волыни, потомъ восточной Подоліи или Брацлавскому воеводству. Присягу по Волыни началъ не кто либо изъ коренныхъ русскихъ волынцевъ, а одинъ польскій панъ (Альбертъ Ласскій), недавно предъ тѣмъ съ великою неправдою захватившій большое имѣніе на Волыни. Его то присягу и сочли началомъ присоединенія Волыни! Конечно, нашлись затѣмъ и между коренными русскими волынцами, готовые покориться волѣ короля и присягнуть на унію. Но ихъ было мало въ Люблинѣ и еще менѣе осталось. И вотъ король строгимъ указомъ по уѣздамъ Подлѣсья. Волыни и Подоліи требовалъ, чтобы съѣзжались въ Люблинъ по дѣлу уніи. Волею - неволею стали съѣзжаться Подлѣсяне, Волыняне и Подоляне. Послѣ не малыхъ пререканій возобновилась присяга ихъ на унію. Пришлось, скрѣпя сердце, присягать и такимъ знатнымъ людямъ, какъ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, князья Вишневецкіе, Черторыжскій, Сангушко и другіе. Надъ ними была власть короля. Одни просто не хотѣли ослушаться его; другіе опасались, что властію короля поляки лишатъ ихъ должностей и имѣній.

Дошла очередь до Кіева и Кіевской области. Опять начались споры. Но при помощи короля и они кончились объявленіемъ и присоединеніемъ ихъ къ Польшѣ. Послѣ того, какъ въ Люблинѣ удалось привлечь къ присягѣ на унію бывшихъ тамъ знатныхъ русскихъ людей, король уже смѣло разослалъ своихъ чиновниковъ по городамъ и уѣздамъ присоединенныхъ русскихъ областей съ указами о томъ, чтобы всѣ присягали на унію съ Польшею, грозя въ этихъ указахъ, что несогласные на унію и присягу будутъ лишены должностей и имѣній.

*

Такъ и пошла вольная и невольная присяга по городамъ и уѣздамъ. Между тѣмъ шелъ уже шестой мѣсяцъ отъ начала Люблинскаго съѣзда, а онъ еще не кончался. Не кончилось дѣло съ Литовцами, уѣхавшими изъ Люблина. Горько было слышать имъ, что въ отсутствіе ихъ Поляки присоединяютъ одну за другою русскія области, предъ тѣмъ принадлежавшія къ Литовско-русскому государству. «Никогда еще не было столь тяжелыхъ ударовъ нашему отечеству: видно, за грѣхи Богъ караетъ Литву!» такъ писалъ тогда въ Литву одинъ изъ литовскихъ пановъ, оставшихся въ Люблинѣ, чтобы слѣдить за дѣломъ уніи и сообщать землякамъ. Подобные скорбные голоса слышались и отъ другихъ въ Литвѣ. Они и понятны. Послѣ отдѣленія отъ Литвы Подлѣсья, Волыни, Подоліи и Кіевской области и присоединенія ихъ къ Польшѣ, Литва оказывалась слабою и безпомощною. Бороться съ поляками литовцамъ было уже не въ могоду. Понимая это, польскіе паны уже грозились силою усмирять ихъ, какъ бунтовщиковъ. Терпѣливѣе былъ король, но и онъ давалъ имъ понять свою немилость къ нимъ за несговорчивость на унію. И такъ волею-неволею литовскіе сенаторы и послы стали прибывать въ Люблинъ. Тутъ прежде всего они высказали горькіе упреки полякамъ за отнятіе отъ литовскаго государства упомянутыхъ русскихъ областей, считая это величайшею неправдою со стороны Поляковъ. «Богъ такой неправды съ нами не попуститъ: рано или поздно, но расчетъ будетъ!» Такъ, отъ имени литовско-русскихъ собратій своихъ, говорилъ смѣлѣйшій изъ нихъ Иванъ Ходкевичъ, неустанно ратовавшій за независимость Литвы отъ Польши. Поляки озлились на литовцевъ и донесли

слова ихъ королю. Король сказалъ, что и самъ порицаетъ поступокъ литовцевъ, но добавилъ: «сказать правду, литовцы не могутъ не огорчаться; невзгоды ихъ велики; у нихъ оборваны крылья *), но вы, паны, добивайтесь своего». Паны польскіе и добивались. Отбиваться отъ нихъ Литовцы были уже не въ силахъ. Они рѣшились сдаться на унію, но такъ, чтобы и при уніи спасти долю независимости бывшаго Литовско-русскаго государства. Собрались они въ засѣданіе сейма, гдѣ былъ и король, и здѣсь Ходкевичъ держалъ длинную рѣчь которую закончилъ такъ: «намъ уже не къ кому обратиться за помощью, развѣ только къ Богу и къ Вамъ, всемилостивѣйшій Государь нашъ, какъ защитнику нашихъ правъ и Божію помазаннику. Нижайше просимъ мы Васъ привести дѣло къ концу такъ, чтобы оно не влекло за собою порабощенія и позора намъ и потомкамъ нашимъ. Мы теперь доведены до того, что должны съ покорною просьбою пасть къ ногамъ Вашего Величества». Всѣ Литовцы съ плачемъ пали на колѣна, и Ходкевичъ продолжалъ: «именемъ Бога умоляемъ тебя, Государь, помнить нашу службу, нашу вѣрность тебѣ и нашу кровь, которую мы проливали для твоей славы. Благоволи такъ устроить насъ, чтобъ всѣмъ намъ была честь, а не посмѣяніе и униженіе, чтобы сохранены были наше доброе имя и твоя государева честь». Король, надо правду сказать, отвѣчалъ Литовцамъ милостиво, обѣщая не дать ихъ въ обиду и устроить унію въ духѣ любви и братства. 1-го Іюля послѣдовала и присяга литовцевъ на унію. А вскорѣ затѣмъ наступилъ и конецъ сейма. Польскіе паны ликовали.

*) То есть, отняты русскія земли, составлявшія главную силу Литвы.

Много и красно говорили они о своей Люблинской уніи. Съ великими похвальбами говорили о ней, какъ о такомъ единеніи, которое состоялось свободно, непринужденно, на правахъ равенства и братства соединившихся народовъ польскаго и литовско-русскаго, и которое обѣщаетъ миръ, могущество, славу и счастіе обоимъ народамъ. Такою была эта унія на словахъ, но не такою на дѣлѣ. На дѣлѣ она велась лестію и насиліемъ, съ угрозами отнятія должностей и имѣній тѣмъ, кто не соглашался бы на унію.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что литовцы и православные Западной Россіи, волею неволею соглашаясь на унію съ Польшею, дѣлали все, что́ могли, въ огражденіе своей вѣры и народности. Не разъ они напоминали о томъ во время съѣзда. Такъ напримѣръ, когда шла рѣчь о присоединеніи Волыни, то одинъ изъ знатнѣйшихъ православныхъ русскихъ князей Константинъ Вишневецкій говорилъ польскимъ панамъ: «Мы люди иной съ вами вѣры, особенно мы люди восточной церкви; просимъ, чтобы насъ не унижали за вѣру, и чтобы никого не принуждали къ другой вѣрѣ». А когда составлялись такъ называемыя *привилегіи* (особыя постановленія) на унію по каждой изъ областей, то во всѣ эти привилегіи занесено было и то, чтобы и православные имѣли одинакія права съ римско-католиками, и чтобы русскій языкъ, какъ знамя народности, оставался языкомъ государственнымъ во всѣхъ Литовско-русскихъ земляхъ. Но послѣ Люблинской уніи уже труднѣе станетъ православнымъ Западной Руси отстаивать права своей вѣры и народности. А между тѣмъ открылись предъ ними новыя опасности.

ГЛАВА V.

Новыя опасности вѣрѣ и народности православныхъ западно-руссовъ, возникшія при послѣднихъ Ягеллонахъ и первыхъ короляхъ польскаго избирательнаго правленія.

1. Реформація и сектантство въ Польшѣ, Литвѣ и сосѣднихъ съ ними областяхъ Западной Россіи.

Къ опаснымъ сторонамъ союза Западной Россіи съ римско-католическою Польшею и Литвой принадлежало и то, что разныя, возникшія тамъ, смуты и нестроенія могли, какъ повѣтріе, заноситься въ Западную Россію. Таковы были *смуты религіозныя*, появившіяся въ Польшѣ и Литвѣ при послѣднихъ Ягеллонахъ, усилившіяся особенно при самомъ послѣднемъ изъ нихъ Сигизмундѣ Августѣ. Эти смуты начались впрочемъ не въ Польшѣ, а далѣе въ Западной Европѣ, составлявшей область Римской церкви, подвластной папамъ. А тамъ произошли онѣ по винѣ прежде всего самихъ же Римскихъ папъ и ихъ Римской церкви. Старое лжеученіе римское, будто папа есть глава всей христіанской церкви, верховный владыка всего христіанства, единый намѣстникъ Божій и Христовъ на землѣ, это ученіе принесло свои плоды. Власть папъ, какъ духовное иго, стала въ тягость многимъ и среди западныхъ христіанъ, то есть римско-католиковъ или латинянъ. А между тѣмъ въ Римской церкви наплодилось много злоупотребленій. Выдающимся изъ нихъ была продажа *индульгенцій*, то есть папскихъ грамотъ на отпускъ грѣховъ. Папскіе монахи расхаживали по разнымъ римско-католическимъ странамъ и торговали этими грамотами, увѣряя, что кто заплатитъ и купитъ ихъ, тотъ избавитъ себя отъ вины за

грѣхи, или же высвободить изъ какого-то чистилища своихъ умершихъ родителей, родныхъ и тому подобныхъ. Легковѣрные покупали такія грамоты. Но нашлись и такіе, которые стали поговаривать, что это дѣло неразумное, что папы уже слишкомъ забылись отъ своей непомѣрной власти. Самовластіемъ стали называть и то, что въ Римской церкви богослуженіе совершается не на понятномъ народу языкѣ, какъ въ церкви Восточной, а на латинскомъ, далеко не всѣмъ понятномъ, что на этомъ же языкѣ читается и само Слово Божіе, которое поэтому недоступно народу, незнающему по латыни. Все это и многое другое вызвало у многихъ римскихъ католиковъ недовольство, потомъ ропотъ, наконецъ и возстаніе противъ папы, Рима и Римской церкви, какъ церкви папистической, а не подлинной христіанской церкви. Вожаками возстанія стали болѣе отважные изъ среды самихъ латинскихъ ксендзовъ и монаховъ, каковы: нѣмецъ *Лютеръ*, французъ *Кальвинъ* и многіе другіе. Сторону ихъ приняли и многіе сильные люди изъ князей и владѣтелей, особенно германскихъ или нѣмецкихъ, а потомъ и другихъ. Но были, конечно, и защитники папъ и Римской церкви, и во главѣ ихъ стоялъ тогдашній Германскій императоръ. А изъ этого возникли великіе споры, смуты и кровавыя войны на много лѣтъ. Кончилось это тѣмъ, что многія страны съ своими князьями и государями отпали отъ Папской или Римской церкви и образовали свои *христіанскія общества или исповѣданія*. Это дѣло свое они назвали *реформою*, *реформаціею*, то есть *преобразованіемъ* бывшей у нихъ дотолѣ Римской церкви, исправленіемъ ея отъ злоупотребленій и ложныхъ ученій. Называли они свое дѣло и *протестантствомъ*,

а себя *протестантами*, то есть противниками, обличителями неправдъ Римской церкви. Къ величайшему сожалѣнію, эти вожаки-реформаторы и протестанты и сами впали въ тяжкую ошибку. Они не подумали, что кромѣ Западной или Римской церкви, есть Восточная православная церковь, которая вѣрно сохранила истинное ученіе Господа Іисуса Христа, святыхъ Апостоловъ и святыхъ отцевъ, изъясненное и опредѣленное на святыхъ вселенскихъ соборахъ въ тѣ свѣтлыя времена, когда въ единеніи съ нею была Римская церковь, уже потомъ отпавшая отъ нея. Правда, нѣкоторые изъ протестантскихъ учителей начали было сноситься съ архипастырями Восточной церкви, желая разъяснить свои споры съ Римскою церковью и свои собственныя недоразумѣнія въ ученіи вѣры. Но уже было поздно, и ничего изъ этого не вышло. А не вышло особенно потому, что эти протестантскіе учители и сами то, по наслѣдію отъ Рима, свысока смотрѣли на Восточную церковь и слишкомъ уже увлеклись своими успѣхами въ борьбѣ съ Римомъ, слишкомъ довѣряли своему уму-разуму и не умѣли съ должнымъ вниманіемъ и смиреніемъ выслушать голосъ старѣйшей Восточной церкви. Вмѣсто разума древней, христіанской Восточной церкви, которому они могли бы научиться у вѣрной наслѣдницы ея Православной церкви Восточной, пришлось имъ пробавляться своимъ разумомъ въ выработкѣ вѣроученія для своихъ новыхъ протестантскихъ обществъ. Правда, они думали держаться при этомъ слова Божія, евангелія, почему называли себя еще и *евангеликами*. И то хорошо, что они, по подобію Восточной церкви и въ противность Римской, старались распространить въ

народѣ знаніе Слова Божія, перевели его на народные языки, ввели и богослуженіе на народныхъ языкахъ. Но то забыли они, что Слово Божіе предано Богомъ Его святой церкви, которая, какъ говоритъ и само Слово Божіе, есть *столпъ и утвержденіе истины,* что истинное толкованіе Слова Божія, а потому и истинное, православное опредѣленіе содержащагося въ немъ ученія вѣры утверждается на священномъ преданіи и разумѣ Вселенской церкви, а не на разумѣ всякаго умствователя и самозваннаго учителя. Иначе всякій станетъ толковать, судить, мудрить и рядить по своему. Такъ и вышло у реформаторовъ, протестантовъ или мнимыхъ евангеликовъ. По различію учителей, явились у нихъ и разные толки и секты, на которыя и распались новыя христіанскія общины на западѣ. Отъ Лютера пошли *Лютеране* и *лютеранское* вѣроисповѣданіе; отъ Кальвина—*Кальвинисты* и *кальвинское* исповѣданіе; отъ Социна (въ Италіи) *социніане,* которыхъ называли также *аріанами,* потому что, подобно древнему еретику Арію, они (страшно сказать!) отвергали таинство святой Троицы и божество Господа нашего Іисуса Христа. Изъ общаго омута сектъ возникли еще *анабабтисты* или *перекрещенцы,* дерзнувшіе перекрещивать своихъ послѣдователей. Были и другія секты, перечислять которыя нѣтъ надобности. А то надобно сказать, что духъ реформаціи, повѣтріе сектантства не замедлили проникнуть и въ Польшу и Литву. Изъ разныхъ странъ Западной Европы понаходили въ Польшу и Литву учители и проповѣдники новыхъ ученій и толковъ. Нашлись здѣсь у нихъ слушатели и послѣдователи среди поляковъ и литовцевъ, принадлежавшихъ дотолѣ къ римской или латинской

церкви. А нашлись потому, что и въ Польшѣ многимъ стали въ тягость иго папской власти и соблазнъ злоупотребленій Римской церкви. Иные же увлекались новыми ученіями и толками просто по ихъ новости и заманчивой вольности, льстившей панской вольности. Все это началось еще при Сигизмундѣ I, но особенно усилилось при сынѣ его Сигизмундѣ II Августѣ, который въ молодости и самъ дружилъ съ протестантами. Какъ въ Западной Европѣ, такъ въ Польшѣ и Литвѣ протестантство оказалось въ разныхъ толкахъ или сектахъ. Сильнѣе всѣхъ былъ Кальвинскій толкъ. Къ нему пристали многіе изъ польскихъ и литовскихъ пановъ, бывшихъ латинянъ. Знатнѣйшіе паны Радзивиллы (Николай Черный и Николай Рыжій) были главными покровителями кальвинизма въ Литвѣ и Вильнѣ. Были въ Польшѣ и Литвѣ и лютеране, преимущественно среди городскихъ мѣщанъ. Былъ еще особый толкъ *Моравскихъ братьевъ*, выходцевъ изъ Чехіи и Моравіи. Были социніане или аріане, также имѣвшіе послѣдователей и покровителей среди польскихъ и литовскихъ пановъ, а рядомъ съ ними появились *перекрещенцы* и даже *полужидовствующіе*. Польско-литовское сектантство представляло собою опасный соблазнъ и для православныхъ сосѣдней Западной Россіи. Правда, сами же поляки, поминая то бурное время, замѣчаютъ, что русскіе православные съ благородною твердостію стояли при своей праотцовской вѣрѣ и не поддавались соблазну съ такою легкостію, какъ римско-католики польскіе и литовскіе. Но надо сознаться, что и между русскими православными панами нашлись соблазнившіеся, хотя ихъ было и не много. Такъ напримѣръ, въ Литвѣ знатный панъ Янъ Ходке-

вичъ, внукъ основателя православнаго Супральскаго монастыря, далъ себя увлечь въ кальвинизмъ. А на Волыни нашлись и такіе легкомысленные паны изъ русскихъ, которые пристали даже къ аріанству, по примѣру своихъ польскихъ знакомцевъ. Прискорбны были для церкви православной такія отпаденія отъ нея хотя бы и немногихъ пановъ. Но въ связи съ польско-литовскимъ сектантствомъ возникли для нея еще другія бѣды и напасти.

2. Іезуиты въ Польшѣ, Литвѣ и Западной Россіи. Борьба ихъ съ сектантами; замыслы противъ церкви православной.

Въ то время какъ въ Западной Европѣ была въ самомъ разгарѣ борьба между римскими папами и ихъ римско-католическою церковію съ одной стороны и съ реформаторами или протестантами съ другой, на помощь папамъ и римской церкви въ этой борьбѣ выступилъ новый римско-католическій монашескій *орденъ іезуитовъ*. Орденами въ Западномъ латинскомъ монашествѣ назывались такія монашескія сообщества, которыя кромѣ общихъ монашескихъ обѣтовъ, одинаково свойственныхъ и восточному и западному монашеству, поставляли для себя еще особенные обѣты и правила. Назывались они обыкновенно по именамъ основателей ордена, каковы, напримѣръ: Францискане отъ Франциска, Доминикане отъ Доминика и тому подобно. Орденъ іезуитовъ основанъ (въ 1540 г.) испанцемъ *Игнатіемъ Лойолою*. Но онъ и его послѣдователи усвоили себѣ названіе *іезуитовъ* въ той горделивой мысли, будто они какіе то особенные общники или товарищи Христа Іисуса (по латыни Іезуса). Главнымъ обѣтомъ ихъ было бороться за папу и римскую церковь по всему свѣту, распространять и растить по всему свѣту ихъ власть, а съ тѣмъ вмѣстѣ и могущество своего ордена. Они любили говорить, что подвизаются *для большей славы Божіей*.

Но слава Божія сливалась для нихъ съ славою и величіемъ папства и ихъ ордена. Между тѣмъ, прикрываясь своею поговоркою «для большей славы Божіей», іезуиты приняли въ свою орденскую вѣру ту страшную мысль, что можно не разбирать средствъ въ достиженіи той цѣли, какою задались они, что тутъ позволительны и добрыя и худыя средства. Рядомъ съ такими по виду добрыми средствами, какъ наука, проповѣдь, благотворительность и тому подобное, допускались у нихъ всякія хитрыя происки, продѣлки, обольщенія, насилія. Они говорили: «цѣль освящаетъ, оправдываетъ средства». Скоро римскіе папы и многіе латинскіе епископы примѣтили, что въ іезуитахъ римская церковь пріобрѣтаетъ сильное и искусное воинство для борьбы съ отпадшими отъ нея протестантами и для новыхъ завоеваній въ средѣ православныхъ, другихъ христіанскихъ и нехристіанскихъ народовъ въ мірѣ.

Къ помощи іезуитовъ прибѣгли папа и латинскіе епископы въ своей борьбѣ и съ польско-литовскимъ разновѣріемъ и сектантствомъ. Устрашаемый слухами объ этомъ сектантствѣ, папа прислалъ въ Польшу чрезвычайнаго посла (нунція) одного изъ своихъ кардиналовъ, то есть старшихъ епископовъ, числившихся при папскомъ дворѣ. Этотъ посолъ сперва напугалъ короля Сигизмунда-Августа за его потворство разновѣрцамъ. «Отъ нихъ, говорилъ онъ королю, пойдутъ мятежи и войны, а отсюда великія бѣды государству». Король испугался, сталъ чуждаться разновѣрцевъ-протестантовъ и обѣщалъ стоять за возстановленіе въ его государствахъ господства единой римской церкви. Это было въ 1564 году. А въ 1569 году въ послѣдній день Люблинскаго съѣзда, король въ своей рѣчи на закрытіи съѣзда

сказалъ: «теперь, когда на съѣздѣ утверждено политическая унія, то есть государственное единство нашихъ странъ, хочу я подумать о возстановленіи и единства вѣры, единства религіознаго, то есть господства единой римской церкви». Въ эти же годы состоялся вызовъ и іезуитовъ въ Польшу и Литву. Въ Польшѣ, по совѣту съ тѣмъ же папскимъ посломъ, вызвалъ іезуитовъ въ свою епархію одинъ изъ польскихъ бискуповъ (Осія епископъ Варминскій) отличавшійся наибольшею ревностію въ борьбѣ съ разновѣріемъ и въ защитѣ папы и римской церкви. Примѣру его стали слѣдовать и другіе польскіе бискупы. А въ 1569 г., ровно черезъ мѣсяцъ послѣ Люблинскаго съѣзда, по совѣту того же польскаго бискупа, вызвалъ іезуитовъ въ Литву, въ Вильну виленскій латинскій епископъ (Валерьянъ Протасовичъ). Тотъ же польскій бискупъ и прислалъ ему первыхъ пятерыхъ іезуитовъ. На встрѣчу имъ виленскій бискупъ послалъ свою крытую телѣгу и отрядъ вооруженныхъ слугъ, боясь, чтобы виленскіе сектанты не учинили нападенія на непріятныхъ имъ пришельцевъ. Такъ іезуиты и въѣхали въ Вильну и смиренно явились къ бискупу. Съ радостію принявъ ихъ, бискупъ далъ имъ на житье свой большой домъ, а потомъ и другіе два дома съ разными доходами къ нимъ. Затѣмъ, по ихъ просьбѣ отнялъ у своихъ мѣстныхъ ксендзовъ и отдалъ іезуитамъ костелъ святаго Яна, одинъ изъ важнѣйшихъ костеловъ въ Вильнѣ *). Вскорѣ къ первымъ іезуитамъ, бывшимъ большею частію изъ иностранцевъ, присоединились и другіе уже изъ поляковъ,—ксендзовъ, приставшихъ къ ордену іезуитовъ въ Польшѣ.

---

*) Всѣ эти дары утвердилъ за іезуитами и король Сигизмундъ-Августъ.

Такъ устроившись, іезуиты начали свои подвиги. Надобно правду сказать, что и между виленскими іезуитами были люди весьма ученые, рѣчистые, искусные, и всѣ были горячіе ревнители своего дѣла. Завели они торжественныя службы костельныя, привлекавшія народъ. Въ проповѣдяхъ на этихъ службахъ сейчасъ принялись они громить сектантовъ, какъ заблудшихъ и отступниковъ и защищать римское вѣроученіе и папство. Смѣло выступали они и на устныя пренія (диспуты) съ сектантами. Замѣтили сектанты, что не легко препираться съ іезуитами и стали уклоняться отъ преній. Тогда іезуиты устраивали подобіе этихъ преній. Дѣлалось это такъ; одинъ іезуитъ представлялъ собою лютеранина, другой кольвиниста, третій социанина или аріанина, а четвертый — римско-католика или паписта. Пренія велись предъ толпой любопытныхъ, и выходило такъ, что іезуитъ римско-католикъ-папистъ побѣждалъ и лютеранина и кольвиниста и социніанина. Оно и не трудно было побѣждать. Ибо въ сектанствѣ было много заблужденій и неправды. А въ ученіи римской церкви было и есть больше истины, оставшейся въ немъ отъ ученія древней, вселенской православной церкви и послѣ отпаденія ея отъ послѣдней. Жаль только, что не вся эта истина сохранилась въ римской церкви, что защищая ту часть истины, которую она унаслѣдовала отъ древней вселенской и православной церкви, іезуиты еще съ большимъ усердіемъ ратовали за новоизмышленныя ученія римской церкви, каково напримѣръ ученіе о главенствѣ папы. Но какъ скоро іезуиты на подобныхъ лицедѣйныхъ преніяхъ казались толпѣ побѣдителями въ одномъ, въ чемъ были они правы, то толпа думала, что они правы и во

всемъ остальномъ. Такъ стали они слыть побѣдителями и посрамителями сектантовъ. Еще болѣе сильное оружіе нашли іезуиты въ своихъ школахъ, которыя назывались *коллегіями*, то есть сотовариществами. Были уже такія коллегіи въ Польшѣ. Основали іезуиты свою коллегію и въ Вильнѣ. Будучи сами хорошо обезпечены, они принимали въ нее даромъ. Впрочемъ они старались заманивать въ нее дѣтей особенно изъ знатныхъ и богатыхъ фамилій, которыя и безъ просьбы хорошо вознаграждали за ученіе своихъ дѣтей. Притомъ они и задались мыслію овладѣть чрезъ свое ученіе дѣтьми, а чрезъ нихъ и родителями знатныхъ и богатыхъ пановъ, чтобъ чрезъ все это увеличить свою силу въ обществѣ. Они умѣли льстить своимъ питомцамъ изъ знати, давали имъ первыя мѣста въ школѣ, дѣлали потачки въ шалостяхъ, чтобы тѣ больше любили ихъ. Учили же они разнымъ наукамъ, особенно латыни, которая считалась тогда великою мудростію, учили красно говорить, тонко и хитро разсуждать и спорить. А все это годилось тогда для блеска въ свѣтѣ, для успѣха на службѣ, въ собраніяхъ пановъ на сеймахъ, судахъ и тому подобные. Само собою разумѣется, что въ своихъ питомцахъ іезуиты старались и умѣли воспитать непріязнь къ иновѣрцамъ и ревность къ Римской церкви и папству. Такъ пріобрѣтали они въ своихъ питомцахъ будущихъ союзниковъ себѣ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе способныхъ, заманивали прямо въ свой орденъ, такъ что къ старымъ іезуитамъ прибавилось немало молодыхъ. Умѣли также іезуиты дѣйствовать чрезъ исповѣдь, какъ искусные духовники. Умѣли проникать въ семьи и какъ духовники и какъ вообще учители и совѣтники, и

пользовались этимъ для возбужденія непріязни къ разновѣрцамъ и ревности по вѣрѣ своей Римской церкви. Такъ укрѣпившись въ римско-католическомъ обществѣ, іезуиты могли уже смѣлѣе, рѣшительнѣе направить свои силы и на польско-литовскихъ разновѣрцевъ, сектантовъ. И тутъ начали они прежде всего съ знатныхъ фамилій, чтобы отнять у сектантовъ сильныхъ покровителей. Одною изъ первыхъ блестящихъ удачъ ихъ было пріобрѣтеніе старшей линіи изъ фамиліи Радзивилловъ. Послѣ старшаго изъ Радзивилловъ Николая Чернаго, бывшаго главнаго патрона кальвинистовъ, остались четыре молодыхъ сына, которымъ отецъ передъ смертію завѣщалъ твердо держаться кальвинистовъ. Теперь, по внушенію іезуитовъ, они одинъ за другимъ отреклись отъ кальвинизма, стали ревнителями римской церкви и папства, а одинъ изъ нихъ (Юрій) сталъ современемъ латинскимъ бискупомъ и кардиналомъ и жестоко преслѣдовалъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ. Подобную удачу имѣли іезуиты и съ нѣсколькими другими изъ знатныхъ сектантовъ. Примѣръ и успѣхи іезуитовъ оживили ревность къ борьбѣ съ сектантами и въ прочихъ польско-литовскихъ, латинскихъ ксендзахъ, монахахъ съ бискупами во главѣ. А ко всѣмъ имъ стали болѣе и болѣе примыкать паны и шляхта. Одновременно съ этимъ болѣе и болѣе рѣдѣли ряды польско-литовскихъ разновѣрцевъ. Правда ихъ оставалось еще много, и борьба съ ними іезуитовъ и ихъ пособниковъ затянулась на многія десятилѣтія. Но надѣясь современемъ осилить и остальныхъ польско-литовскихъ разновѣрцевъ, іезуиты и союзные съ ними польско-литовскіе ксендзы, монахи и бискупы, направили свои сплоченныя силы и на православ-

ныхъ Западной Россіи, чтобы и ихъ привесть подъ власть римской церкви, а чрезъ это сильнѣе прикрѣпить къ Польшѣ.

Сильною помощію имъ въ этомъ замыслѣ была уже сама Люблинская государственная унія, открывшая пути къ усиленію власти Польши и поляковъ въ Литвѣ и Западной Россіи. А вскорѣ затѣмъ на подмогу замысламъ ихъ явилось новое обстоятельство. Когда послѣдній изъ Ягеллоновъ Сигизмундъ Августъ скончался (1572 г.) бездѣтнымъ, то послѣ полугодичнаго безкоролевья, настало въ Польшѣ избирательное правленіе. Оно состояло въ томъ, что въ Польшѣ уже не было одного королевскаго рода, какъ прежде родъ Ягеллоновъ, королей по праву законнаго наслѣдства, а были короли избираемые на сеймахъ, которые могли брать такихъ королей изъ разныхъ родовъ чужихъ и своихъ польскихъ. Понятно, что когда послѣ Люблинской уніи, Польша считала себя главною властительницею въ соединенныхъ съ нею земляхъ, то и самое избраніе королей происходило уже въ Польшѣ и зависѣло главнымъ образомъ отъ польскихъ пановъ, бискуповъ съ польскою шляхтою и польскими сеймами. Понятно, что и самою властію такихъ избираемыхъ королей польскіе паны и бискупы, могли заправлять какъ хотѣли, и потому могли пользоваться ею для выполненія іезуитскихъ и своихъ собственныхъ замысловъ противъ православной вѣры и русской народности въ Западной Россіи. Правда, на сеймахъ, бывшихъ во время безкоролевья, въ виду еще сильнаго числа разновѣрцевъ, ради мира и спокойствія постановлено было для выборныхъ королей въ числѣ другихъ обязательствъ, и то обязательство, что они будутъ уважать свободу вѣро-

исповѣданія и права всѣхъ жителей своего государства. Это могло бы быть полезно и православнымъ. Но дѣло въ томъ, что латино-польскіе бискупы и союзные съ ними паны умѣли не дозволять королямъ исполнять такое обязательство, или же избирать такихъ королей, которые и сами въ угоду имъ не захотятъ исполнять его. Такъ и было.

Перваго избираемаго короля польскіе бискупы и паны въ сговорѣ съ папскимъ посломъ добыли себѣ изъ Франціи въ лицѣ брата тогдашняго короля французскаго. Устроили они это дѣло, какъ сами говорили во славу *римско-католической церкви*. Ибо тогда во Франціи, въ Парижѣ при дворѣ короля верховодили іезуиты и паписты, и еще недавно съ его вѣдома устроили страшную рѣзню протестантовъ будто бы для защиты и во славу Римской церкви *). Надѣялись поэтому, что и братъ французскато короля покажетъ себя въ Польшѣ рьянымъ ревнителемъ римско-католической церкви и врагомъ несогласныхъ съ нею. Новый король и прибылъ въ Польшу, въ ея столицу Краковъ. Оказался онъ вѣтреникомъ. Да и побылъ недолго—не болѣе полгода. Узнавъ о смерти своего брата короля въ Парижѣ, онъ ночью тайкомъ бѣжалъ туда изъ Кракова на посмѣхъ польскимъ панамъ и бискупамъ (1574 г.). Пришлось теперь искать другого короля. Нашелся охотникъ и былъ избранъ въ ко-

---

*) Была въ Парижѣ придворная свадьба, на которую съѣхалось много протестантовъ. И вотъ, во время свадебныхъ празднествъ, въ ночь предъ днемъ святаго Варѳоломея (25 авг. 1572 г.), паписты внезапно кинулись на ничего неподозрѣвавшихъ протестантовъ и перебили множество ихъ. Когда слухъ о кровавомъ подвигѣ изувѣровъ дошелъ въ Римъ, то во славу его устроили иллюминацію.

*

роли князь небольшой страны Седмиградіи или Трансильваніи (принадлежащей теперь Австріи). То былъ *Стефанъ Баторій* (1575—1587 г.). Былъ онъ способный король. Поляки рады были ему. Не могли радоваться ему русскіе православные. Ибо онъ благоволилъ гораздо болѣе полякамъ, чѣмъ русскимъ и готовъ былъ потакать замысламъ папы и латино-польскихъ бискуповъ, ксендзовъ и пановъ противъ церкви Православной. Былъ онъ усерднымъ покровителемъ и польскихъ и литовскихъ іезуитовъ. При немъ они стали такъ сильны, что самъ онъ не то въ шутку, не то въ правду, говаривалъ: «если-бы я не былъ королемъ, то былъ бы іезуитомъ». Много обогатилъ и возвысилъ онъ Виленскихъ іезуитовъ и ихъ коллегіи. А въ Полоцкѣ, тогда чисто русскомъ городѣ, насильно отнялъ у православныхъ и отдалъ іезуитамъ большую часть церквей и монастырей съ ихъ имѣніями. Это была вопіющая несправедливость, но іезуиты воспользовались ею ради пользы и славы римско-католической церкви, держась своего правила: цѣль оправдываетъ средства.

Послѣ Стефана Баторія († 1587 г.) сталъ королемъ Сигизмундъ III (1587—1632), избранный изъ шведскихъ королевичей. То былъ уже прямо питомецъ іезуитовъ; они же орудовали имъ, какъ польскимъ королемъ, имѣя опору въ его духовникѣ іезуитѣ. Съ нимъ совѣтовался король во всемъ и безъ его совѣта не предпринималъ ничего, даже въ дѣлахъ общественныхъ. Ревнуя о господствѣ и славѣ римско-католической церкви въ земляхъ своего государства, Сигизмундъ III готовъ былъ всячески стѣснять свободу и права христіанъ другихъ исповѣданій, особенно православныхъ, и готовъ былъ

вообще на всякія средства къ тому, чтобы привлечь ихъ подъ власть папы и римской церкви. При этомъ то королѣ созрѣлъ у іезуитовъ замыслъ о *церковной уніи*, о которомъ они стали высказываться еще при Стефанѣ Баторіи.

Мысль объ этой уніи была старою мыслію римскихъ папъ. Образецъ ея имѣлся у нихъ въ извѣстной уже намъ Флорентійской уніи, бывшей за полтораста лѣтъ предъ симъ. Не удалась имъ тогда эта унія ни на Востокѣ, ни въ Россіи. Но они не забывали о ней. Теперь она казалась имъ особенно желанною и возможною. Реформація отняла у папъ и ихъ римской церкви цѣлые народы и страны въ Западной Европѣ. Не смотря на всѣ усилія папъ и іезуитовъ не чуялась надежда на скорое возвращеніе этихъ потерь. И вотъ возникло усиленное желаніе пополнить эти потери новыми завоеваніями въ средѣ православнаго міра. Чаще прежняго стали появляться отъ папы или союзныхъ съ нимъ государей послы и миссіонеры въ Россіи Восточной и Западной. Въ Восточной или Московской Руси пытались они дѣйствовать на самихъ царей, склоняя ихъ на унію, то есть признаніе главенства папы и римской церкви. Чрезъ царей надѣялись они привлечь въ унію и весь народъ. Нѣкоторые изъ такихъ пословъ, возвратясь изъ Московской Россіи, говаривали между своими: «если бы папамъ удалось привлечь подъ свою власть такую великую страну и такой многочисленный и набожный народъ; то они могли бы не жалѣть о своихъ потеряхъ среди народовъ Западной Европы». Но надежды на подчиненіе папѣ Восточной Руси оказались напрасными. Въ этомъ имѣлъ случай убѣдиться даже самый искусный іезуитъ Антоній Пос-

севинъ, бывшій папскимъ посломъ у царя Ивана Васильевича Грознаго. Задумалъ онъ повести съ царемъ рѣчь о вѣрѣ. Сначала царь совсѣмъ не хотѣлъ и говорить съ нимъ о вѣрѣ. Но іезуитъ усиленно напрашивался, и царь позволилъ ему повести рѣчь о вѣрѣ. Сейчасъ услышалъ царь отъ него старыя и подновленныя рѣчи о Флорентійской уніи, которую будто бы приняли и Греки, о главенствѣ папы, какъ намѣстника Христова по преемству отъ святаго апостола Петра, бывшаго будто бы единымъ верховнымъ намѣстникомъ Христа въ церкви Божіей. Царь сперва терпѣлъ, потомъ заговорилъ сильно противъ рѣчей іезуита. Про Флорентійскую унію сказалъ: «знаемъ мы про ту унію и про тотъ соборъ неправый, который отвергли и греки и наши предки. А хотя бы и были нѣкоторые греки когда нибудь принявшіе ту унію, то мы вѣримъ Христу и Евангелію, а не тѣмъ грекамъ. Знаемъ мы и то, что были въ Римѣ и папы—епископы правовѣрующіе, благочестивые и даже святые; тѣхъ и мы почитаемъ. Но потомъ папы съ своею римскою церковью отпали отъ единой православной Вселенской церкви, стали выситься и самовластвовать, ввели разныя свои новыя ученія, противныя вѣрѣ православной. Этихъ папъ мы не признаемъ истинными намѣстниками святаго апостола Петра, власти ихъ не подчинимся». Іезуитъ позволилъ себѣ криво толковать нѣкоторыя изъ благочестивыхъ обычаевъ, замѣченные имъ въ Москвѣ. Царь сказалъ ему: «называешься ты ученымъ, а теперь вижу, что ты невѣжа. Еслибы ты читалъ наши церковныя книги, то нашелъ бы тамъ истинное толкованіе этихъ обычаевъ». Послѣ всего царь сказалъ іезуиту: «Антоній! побывай ты завтра въ нашей соборной церкви Успенія Божіей Матери.

Тамъ увидишь ты, какъ мы молимся по православному. Тамъ будешь имѣть утѣшеніе видѣть чудотворную икону Божіей Матери». Іезуитъ обѣщалъ побывать, но не былъ. Такъ ни съ чѣмъ онъ и уѣхалъ изъ Москвы. На пути изъ нея въ Римъ, онъ остановился въ Вильнѣ и тутъ держалъ совѣтъ съ другими іезуитами о томъ, чтобы унію ввести пока только въ Западной Россіи. Онъ говорилъ: «нечего теперь думать объ уніи въ Восточной или Московской Россіи. Тамъ царь и народъ одной вѣры. Надежнѣе эта унія въ Западной Россіи. Она подвластна польскому королю, который самъ принадлежитъ къ римско-католической церкви, и потому его властью и можно воспользоваться для этой цѣли, нужно еще дѣйствовать на русскихъ князей и господъ, чтобы ихъ склонить къ уніи! А для этого нужно усиленно издавать и пускать въ оборотъ книжки съ наставленіями о римской церкви, какъ единой истинной и объ уніи съ нею». Такія книжки польско-литовскіе іезуиты начали издавать еще и прежде. Одинъ изъ славнѣйшихъ въ Польшѣ и Литвѣ іезуитовъ Петръ Скарга, издалъ (въ 1577 г.) такую книжку подъ заглавіемъ «*о единствѣ церкви Божіей*», доказывая будто единая истинная церковь есть только римско-католическая, что соединиться съ нею, то есть принять унію, должны и русскіе православные. Эту книжку онъ посвятилъ славнѣйшему изъ православныхъ князей Константину Константиновичу Острожскому, надѣясь совратить его въ унію, а именемъ его подѣйствовать и на другихъ; но это ему не удалось! Теперь по общему совѣту и дружной работой іезуитовъ пущены въ оборотъ уже многія книжки съ рѣчами объ уніи, о которой усиленнѣе стали голосить они и въ своихъ пропо-

вѣдяхъ. Будущую унію они описывали такъ, что это будетъ только братское единеніе съ римскою церковью подъ главенствомъ или властію папы, что затѣмъ и при уніи въ западно-русской церкви останется все по прежнему: останутся свои русскіе епископы, священники, церкви, монастыри, обряды, таинства и все богослуженіе на церковно-славянскомъ языкѣ. А про себя говорили: «унія эта будетъ только *мостомъ къ латинству*, средствомъ къ переводу то есть къ превращенію русскихъ православныхъ въ латинянъ такихъ же, какъ и поляки». Это то и было особенно угодно папѣ бискупамъ, ксендзамъ и панамъ. Поэтому они вмѣстѣ съ королями и оказывали всякую поддержку іезуитамъ въ ихъ замыслѣ объ уніи. Впрочемъ іезуиты не опускали случая теперь же не дожидаясь уніи, совращать отдѣльныхъ лицъ изъ русскихъ пановъ прямо въ латинство и это еще болѣе нравилось полякамъ, потому что такіе совращенные уже становились поляками.

3. Опасности для православной вѣры отъ умноженія безпорядковъ въ церковномъ управленіи.

Велики были тѣ опасности, которыя грозили вѣрѣ и народности западно-руссовъ отъ чужихъ, то есть отъ польско-литовскихъ разновѣрцевъ и отъ іезуитовъ, поддерживаемыхъ польскими бискупами и королями. Но къ опасностямъ отъ чужихъ присоединились бѣды *отъ сродникъ*, отъ своихъ русскихъ той же Западной Руси. При послѣднихъ Ягеллонахъ и первыхъ короляхъ избирательнаго правленія множились въ ней нарушители церковнаго порядка и нерадивцы о благочестіи. Отъ этого множился и безпорядокъ въ церкви, это же грозило умалить духовныя силы ея, такъ нужныя ей для борьбы съ соблазнами и напастями отвнѣ. Святое дѣло правда. И вотъ, по этой правдѣ, надо ска-

зать, что были нарушителями церковнаго порядка и нерадивцы о церкви и между тѣми русскими панами, которые считались ктиторами и патронами церквей и монастырей. Бывало напримѣръ, такъ: начальный ктиторъ построитъ или обновитъ церковь, монастырь, заботится о благосостояніи ихъ и о добромъ порядкѣ въ нихъ, старается чтобы при церквахъ были добрые священники, въ монастыряхъ добрые настоятели. А затѣмъ дѣти потомки или родичи его начинаютъ нерадѣть о своихъ обязанностяхъ, а больше думаютъ о своихъ правахъ, даже злоупотребляютъ ими. Они расхищаютъ церковное имущество, захватываютъ церковныя или монастырскія земли, отдаютъ ихъ въ аренду, закладываютъ, и тому подобное. Они отдаютъ настоятельскія мѣста въ церквахъ и монастыряхъ людямъ не по вниманію къ ихъ достоинству, а за плату и какъ бы въ аренду. Бывало еще и такъ, что паны выпрашивали или покупали себѣ у короля право ктиторства и патронатства на тотъ или другой монастырь. Хотя и между такими бывали лучшіе люди, исполнявшіе свои обязанности ктиторства, но бывали и худшіе, которые только для того и пріобрѣтали право ктиторства надъ церквами и монастырями, чтобы пользоваться доходами съ принадлежавшихъ имъ земель и угодій. Подобныя злоупотребленія начались давно: съ жалостію указывалъ на нихъ, какъ мы говорили, еще митрополитъ Іосифъ Солтанъ на Виленскомъ соборѣ 1509 г. Но къ концу правленія Ягеллоновъ, особенно при послѣднемъ изъ нихъ Сигизмундѣ Августѣ и его преемникахъ такія злоупотребленія видимо умножились. И это потому еще, что Сигизмундъ Августъ, хотя и король, нуждался въ деньгахъ, никогда не выходилъ

изъ долговъ, и потому радъ былъ продавать ктиторскія и патронатскія права на церкви и монастыри, то есть на ихъ имѣнія. Это нѣсколько извиняетъ русскихъ пановъ, но отнюдь не оправдываетъ. Но было нѣчто еще худшее. Бывало такъ, что бывшія русскія имѣнія, въ которыхъ находились православныя церкви или монастыри, попадали въ руки польско-литовскихъ разновѣрцевъ или римско-католиковъ, чрезъ покупку или чрезъ бракъ съ русскими. Понятно, что такіе владѣльцы уже совсѣмъ нерадѣли о православныхъ церквахъ и монастыряхъ, а то и обращали ихъ въ свои костелы и кирки.

Та же святая правда обязываетъ сказать, что были нарушители церковнаго порядка, безчинники и нерадивцы о церкви и благочестіи даже среди епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, монаховъ и вообще духовныхъ лицъ. Тутъ надо прежде всего помнить, что въ появленіи такихъ лицъ на служеніи церкви не сама она была виновата. Уставы церкви святы; образъ истиннаго порядка и благочестія есть въ ней всегда, охраняемый духомъ вѣры, при помощи благодати Божіей. Виноваты люди и та мірская среда, изъ которой выходили они на служеніе церкви. Въ епископы и настоятели монастырей поступали большею частью міряне изъ дворянъ, чиновниковъ и другихъ лицъ, и притомъ такихъ, которыя часто почти совсѣмъ не были приготовлены къ церковному служенію, мало и думали о немъ. Епископства и настоятельства привлекали ихъ только большими имѣніями, которыя въ теченіи многаго времени накопились при каѳедрахъ и монастыряхъ отъ пожертвованій людей благочестивыхъ. Понятно, что такіе люди достигали епископствъ и настоятельствъ не по церковному по-

рядку, не по церковном испытаніи и не по церковному избранію, а путемъ искательствъ, платежей, подкуповъ. Но такой вредный обычай еще болѣе усилился чрезъ вмѣшательство польскихъ королей и придворныхъ. Короли усвоили себѣ неограниченное право раздавать епископства и настоятельства, въ этомъ смыслѣ они и называли себя «верховными подателями столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ». Короля стали раздавать епископіи и монастыри своимъ служилымъ дворянамъ и чиновникамъ вмѣсто награды за бывшую военную или гражданскую службу ихъ, или же за службу ихъ дѣтей и родичей. Между получившими такимъ путемъ епископства и настоятельства могли еще попадаться и люди недурные, даже достойные, но чаще попадались просто искатели покойной и безпечной жизни въ богатыхъ имѣніяхъ церковныхъ. Но было гораздо хуже. Завелся при королевскомъ дворѣ настоящій торгъ епископіями и настоятельствами. При предпослѣднемъ Ягелоннѣ Сигизмундѣ I широко торговала ими его жена, королева Бона, жадная на деньги. Торговалъ потомъ и сынъ ихъ Сигизмундъ II Августъ, который изъ-за своей расточительности, какъ было уже сказано, всегда былъ въ долгахъ и потому нуждался въ деньгахъ. Держался этотъ торгъ и потомъ. И вотъ бывало такъ, что свѣтскія лица, желавшія захватить имѣнія епископій, отправлялись къ королю, упрашивали сенаторовъ, платили деньги и получали право вступить въ управленіе епархіею еще при жизни стараго епископа. До посвященія они назывались *нареченными* епископами. Точно также и богатые монастыри, по волѣ короля и по ходатайству придворныхъ, сенаторовъ, за деньги же, отдавались міряпамъ шля-

хетскаго сословія, будущимъ яко-бы игуменамъ, архимандритамъ. Такія же раздачи епископій и монастырей дѣлались и по смерти епископовъ и настоятелей. Бывало и такъ, что получившіе, то есть купившіе право на епископію или монастырь, перепродавали его другимъ, бывало и такъ, что короли продавали право на одну епископію или одинъ монастырь двумъ лицамъ въ одно и то же время. Тогда эти лица вели тяжбы, а то и драки и настоящіе военные бои между собою за епископію или монастырь. Понятно затѣмъ, каковы были всѣ подобные епископы и настоятели монастырей по своимъ нравамъ и дѣламъ. Они прежде всего старались нажиться съ епископій и монастырей, обогатить свою родню и пріятелей, раздавая имъ церковныя земли и доходы; о церковныхъ дѣлахъ, о добромъ воспитаніи и поведеніи духовенства, о школахъ, о добромъ назиданіи народа они не думали, да и неспособны были думать. Иные изъ нихъ жили просто какъ буйные и распущенные паны, какими они были прежде до епископства и настоятельства. Понятно, каково было духовенство и монашество при такихъ епископахъ и настоятеляхъ. Лучшіе изъ духовенства и монашества страдали, болѣли душами; другіе, глядя на своихъ начальниковъ, старшихъ и сами распускались. Надобно прибавить что все это въ свое время было и въ римско-католической церкви и въ римско-католическомъ или латинскомъ духовенствѣ, какъ въ другихъ странахъ, такъ и въ Польшѣ и Литвѣ. Но теперь въ виду опасностей отъ разновѣрцевъ и укоровъ благомыслящихъ людей изъ своихъ же духовныхъ и мірянъ, римско-католическое духовенство въ Польшѣ и Литвѣ старалось исправиться, возстановить церковный поря-

докъ. Думали и у насъ о томъ лучшіе люди, ревнители вѣры и церкви. Но рядомъ съ этимъ, сторона замышлявшая овладѣть Западно-русскою церковью, подчинить ее римской церкви, выдвигала разныя стѣсненія и обиды православнымъ, въ числѣ ихъ епископамъ, съ тѣмъ расчетомъ, что они вмѣсто того чтобы опомниться, исправиться, трудиться надъ возстановленіемъ церковнаго порядка, предпочтутъ поддаться Римской церкви ради новыхъ какихъ-либо выгодъ. Этотъ разсчетъ отчасти оправдался, но далеко не такъ, какъ надѣялись искусители. Рядъ опасностей, угрожавшихъ вѣрѣ, церкви и народности русской, вызывалъ лучшихъ русскихъ людей православныхъ на новыя усилія и мѣропріятія къ охраненію и защитѣ своей вѣры и церкви, а чрезъ нихъ и народности.

ГЛАВА VI.

Новыя мѣропріятія со стороны православныхъ Западной Россіи къ охраненію и защитѣ своей вѣры и церкви.

1. Труды для предостереженія отъ соблазновъ сектантскихъ и іезуитскихъ и обличенія неправославныхъ ученій.

Труды старца Артемія.

Между первыми ревнителями православія, принявшими на себя подвигъ предостерегать православныхъ собратій отъ сектантскихъ соблазновъ и іезуитскихъ обольщеній, были Московскіе пришельцы въ Западную Русь. Таковъ прежде всего старецъ инокъ *Артемій*. Жилъ онъ теперь въ городѣ Слуцкѣ въ Троицкомъ монастырѣ, ктиторами и патронами котораго были сильные князья Олельковичи, потомки бывшихъ Кіевскихъ князей Олельковичей, благотворителей и Кіево-Печерской лавры. Былъ онъ ста-

рецъ книжный и благочестивый, пользовался великимъ уваженіемъ у тогдашняго Слуцкаго князя Юрія Олельковича и у многихъ знавшихъ его. Возскорбѣлъ благочестивый старецъ о соблазнахъ польско-литовскаго сектантства, заражавшихъ и его собратій по вѣрѣ и племени, православныхъ Западной Руси. Сильное посланіе написалъ онъ самымъ сѣятелемъ соблазна, учителямъ сектантовъ и тѣмъ, которые слушали ихъ. Слезною молитвою начинаетъ свое посланіе: «Укрѣпи мя, Боже, въ томъ, что, даровалъ ты намъ вѣрующимъ по неизреченной глубинѣ судебъ твоихъ! Подателю истинной премудрости христіанамъ! вразуми меня, даруй устамъ моимъ словеса истинныя, ради братій моихъ и ближнихъ моихъ! Услыши молитву мою, слезъ моихъ не премолчи!» Обращаясь къ разновѣрческимъ учителямъ, воображавшимъ себя умными, онъ говоритъ: «хотя я по вашимъ словамъ грубъ, но думаю, что могу предложить вамъ нѣчто въ наученіе, ибо не на себя полагаюсь, а на Бога, въ Немъ полагаю довольство мое въ ученіи, собираю ученіе изъ апостоловъ, пророковъ и богоносныхъ отцевъ. А вы, други мои, неправо разумѣете Священное писаніе, божественное ученіе извращаете своими помыслами, не пріемлете толкованій богоносныхъ отцевъ». Обращаясь далѣе и ко всѣмъ добрымъ христіанамъ, онъ взываетъ: «Увы мнѣ, окаянному! Кто даетъ главѣ моей воду и очамъ моимъ источникъ слезъ! Или кто поставилъ бы меня въ мѣстѣ безмолвномъ, гдѣ нѣтъ мятежей, ни кликовъ, ни голосовъ людскихъ, а гдѣ только тишина! И плакалъ бы я къ Богу моему въ горести души моей и рекъ бы Ему со слезами: Ты, Господи, по великому милосердію Твоему, смирилъ и уничижилъ Себя до образа раба. Ты, будучи

сіяніемъ славы Отчей, благоволилъ низойти на землю, чтобы Собою совершить очищеніе грѣховъ нашихъ. Ты не только словомъ, но и дѣломъ показалъ намъ образъ любви и смиренія. А мы, неблагодарные, нечувствующіе твоихъ благодѣяній, уклоняемся въ превратныя ученія. Дай мнѣ, Христе, слезы умиленія, чтобы мнѣ вдоволь оплакать отпаденіе любимыхъ моихъ». Послѣ такихъ молитвенныхъ и скорбныхъ воззваній, благочестивый старецъ переходитъ къ обличенію одного за другимъ лжеученій и заблужденій разновѣрцевъ сектантовъ, указывая имъ прежде всего на самое разногласіе ихъ толковъ, какъ знакъ ихъ неправды, «ибо истина вѣры Христовой—одна хранится Святою церковью по писаніямъ и преданіямъ отъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отцевъ и учителей церкви». Было бы долго излагать здѣсь мудрыя и сильныя обличенія и вразумленія старца. Прибавимъ только, что онъ же писалъ посланія къ отдѣльнымъ лицамъ изъ князей и пановъ, обращавшимся къ нему съ вопросами и недоразумѣніями по поводу сектантскихъ ученій. И вразумлялись они и многіе другіе наставленіями мудраго старца. И памятенъ былъ этотъ подвигъ старца Артемія въ Западной Руси. Близкій къ его времени свидѣтель писалъ о немъ: «преподобный инокъ, споспѣшествующу ему Господу, въ Литвѣ отъ ереси аріанской и лютеранской многихъ отвратилъ, а чрезъ него Богъ содѣлалъ то, что и весь народъ Русскій въ Литвѣ не испортился отъ этихъ ересей». Другомъ старца Артемія и Слуцкаго князя былъ другой москвичъ, князь Андрей Курбскій, поселившійся на Волыни. Артемій ратовалъ главнымъ образомъ противъ сектантскаго разновѣрія. А Курбскій ревновалъ оградить православныхъ какъ отъ

Труды князя Курбскаго.

сектантскихъ соблазновъ, такъ и іезуитскихъ обольщеній. Онъ писывалъ дружескія, увѣщательныя письма къ разнымъ волынскимъ русскимъ панамъ, которые знавались съ сектантами, или даже увлекались ихъ ученіями, и своимъ знакомымъ въ Волыни, гдѣ сильны были замыслы обольщенія со стороны іезуитовъ. Онъ имѣлъ радость видѣть, что увлекавшіеся сектантскимъ ученіемъ образумлялись и возвращались къ православію. Одному изъ такихъ (пану Ѳеодору Бокѣю), писавшему ему о своемъ раскаяніи и возвращеніи къ православнымъ, Курбскій отвѣчалъ такъ: «пишешь мнѣ, возлюбленный братъ, съ доброю и благопріятною вѣстію: оставилъ ты горшее, возлюбилъ наилучшее. Оставилъ ты новые вымыслы еретическихъ бредней, оставилъ нынѣшнюю, никѣмъ не свидѣтельствованную, многословную ересь и опять возлюбилъ священные догматы (истины православнаго ученія), преданные отъ святыхъ апостоловъ и отъ семи великихъ вселенскихъ соборовъ Святой церкви. Этимъ порадовалъ ты не только своего родителя, мужа доблестнаго и знатнаго, но и всѣхъ насъ, которые дышемъ правовѣріемъ къ Богу. Ты порадовалъ и небесныхъ ангеловъ; ибо самъ Сынъ Божій сказалъ: *радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся* (Лук. 15, 17). Но и теперь надлежитъ тебѣ старательно остерегаться отъ козней темнаго врага, который обольстилъ и нашихъ праотцевъ въ раю, а нынѣ силится уловить правовѣрныхъ чрезъ лживыя ученія. А какъ остерегаться? Надобно читать священныя книги и писанія великихъ учителей нашихъ, какъ учитъ и Господь: *испытайте Писанія, яко въ нихъ обрящете животъ вѣчный* (Іова 15, 49); надо молиться, да отверзетъ тебѣ Господь сердечныя очи, чтобъ ураз-

умѣть глубину священныхъ Писаній. Надо слѣдовать за благочестивыми мужами, искусными въ писаніяхъ святыхъ и дѣлать все это со смиренномудріемъ, ибо и самъ Христосъ далъ намъ образъ смиренія. Не надобно вдаваться въ разглагольство съ людьми нечестивыми, дышущими еретичествомъ, ибо *худыя сообщества* развращаютъ добрые нравы (1 Кор. 15, 33)... Блюдись, возлюбленный братъ, отъ сектантовъ, раскольниковъ, разновѣрниковъ, хулителей истины Божіей; а люби, по Богѣ, друзей божіихъ, какъ сказалъ и пророкъ: *зѣло честны быша мнѣ друзи Твои Боже* (148, 17). А кто эти други Божіи? Это святые избранные, которыхъ души на небесахъ, у престола Божія: они непрестанно молятся о насъ Христу Богу нашему, а намъ оставили на память образъ святого житія своего, а нѣкоторые изъ нихъ сверхъ того оставили намъ и книги, ими написанныя. Въ ихъ ученіи пребывай, въ нихъ полагай основаніе твоей вѣры, соединяя ее съ добрыми дѣлами. Прошу тебя, посѣщай и меня, твоего пріятеля, въ домѣ моемъ, чтобы найти нѣкое утѣшеніе отъ чтенія священныхъ книгъ, имѣющихся у меня для твоего утвержденія въ вѣрѣ». Друзья продолжали и потомъ переписываться для общаго назиданія себѣ и другимъ; ибо дѣлились тогда православные ревнители подобными письмами ради общаго назиданія и утвержденія въ вѣрѣ своихъ знакомыхъ и друзей. Предостерегая виленскихъ православныхъ отъ іезуитскихъ соблазновъ, князь Андрей писалъ къ почтенному и разумному мѣщанину виленскому Кузьмѣ Мамоничу: «Господину и брату моему милому, пану Кузьмѣ, обычное и доброхотное поздравленіе съ женою, съ чадами и со всѣмъ домомъ. Слыхалъ я отъ нѣсколькихъ поч-

тенныхъ людей, также и отъ твоей милости объ іезуитѣ, который много и ядовито говорилъ на нашу святую, непорочную вѣру, называя насъ схизматиками. Нѣтъ! сами-то они сущіе схизматики, напившіеся отъ мутныхъ источниковъ, истекающихъ отъ ихъ новомудренныхъ папъ: ибо они явные преступники и противники седми вселенскихъ соборовъ, которыхъ держались не только восточные епископы, но и западные, и сами папы древніе и святые. Но объ этомъ, дастъ Богъ, поговоримъ шире потомъ не только съ своими, но и съ ихними. А теперь 'упомяну лишь о томъ, чѣмъ они устрашаютъ нашихъ, несовершенно вѣдущихъ священныя писанія. Они говорятъ: «не могутъ надѣяться на спасеніе тѣ, которые не повинуются Римскому папѣ». Но это не болѣе, какъ лживое пугалище, которое легко изобличается. Еще: они смѣшиваютъ насъ съ лютеранами, цвингліянами, кальвинами и другими разновѣрцами. Но это только ихъ хитрость: чрезъ нее они хотятъ насъ правовѣрныхъ, утвержденныхъ на апостольскихъ догматахъ и вселенскихъ соборахъ, отвесть къ своему полувѣрію, къ своему новоизмышленному богословію отъ нашего истиннаго богословія. Хорошо навыкать словесному искусству, чтобъ оборонять правду. А въ ихъ богословіи—красноглаголаніе, смѣшанное съ хитрымъ умничаньемъ. Они хвалятъ и превозносятъ своего грознаго и вельможнаго папу, препоясаннаго оружіемъ и окружающаго себя полками вооруженныхъ воиновъ; и хулятъ нашихъ убогихъ патріарховъ, по Божію попущенію, мученически страдающихъ среди безбожныхъ турковъ, но твердо хранящихъ вѣроученіе и благочестіе... Впрочемъ прошу и вторично прошу вашу милость совѣтуйте своимъ, чтобъ не хаживали слушать ихъ казаній (про-

повѣдей), не вдавалися въ пренія съ ними, ибо и Апостолъ сказалъ: *худыя бесѣды развращаютъ добрые нравы*. А мы, если Богъ восхощетъ, поспѣшимъ къ вамъ съ тремя свидѣтелями, святыми Діонисіемъ Ареопагитомъ, святымъ Іоанномъ Златоустомъ, святымъ Іоанномъ Дамаскинымъ и другими святыми древними учителями, которые ясно обличаютъ ихъ новоизмышленные догматы о происхожденіи Святаго Духа, о папѣ и прочее *).

Если заблагоразсудите, ваша милость, то прочтите это мое писанійце въ домѣ пана Зарецкаго **) и всѣмъ въ правовѣріи стоящимъ виленскимъ мѣщанамъ; а меня многогрѣшнаго въ любви и въ молитвѣ предъ Богомъ не забывайте!» Въ другомъ письмѣ къ тому же Кузьмѣ Мамоничу князь Андрей, упомянувъ о книжкѣ, которую іезуитъ написалъ въ похвалу новыхъ римскихъ ученій и для привлеченія православныхъ подъ власть папы, продолжаетъ: «о благодать Божія! какъ разъ въ это же время подана на помощь намъ книга принесенная отъ святой Аѳонской горы, которую, получившій ее князь Константинъ Острожскій далъ на переписъ и мнѣ; она уже и переписана у меня» Эта книга заключила въ себѣ твореніе славныхъ православныхъ учителей Григорія и Нила, митрополитовъ Солунскихъ, писанныя въ обличеніе латинянъ-папистовъ, особенно ихъ ложнаго ученія о происхожденіи Святаго Духа. Объ этой книгѣ князь Андрей справедливо говоритъ, что въ ней явно и сильно изобличены и теперешніе и прежніе вымыслы и хитрые доводы и разсужденія папъ, кардиналовъ и пресловутыхъ латинскихъ бого-

---

*) Разумѣются творенія этихъ святыхъ отцевъ и учителей, полученные недавно предъ тѣмъ княземъ Курбскихъ съ Аѳона.

**) Зиновій Зарѣцкій былъ тогда Виленскимъ бурмистромъ.

слововъ. «И такъ, говоритъ онъ далѣе, прочтите это мое письмо всему Виленскому собранію православныхъ, да возревнуютъ они ревностію Божіею по родномъ праотеческомъ правовѣріи, да наймутъ добраго писаря, который бы переписалъ эту книгу. А когда будетъ переписана, то пусть читаютъ ее трезвенно и со вниманіемъ... Такъ, любимый мой, второй и третій разъ напоминаю вамъ по духовной любви: не ужасайтесь хитросплетеній іезуитскихъ, не отчаивайтесь, не унывайте. Изберите себѣ добраго священника, а хотя бы и міряннна, по искуснаго въ писаніи и съ нимъ, принявъ въ руки ту книгу, отражайте ею, какъ непреоборимымъ оружіемъ, іезуитскіе полки, призывая на помощь Святую Троицу; ибо противъ нея грѣшатъ папы и іезуиты, полагая въ Божествѣ два начала или два источника животворящаго Духа, вопреки ученію Самого Господа и святыхъ отцевъ церкви» *). Остерегалъ князь Андрей отъ іезуитскихъ соблазновъ и своихъ сосѣдей на Волыни. Жила тамъ тогда вдова княгиня Чарторыжская съ своими дѣтьми изъ стариннаго и славнаго рода русско-литовскихъ православныхъ князей Чарторыжскихъ. Къ этой княгинѣ писывалъ и старецъ Артемій съ предостереженіями отъ латинскихъ соблазновъ. Теперь князь Андрей узналъ отъ нея, что ея молодой сынъ, получившій доброе домашнее воспитаніе, утвержденъ въ правовѣріи,

*) Господь Іисусъ Христосъ говоритъ въ Святомъ Писаніи о Святомъ Духѣ: *Иже отъ Отца исходитъ* (Іоан. 15, 26). Такъ учили и Святые Отцы, учила Вселенская Церковь, внесшая слова Господа и въ символъ вѣры, то есть, что Духъ Святый исходитъ отъ Единаго Отца, какъ и Сынъ Божій рождается отъ единаго Отца. А папы и папнсты позже начали учить, что Духъ Святой происходитъ отъ Отца *и Сына*, такъ что полагаютъ въ Богѣ два начала.

что однако же княгиня хочетъ послать его въ Вильну для нѣкоторыхъ наукъ въ iезуитской школѣ. По этому поводу князь Андрей писалъ ей: «Честнѣйшей госпожѣ, вельможной и свѣтлой въ родѣ, а свѣтлѣйшей въ правовѣрiи, сiяющей чистотою вдовства,—покорное отъ насъ поклоненiе твоей честности: да будешь здрава съ возлюбленными чадами своими. Много благодаримъ тебѣ за то, что твоя честность писала намъ о своемъ сынѣ: что онъ утвержденъ въ страхѣ Божiемъ и праотеческомъ правовѣрiи и охоту имѣетъ къ священнымъ писанiямъ. Прекрасно видѣть, что въ юномъ возрастѣ онъ слушаетъ Христа: *испытайте писанiй, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный* (Іоан. 5, 39). Тѣ, въ комъ съ молодости подъ напiтiемъ священныхъ писанiй вселится благодать Божiя, бываютъ великими и знатными въ совершенномъ возрастѣ. Господи Іисусе Христе, Боже нашъ! соверши это въ Твоемъ младенцѣ! Но вотъ твоя милость пишешь мнѣ, что хочешь послать его въ Вильну, въ школу отцовъ iезуитовъ. Похваляю и это. Но, какъ слуга и прiятель твой со всѣмъ благожелательствомъ, не хочу утаить отъ тебя слѣдующее: многiе родители изъ княжескихъ, дворянскихъ и горожанскихъ родовъ отдавали туда своихъ дѣтокъ. Но тѣ отцы iезуиты, еще и неучâ, прежде всего силятся почти всѣхъ дѣтей, какъ малоразумѣющихъ, заговаривать хитростью, чтобъ отлучить ихъ отъ правовѣрiя и перекрестить въ свое полувѣрiе. Были уже и совращенные ими. Поэтому многiе родители опять поотнимали своихъ дѣтей отъ iезуитовъ. Ибо iезуиты называютъ насъ схизматиками, будучи сами схизматиками съ ихъ папою и кардиналами. Пишу я это опять не по ненависти и не по зависти къ нимъ, а пишу въ

правду, остерегая вашу честность. Я знаю, что великіе святые учители Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ посылаемы были изъ своихъ родительскихъ домовъ въ Аѳины слушать свободныя мірскія науки у поганскихъ (языческихъ) философовъ, но правоты душевной и отеческаго правовѣрія они не утеряли, а возвратились чистыми, съ запасомъ полезныхъ знаній, подобно кораблямъ изъ дальнихъ плаваній. Впрочемъ, отдаю это на мудрое разсужденіе вашей милости и вашихъ пріятелей. А пока посылаю мои листы, писанные одному изъ собратій въ обличеніе іезуитовъ. Затѣмъ прошу вашу милость не забывать меня въ святыхъ молитвахъ своихъ».

Были ревнители и среди самыхъ Западно-русскихъ православныхъ, предостерегавшіе близкихъ себѣ отъ соблазновъ сектантскихъ и іезуитскихъ. Одинъ изъ знатныхъ волынскихъ пановъ Василій Загоровскій былъ раненъ въ битвѣ съ татарами и уведенъ былъ ими въ плѣнъ (1576 г.). Опасаясь тамъ за свою жизнь, онъ написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ между прочимъ дѣлаетъ распоряженія и о сыновьяхъ, еще недорослыхъ. Наказавъ, чтобы они сперва учились дома по церковному у дьяка, а потомъ, если можно, были бы отданы и въ Виленскую школу, онъ однако прибавляетъ: «но мои сыновья никогда не должны забывать и пренебрегать своего русскаго письма и своей русской рѣчи, а также добрыхъ и покорныхъ обычаевъ русскихъ. Особенно же святой вѣры своей, въ которой призвалъ ихъ Богъ на свѣтъ, и богослуженія нашего церковнаго никогда не должны они опускать; должны они также хранить священное писаніе и заповѣди, описанныя въ святомъ Евангеліи,

молиться Богу, своему Творцу, любить каждаго ближняго, какъ самихъ себя, а всякой ереси, какъ заразы тѣлесной и душевной, крѣпко остерегаться и отвращаться отъ нея. Именемъ Бога, единаго въ Троицѣ и милосердаго, обязываю ихъ не имѣть общенія съ тѣми людьми, которые отступивши достойныхъ преданій церковныхъ, своевольно вдались въ ереси; и тѣмъ болѣе не входить въ пріязнь съ ними и не держать ихъ въ домѣ своемъ никогда, исключая развѣ какіе-либо крайне вынужденные случаи».

Къ наиболѣе знаменитымъ ревнителямъ и защитникамъ православія принадлежалъ тогда, по наслѣдію отъ своего отца, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. Онъ въ своемъ городѣ Острогѣ собиралъ разумныхъ и книжныхъ мужей духовныхъ и свѣтскихъ и поручилъ имъ писать листы и книжки въ защиту православія и въ обличеніе сектантства и латинства или папства. И было издано въ городѣ Острогѣ нѣсколько такихъ книгъ. Запомнимъ здѣсь одну изъ нихъ. Это книжка Острожскаго священника *Василія*. Ея заглавіе краткое: *О единой вѣрѣ*,— полное: *о единой истинной православной вѣрѣ и о святой соборной апостольской церкви, откуду начало приняла и какъ повсюду распространилась*. Въ предисловіи къ своей книгѣ Василій такъ заявляетъ о ея цѣли: «тѣ изъ насъ, которые, по милости благаго Бога, по благодати Господа нашего Іисуса Христа и по дѣйству святаго Духа, сами избѣгли лукавыхъ сѣтей и лестей еретическихъ, должны предостерегать отъ нихъ и другихъ, несвѣдущихъ или малосвѣдущихъ. Потому и предлагаемъ эту книгу». Защищая въ этой книгѣ ученіе православной вѣры и церкви, писатель обличаетъ ложныя ученія и

Трудъ Острожскаго священника Василія.

толки сперва латинянъ-папистовъ. Тутъ указываетъ онъ особенно на тѣ книжки іезуита Скарги о единствѣ церкви и другихъ іезуитовъ, которыя пущены ими были въ оборотъ на обольщеніе православныхъ. Потомъ обличаетъ и тѣ ученія протестантскихъ или сектантскихъ толковъ, которые были тогда болѣе ходячими у нихъ на соблазнъ православнымъ. Книга Василія весьма обширная, разумная и основательная, ибо хорошо зналъ онъ и священное Писаніе и писанія святыхъ Отцевъ, церковныхъ учителей и повѣствователей. Приведемъ здѣсь лишь два—три примѣра на то, какъ разсуждаетъ этотъ ревнитель православной вѣры и церкви и обличитель противниковъ ея.

Начиная свое разсужденіе *о единой вѣрѣ и церкви*, онъ говорилъ такъ: «апостолъ глаголетъ: *единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, иже надъ всѣми, и о всѣхъ и во всѣхъ насъ* (Еф. 4, 5—6). Если такъ, если единъ Господь, едина вѣра, то значитъ всѣ другія вѣры или ложныя, вымышленныя или съ примѣсью обмана. Ложныхъ вѣръ много между невѣрными. Но есть неправыя вѣры и между именуемыми христіанами. Теперь намъ нужно показать единую истинную вѣру и изобличить неправыя, чтобы намъ, по слову Апостола избавиться отъ безпорядочныхъ и лукавыхъ человѣковъ; *ибо не во всѣхъ вѣра, но вѣренъ Господь* (2 Сол. 2, 2—3)». Единая истинная вѣра есть вѣра той церкви христіанской, которая основана начально на Востокѣ въ Іерусалимѣ, Сіонѣ святомъ. Тамъ основалъ ее Самъ Господь Іисусъ Христосъ, образно называемый камнемъ церкви. О такомъ основаніи предрекъ Самъ Онъ чрезъ пророка: *се Азъ полагаю въ основаніе Сіону камень*

многоцѣненъ, избранъ, честенъ, краеуголенъ въ основаніе ему, и вѣруяй въ онъ не постыдится (Исаіи 28, 16). Но вотъ римскіе учители толкуютъ, будто камень вѣры и церкви есть блаженный, верховный апостолъ Петръ, ссылаясь на слова къ нему Господа: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь мою* (Матѳ. 16, 18). Такъ толкуютъ они для того, чтобы возвысить свою Римскую церковь, которую, какъ увѣряютъ они, основалъ апостолъ Петръ во главу всѣмъ церквамъ. Но такое толкованіе ихъ похоже на то плотское (то есть отъ человѣческаго недомыслія) мудрованіе, которое обличалъ святый апостолъ Павелъ въ коринѳскихъ христіанахъ, когда узналъ, что у нихъ говорятъ: я Павловъ, я Аполлосовъ, я Кифинъ, а я Христовъ (1 Коринѳ. 3, 10—11, 4, 1). Господь не сказалъ: на тебѣ Петръ, а сказалъ: *на семъ камени*, то есть на томъ исповѣданіи вѣры, которое предъ тѣмъ отъ лица всѣхъ апостоловъ произнесъ святый Петръ, сказавъ: *ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго*. Это то исповѣданіе, о которомъ говоритъ и святый Іоаннъ Евангелистъ: *иже аще исповѣсть, яко Іисусъ есть Сынъ Божій, Богъ въ Немъ пребываетъ и Онъ въ Бозѣ* (Іоан. 4, 15). Римскихъ мудрователей обличаетъ самъ святый апостолъ Петръ, который воспоминаетъ пророчество о камнѣ въ Сіонѣ, называетъ камнемъ только Самого Господа: *вы вкусили, что благъ Господь. Приступая къ Нему, камню живому, человѣками отверженному, но Богомъ избранному, драгоцѣнному, и сами, какъ живые камни, устрояйте изъ себя домъ духовный* (1 Петръ 2, 3—5). Обличаетъ ихъ и святый Павелъ, когда говоритъ, что всѣ апостолы только *слуги* и *строители таинъ Божіихъ*, и что *иного основанія никто не можетъ положить, паче лежащаго,*

еже есть Іисусъ Христосъ (1 Коринѳ. 10—11, 4, 1). Основанная Господомъ на Востокѣ, въ Іерусалимѣ, церковь, начиная отъ Іерусалима (Лук. 24, 47) распространилась по всему міру. И поэтому то единому основанію и началу своему она прежде всего и есть единая. Ближайшая къ этому началу Восточная церковь была и осталась хранительницею единой истинной вѣры. Съ ней и мы пребывали и пребываемъ въ единеніи. Въ единеніи съ нею была и римская церковь, доколѣ не отдѣлилась отъ нея, усвоивъ себѣ нѣкоторыя новыя ученія. Таково особенно ученіе о главенствѣ римскаго епископа или папы надъ всею церковью, неразлучное съ упомянутымъ уже ученіемъ о святомъ апостолѣ Петрѣ, какъ камнѣ вѣры и церкви. Іезуиты, по обычаю и прочихъ латинянъ или папистовъ, говорили: апостолъ Петръ глава и князь апостоловъ; основавъ римскую церковь, онъ передалъ римскому епископу главенство или власть надъ всею церковью, потому и римскій папа, какъ преемникъ того епископа и послѣдующихъ епископовъ есть глава всей церкви. Обширно изобличаетъ это ложное ученіе нашъ Василій. А мы здѣсь передадимъ его мысли кратко. «Первый епископъ, говоритъ онъ, былъ въ Іерусалимѣ, — блаженный апостолъ Іаковъ, съ которымъ вначалѣ пребывали апостолъ Петръ и прочіе апостолы. Прежде, чѣмъ въ Римѣ, явились епископы и въ другихъ городахъ, поставляемые апостолами. Святый верховный апостолъ Петръ называется такъ по первенству въ ликѣ двѣнадцати апостоловъ, а не по главенству и не по власти. Ибо всѣ святые апостолы были равны по благодати и власти апостольства, дарованныхъ имъ Господомъ. Потому, когда требовалось дѣлать важныя опредѣ-

ленія въ Церкви, то они дѣлали это соборнѣ, говоря: *изволися Духу Святому и намъ* (Дѣян. 15, 25, 27, 28). Потому и всѣ епископы равны по благодати и власти, переходящихъ къ нимъ по преемству отъ апостоловъ. И послѣ апостоловъ, въ первые вѣка христіанства также были соборы, на которыхъ и рѣшались важнѣйшія дѣла церкви. Зачѣмъ бы и быть такимъ соборамъ, если бы римскій епископъ имѣлъ власть рѣшать такія дѣла своею властью для всей церкви, какъ ея глава? Если нѣкоторые епископы получили потомъ старшинство между собратіями, то это ради чести и старшинства тѣхъ городовъ, гдѣ они епископствовали. Но это старшинство не было главенствомъ надъ всею церковью, а только главенствомъ или вѣрнѣе первенствомъ между епископскими престолами въ странахъ. Такъ римскій епископъ былъ старѣйшій и первенствующій на Западѣ ради столицы тогдашняго римскаго царства—Рима. Это призналъ и первый Вселенскій Соборъ при царѣ Константинѣ, признавшій тогда же старшими и другихъ епископовъ великихъ городовъ, какъ Антіохія, Александрія. А второй Вселенскій Соборъ, бывшій въ Константинополѣ, призналъ такое старшинство за епископомъ Константинополя или Царьграда, ставшаго новою столицею царства при святомъ Константинѣ. Но соборы имѣли власть надъ всѣми епископами и всѣми старѣйшими изъ нихъ; судили и низлагали ихъ, когда они оказывались въ чемъ виновными. Судили они и римскихъ епископовъ или папъ. Какъ могли бы они судить ихъ, если бы папы были главами, верховными владыками всей церкви? Чтобы быть такими главами, римскіе епископы должны бы быть непогрѣшимыми. Но то, что соборы судили и

папъ, впадавшихъ въ ереси, что между папами были и недостойные—то уже показываетъ, что не въ нихъ верховное главенство надъ всею церковью. Единая Глава церкви Самъ Основатель ея Господь Іисусъ Христосъ, какъ училъ и святый апостолъ говоря: *того даде главу выше всѣхъ церкви* (Ефес. 1, 22). Паписты хвалятся мірскимъ господствомъ и величіемъ папъ, подобнымъ царскому и княжескому; но Самъ Господь заповѣдалъ и апостоламъ не искать такого величія мірскаго: *вы знаете, что почитающіеся князьями народовъ господствуютъ надъ ними и вельможи ихъ властвуютъ ими; но между вами да не будетъ такъ; а кто хочетъ быть большимъ между вами, да будетъ вамъ слугою* (Марк. 10, 42—43).

Величаясь могуществомъ своихъ папъ, латинскіе учители укоряютъ патріарховъ и епископовъ Восточной церкви тѣмъ, что они находятся подъ властью невѣрныхъ турокъ. Но епископы церкви христіанской въ первые вѣка ея также находились подъ властію невѣрныхъ языческихъ царей. А были они истинные епископы, какъ истинна была и тогдашняя церковь христіанская. *Царство Мое*, сказалъ Господь, *не отъ міра сего.* Не мірскимъ величіемъ и могуществомъ измѣряется достоинство церкви и ея представителей, а благодатію Божіею, чистотою ученія и святостію жизни. Восточные патріархи и епископы и подъ властью турокъ сохранили чистоту вѣры древней Вселенской церкви. Впрочемъ, есть православныя церкви, дщери Восточной церкви и не подъ властію невѣрныхъ, а въ странахъ христіанскихъ, въ свободныхъ государствахъ. Судьбы Божіи неисповѣдимы. Попустилъ Господь восточнымъ святителямъ страдать отъ не-

вѣрныхъ, терпѣть убожество, бывать иногда и мучениками. Но могущіе и богатые папы латинскіе и епископы грѣшатъ, когда укоряютъ ихъ и пренебрегаютъ ими за это. Помнить бы имъ слова Господа: *горе вамъ богатые! ибо вы уже получили свое утѣшеніе* (Лук. 6, 14). *Блаженны изгнанные правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное* (Матѳ. 5, 10), еже буди получити и всѣмъ намъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Аминь». Впрочемъ, изобличая ученіе о главенствѣ папы и другія ученія римскія въ предостереженіе отъ нихъ своихъ единовѣрцевъ православныхъ, Василій говоритъ, что православные рады были бы миру и единенію съ римскою церковію, если бы она желала истиннаго единенія вѣры и любви, а не власти и господства съ принужденіемъ принять новоизмышленныя ея ученія. Ибо православная церковь всегда молится о мирѣ всего міра и соединеніи всѣхъ церквей.

Изъ разсужденій и обличеній Василія на лютеранъ кальвинистовъ и другихъ сектантовъ, передадимъ кратко лишь то, что говорилъ онъ въ защиту почитанія святыхъ иконъ и святыхъ Божіихъ, которое они отвергли. «Въ Ветхомъ Завѣтѣ Господь повелѣлъ пророку Моѵсею устроить скинію и въ ней образы двухъ херувимовъ, которыхъ и въ Новомъ Завѣтѣ святый апостолъ Павелъ благоговѣйно называетъ *херувимами славы* (Евр. 9, 5). Уже этимъ онъ осуждаетъ суемудровъ, хулящихъ святыя образа. Хулители называютъ святыя иконы идолами, кумирами, говоря, что Богъ въ десятословіи запретилъ творить ихъ и служить имъ. Но то были кумиры чужихъ, ложныхъ боговъ, какими считались у язычниковъ вымышленныя чудища, какъ Ваалъ и тому подобное, и даже животныя, какъ напри-

мѣръ телецъ. Евреи, соблазняясь язычниками, впадали въ такое кумирослуженіе, какъ напримѣръ устроили для себя золотого тельца. Потому Господь и предостерегалъ ихъ и запрещалъ имъ такое кумирослуженіе. А наши святые образа совсѣмъ иное. У насъ образа Господа, явившагося на землѣ во плоти, въ образѣ человѣческомъ. У насъ его Крестъ святой, на которомъ Онъ распятъ и умеръ ради нашего спасенія. У насъ образъ Пресвятой Богородицы, честнѣйшей херувимъ, достойной *величанія и ублаженія отъ всѣхъ родовъ* (Лук. 1, 48). У насъ образа Святыхъ Божіихъ, о которыхъ говоритъ слово Божіе: *дивенъ Богъ въ святыхъ своихъ, Богъ израилевъ* (Пс. 67, 36). Чрезъ своихъ Святыхъ Онъ творилъ чудеса. Святой пророкъ Илія своею милотію раздѣлилъ Іорданъ и прошелъ по нему, какъ по суху (4 царствъ 2, 8). Кости пророка Елисея единымъ прикосновеніемъ оживили мертваго (4 царствъ 13, 21). Убрусцы съ лица святаго апостола Павла оживляли мертвыхъ и изгоняли духовъ нечистыхъ (Дѣян. 19, 12). Неисчислимы чудеса и другихъ святыхъ. Намъ ли не почитать ихъ, когда Самъ Богъ прославляетъ ихъ? Потому и пишутся у насъ образа ихъ, и мы почитаемъ ихъ. Почитаемъ въ святыхъ образахъ или иконахъ не дерево или камень, какъ то было у язычниковъ идолопоклонниковъ, а тѣхъ невидимыхъ святыхъ, которые изображены на нихъ. Ибо честь воздаваемая образу святого восходитъ на первообразъ, какъ говоритъ святой Василій Великій. Сильны у Бога молитвы Божіей матери и святыхъ Его, потому мы и молимся имъ, призывая ихъ на помощь нашимъ молитвамъ къ Богу. Образъ Господа нашего Іисуса Христа напоминаетъ намъ о самомъ Господѣ, Его

ученіи, о тайнахъ спасенія нашего. Образа святыхъ напоминаютъ намъ о ихъ житіи, чтобы мы подражали имъ. Образа Господа и святыхъ были издревле въ церкви Божіей. Есть святочтимое преданіе, что Господь Самъ послалъ на убрусѣ изображеніе лица Своего Авгарю, царю Едесскому. Если въ первые вѣка церкви мало было образовъ, то потому, что тогда бывшіе вездѣ во множествѣ язычники могли бы смѣшивать ихъ съ кумирами, или простецы изъ христіанъ могли бы не разумѣть истиннаго почитанія святыхъ иконъ. Но потомъ церковь по всему свѣту стала украшать свои храмы святыми иконами во славу святыхъ и въ помощь и назиданіе вѣрующимъ. А на святомъ Никейскомъ, седмомъ Вселенскомъ соборѣ, она осудила нечестивыхъ иконоборцевъ, которымъ подобны и нынѣшніе образоборцы—сектанты. А если они говорятъ, что объ иконахъ не написано въ Евангеліи; то надо помнить слѣдующее: въ церкви святой есть многое, служащее къ устроенію церкви, которое не описано въ Евангеліи, а дошло къ ней чрезъ преданіе. Не все святые апостолы предали въ письмена, а многое и устно въ живой проповѣди и ученіи. Это-то и разумѣетъ святый апостолъ Павелъ, когда говоритъ: *хвалю васъ, братіе, что вы все мое помните и держите преданья такъ, какъ я предалъ вамъ* (1 Кор. 11, 2). И еще: *братіе! стойте и держите преданія, которымъ вы научены или словомъ или посланіемъ нашимъ* (2 Сол. 2, 15).

Заканчиваетъ нашъ Василій все свое писаніе слѣдующимъ смиреннымъ обращеніемъ къ тѣмъ, въ наставленіе и предостереженіе которыхъ онъ потрудился въ семъ писаніи: «надѣюсь отъ вашей любви, что не погнѣваетесь на мое писаніе, а при-

мете его съ благодушною милостію, и, если бы въ чемъ я погрѣшилъ, исправите духомъ кротости. Не отъ своихъ умышленій написалъ я вашей любви, а то написалъ, что собралъ отъ святыхъ писаній. Самъ же Господь нашъ Іисусъ Христосъ да просвѣтитъ васъ и поспѣшитъ всякому желающему спасенія, и ноги ваши направитъ на путь миренъ. Многогрѣшный и худшій въ христіанахъ, убогій Василій».

Книгу убогаго Василія читалъ и велѣлъ напечатать и князь Константинъ Константиновичъ Острожскій; читали ее и другіе, и была она въ помощь имъ противъ соблазновъ разновѣрія и папизма. Кромѣ нарочитыхъ посланій и книгъ въ предостереженіе отъ такихъ соблазновъ и на помощь церкви Православной, ревнители ея принимали другія духовныя мѣры и средства.

2. Средства къ оживленію и подъему общаго просвѣщенія и въ особенности просвѣщенія духовнаго или образованія религіознаго.

Таковы средства къ умноженію и распространенію книгъ священнаго писанія, книгъ святоотеческихъ церковноучительныхъ, чрезъ ихъ списываніе, а потомъ и печатаніе. Одни изъ православныхъ помогали этому дѣлу своими жертвами, другіе и сами трудились въ этомъ дѣлѣ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ на это. Уже извѣстный намъ волынскій дворянинъ, кастелянъ Брацлавскій, Василій Загоровскій, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, въ числѣ многихъ пожертвованій на церкви, занесъ пожертвованіе и на переписку книгъ. Онъ назначилъ особое содержаніе дьяку при своей ктиторской церкви святаго Иліи пророка, чтобы онъ не только читалъ и пѣлъ въ ней, училъ дѣтей въ церковной школѣ, но и переписывалъ книги по три

Списываніе книгъ.

тетради каждую недѣлю, а переписывалъ бы съ добрыхъ «изводовъ», то есть—списковъ, и старательно,

безъ ошибокъ. Надъ перепискою священныхъ книгъ трудились и лица княжескаго рода. Такъ Слуцкій князь Юрій Юрьевичъ Олельковичъ переписалъ собственноручно, красивымъ почеркомъ напрестольное евангеліе и пожертвовалъ его въ Троицкую церковь Слуцкаго монастыря—«для вѣчнаго богомолья и спасенія души своей, во незабытную память своихъ прародителей, родителей и самого себя». Были уже и такіе трудолюбцы, которые при перепискѣ книгъ трудились надъ переложеніемъ древняго церковно-славянскаго языка на новую тоговременную южно-русскую рѣчь. Таковъ былъ Григорій, архимандритъ Пересопницкаго монастыря (на Волыни) трудившійся съ сыномъ одного протопопа Михайломъ Васильевичемъ. Трудами ихъ было переложено и переписано четвероевангеліе. Пять лѣтъ трудились они. Григорій посвящалъ этому труду не дни только, но и ночи. Предназначали они свой трудъ «для читанія въ церквахъ Божіихъ и для науки люда христіанскаго». Разновѣрцы хвалились, что имѣютъ и священныя книги въ новыхъ переводахъ на свои народные языки. Они могли хвалиться этимъ предъ папистами, у которыхъ употреблялись священныя книги на латинскомъ языкѣ, а не на народныхъ. Предъ православными имъ нечего было хвалиться, ибо у нихъ изстари имѣлись и читались священныя книги на славянскомъ языкѣ, родномъ всѣмъ народамъ славянскимъ. Но все же было полезно приблизить древнюю славянскую рѣчь къ живой народной рѣчи, чтобы могли понимать священныя книги и простые люди, для большаго просвѣщенія себя въ ученіи вѣры. Для этихъ то особенно людей и потрудились Пересопницкіе трудники. А помогали имъ въ из-

Пересопницкое четвероевангеліе.

держкахъ потребныхъ въ трудѣ одна знатная княгиня (Анастасія Юрьевна Гольшанская), являющая собою примѣръ покровительства книжному дѣлу среди тогдашней знати женскаго пола. Были тогда и другія подобныя ревнительницы.

Книгопечатаніе.

Но кромѣ книгописанія, настало въ Западной Руси уже и *книгопечатаніе*. То было новое, но существенное средство къ умноженію и распространенію книгъ и чрезъ сіе и къ оживленію просвѣщенія. Началось книгопечатаніе въ одной изъ нѣмецкихъ странъ и быстро распространилось и по другимъ христіанскимъ странамъ. Назидательно то, что первые труды по книгопечатанію повсюду посвящались именно священнымъ и богослужебнымъ книгамъ, какъ первый даръ Богу и людямъ отъ этого великаго искусства. А первые книгопечатники понесли въ святомъ дѣлѣ великіе труды, а иногда бѣды и огорченія отъ трудности самаго дѣла, какъ новаго, и отъ неразумѣнія и зависти невѣждъ. Ихъ поддерживала ревность къ своему святому дѣлу, надежда на Бога и на участіе къ нимъ лучшихъ и разумныхъ людей. Какъ было повсюду, такъ было и у насъ. Но славянское книгопечатаніе явилось сперва не у насъ, а у родственныхъ намъ славянъ: чеховъ, черногорцевъ, сербовъ. Заведено было печатаніе нашихъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ и въ польскомъ Краковѣ (въ 1491 г.), гдѣ были тогда и православные жители и храмы, и откуда пріобрѣтали потомъ эти книги и православные Западной Россіи. Наконецъ явился книгопечатникъ и въ Западной Руси.

Трудъ Григорія Скорины по книгопечатанію.

Это былъ Григорій Скорина, родомъ русскій, изъ Полоцка, изъ купеческой семьи. Былъ изначала православнымъ; но потомъ, когда учился въ высшихъ школахъ заграницею, особенно въ

Прагѣ, то сталъ римскимъ католикомъ съ именемъ Франциска. Однако же онъ сохранилъ память о православіи и любовь къ родному отечеству и родному русскому народу. И это одинъ изъ примѣровъ на то, что до Люблинской упіи и до іезуитовъ, литовскіе или западно-русскіе римско-католики, были ли они таковыми издавна (это собственно въ Литвѣ) или становились ими по какимъ либо особеннымъ обстоятельствамъ,—все еще сохраняли любовь къ своей русской народности. Трудился онъ надъ книгопечатаніемъ сперва въ Прагѣ, потомъ въ Вильнѣ. Въ Прагѣ напечаталъ онъ «*Русскую Библію*», собственно книги Ветхаго Завѣта, а въ Вильнѣ *Апостолъ* и *Подорожникъ*, то есть—слѣдованную Псалтирь съ молитвословомъ. Церковно-славянскій языкъ печатаемыхъ книгъ онъ приближалъ къ народной рѣчи тогдашней Западной Россіи. Все это онъ дѣлалъ «для пользы своего отечества, для науки своему родному русскому народу». Но тутъ надобно прибавить, что онъ имѣлъ добрыхъ покровителей и пособниковъ его трудамъ. Это были виленскіе купцы, мѣщане, люди важные: старшій бургомистръ Яковъ Бобичъ и членъ магистрата Богданъ Оньковъ. Они своими средствами помогали его трудамъ и въ Прагѣ, и потомъ въ Вильнѣ, гдѣ въ домѣ Бобича была и книгопечатня и живалъ самъ Скорина. Оба эти честные мужа были православные и члены Виленскаго братства; очевидно сами они были прежде всего ревнителями вѣры и народности русской, духовныхъ благъ церкви и народа русскаго, потому и помогали труженику Скорину.

Но вотъ явились на помощь Западной Руси труженики печатнаго дѣла изъ москвичей, явились и покровители имъ уже изъ западно-русской знати

православнаго исповѣданія. Московскій царь Іоаннъ Грозный съ митрополитомъ Макаріемъ учредилъ типографію (книгопечатню) въ Москвѣ. Первыми книгопечатниками были здѣсь діаконъ Иванъ Ѳедоровъ и міряпинъ Петръ Мстиславцевъ. Съ великіемъ усердіемъ и тщаніемъ напечатали они (въ 1563—1564 г.г.) книгу *Апостолъ*, а потомъ *Часословъ*. Но возстали на нихъ невѣжи и завистники, особенно изъ тѣхъ, которые занимались книгописаніемъ не столько изъ усердія къ дѣлу, сколько ради промысла и заработка. Труженики, какъ печатники, должны были бѣжать въ Литву и прибыли въ Вильну. Здѣсь принялъ ихъ подъ свое покровительство литовскій гетманъ Григорій Ходкевичъ, сынъ основателя Супрасльскаго монастыря Александра Ходкевича. Подобно отцу, онъ былъ усерденъ къ православной церкви и къ благу и чести своей русской народности. Трудами Ѳедорова и Мстиславцева, а своимъ иждивеніемъ, учредилъ онъ въ своемъ имѣніи Заблудовѣ (близъ Бѣлостока, въ Гродненской губерніи) типографію для печатанія книгъ духовнаго содержанія. Здѣсь Ѳедоровъ и Мстиславцевъ напечатали *Евангеліе учительное* (1568—1569) то есть избранныя изъ святыхъ отцевъ и учителей церкви поученія на евангельскія чтенія воскресныхъ и праздничныхъ дней. Какое сердечное участіе принималъ самъ Ходкевичъ въ этомъ изданіи, это даютъ намъ видѣть слова изъ предисловія его къ изданію. «Восхотѣлъ я, говоритъ онъ, чтобы Слово Божіе размножалось, и чтобы ширилось наученіе людямъ нашего православнаго закона; ибо оскудѣли учительныя книги во многихъ мѣстахъ у насъ. Не пощадилъ я богодарованныхъ мнѣ сокровищъ на это дѣло. Къ тому же нашелъ

Книгопечатники Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславцевъ.

Типографія графа Ходкевича въ Заблудовѣ; Учительное Евангеліе.

я людей наученныхъ въ книгопечатномъ дѣлѣ, Ивана Ѳедоровича Москвитина, да Петра Тимоѳеевича Мстиславцева. И повелѣлъ я имъ устроить книгопечатный станокъ и напечатать это Учительное евангеліе: во первыхъ—на честь и похвалу Господу Богу въ Троицѣ единому и во вторыхъ—въ наученіе христіанамъ нашего православнаго закона. Хотѣлъ было я эту книгу, для большаго разумѣнія людей простыхъ, переложить на простую рѣчь и много старался о томъ. Но потомъ люди мудрые, ученые въ письмѣ, посовѣтовали мнѣ, что при переложеніи давнихъ реченій на новыя бываютъ иногда ошибки, какъ то и видится на нѣкоторыхъ книгахъ новаго перевода. Поэтому я велѣлъ печатать эту книгу такъ, какъ она издавна писана. Да и въ этомъ давнемъ языкѣ своемъ, она не закрыта и не трудна къ уразумѣнію, а къ чтенію полезна. Тѣ, которые съ прилежаніемъ и со вниманіемъ будутъ искать въ ней наученія себѣ, найдутъ искомое. И вы, любимые собратія, примите эту книгу съ любовію. Я же, съ помощію Божіею, буду промышлять объ изданіи другихъ книгъ, потребныхъ церкви Божіей, не жалѣя на это средствъ. Благодать Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа да будетъ посреди всѣхъ насъ нынѣ и въ день вѣка. Аминь». Сами же книгопечатники обращаются къ православнымъ съ такими смиренными словами: «мы, трудившіеся, недостойные и худые, молимъ васъ, которые будете читать или переписывать эту книгу, будьте милостивы къ намъ и не зазрите немощи и недостатку нашего ума: ибо и сами вы—человѣки и подлежите человѣческимъ немощамъ. И какъ сами требуете милости отъ Бога и прощенія отъ человѣковъ, такъ сподобите и насъ прощенія».

По отпечатаніи Евангелія учительнаго, одинъ изъ трудниковъ, П. Мстиславцевъ перешелъ въ Вильну. А Өедоровъ еще остался, напечаталъ *Псалтырь* (1569—1570). Въ начальномъ листѣ этого изданія благочестивый книгопечатникъ воздаетъ славу, честь и поклоненіе Богу, давшему ему начать и совершить этотъ трудъ; признательно поминаетъ покровителя своего Григорія Ходкевича, а затѣмъ говоритъ: «трудившійся многогрѣшный и непотребный рабъ Иванъ Өедоровичъ Москвитинъ молю всякаго благочестиваго, православнаго христіанина изъ читающихъ сію книгу псалтырь: если окажется что-либо погрѣшное въ ней, по моему небреженію, то, Бога ради, исправляйте, благословите, а не кляните; ибо печаталъ сіе не Духъ святый, и не ангелъ, а рука грѣшная и бренная. Да и сами вы обрящете такое же благословеніе отъ Бога нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь».

Но то былъ уже послѣдній трудъ Өедорова въ Заблудовѣ у Ходкевича. Старость, болѣзнь, огорченія по случаю крайне противной Ходкевичу Люблинской уніи, приблизили этого ревнителя вѣры и народности русской къ могилѣ. Съ скорбію сказалъ онъ Өедорову закрыть книгопечатню, но въ награду за бывшіе труды его подарилъ ему малую весь (сельцо съ землею) близь Заблудова, говоря, что онъ можетъ теперь отдохнуть отъ усиленныхъ трудовъ книгопечатанія и спокойно отдаться трудамъ земледѣлія въ этой веси. И Өедоровъ былъ уже не молодъ, имѣлъ при себѣ и дѣтей. Казалось бы ему и въ пору теперь отдохнуть и спокойно зажить, занимаясь земледѣліемъ въ собственномъ сельцѣ. Не то было на душѣ трудника Өедорова. «Подумалъ я, говоритъ онъ, что мое призваніе трудиться

не раломъ пахатнымъ, а своимъ художествомъ книгопечатника, и не житныя сѣмена сѣять, а духовныя сѣмена разсѣвать во вселенной чрезъ книгопечатаніе». Итакъ, поблагодаривъ своего покровителя за милость, онъ, по его кончинѣ, оставляетъ Заблудовъ и данное ему сельцо и отправляется въ городъ Львовъ (въ Галицкой Руси), чтобы тамъ взяться за свое излюбленное дѣло. Труденъ былъ путь его. Много бѣдъ и скорбей потерпѣлъ онъ на этомъ долгомъ пути; но въ началѣ 1573 г. былъ уже во Львовѣ. Не легко далось ему здѣсь приступить къ своему дѣлу. Сталъ онъ съ мольбою и поклонами обращаться къ разнымъ лицамъ, чтобъ помогли ему устроить книгопечатню. Но въ однихъ встрѣчалъ равнодушіе, невниманіе, у другихъ и недоброжелательство. Наконецъ нашлись добрые люди — не изъ знатныхъ и богатыхъ, говоритъ Өедоровъ, а изъ простыхъ (между ними былъ и іерей), которые помогли ему. Итакъ устроилъ онъ свою книгопечатню. Какъ радъ былъ онъ, когда въ 1573—1574 г. напечаталъ первую книгу—Апостолъ, точь въ точь такой, какой за десять лѣтъ предъ симъ напечаталъ онъ въ Москвѣ! Печаталъ затѣмъ и другія книги. Разрослось его печатное дѣло, хотя и въ борьбѣ съ затрудненіями и невзгодами.

Книгопечатникъ Өедоровъ въ Львовѣ.

Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, ревнуя помочь церкви православной въ дѣлѣ просвѣщенія духовнаго, задумалъ основать въ своемъ городѣ Острогѣ типографію и въ ней печатать священныя, богослужебныя и учительныя книги. Призвалъ онъ Өедорова къ себѣ на Волынь и поручилъ ему устроить типографію въ городѣ Острогѣ. Первою мыслію князя было издать въ печати всю библію, то есть всѣ книги Священнаго Писанія

Типографія въ городѣ Острогѣ основана княземъ Константиномъ. Өедоровъ и другіе сотрудники. Острожская Библія.

Ветхаго и Новаго Завѣта въ одномъ объемѣ, притомъ на церковно-славянскомъ языкѣ, на какомъ имѣются и читаются онѣ въ православной русской церкви. То была великая мысль, но и нелегкая къ исполненію. Ибо такой полной *печатной* Библіи до того времени еще не было у насъ. Великія старанія приложилъ просвѣщенный и благочестивый князь, чтобы задуманное новое дѣло исполнить съ наибольшею исправностію. Помощь въ этомъ дѣлѣ дана ему изъ той же православной Москвы, откуда имѣлъ онъ уже у себя и книгопечатника. По просьбѣ князя, царь Московскій Иванъ Васильевичъ, по совѣту съ митрополитомъ, прислалъ ему полный списокъ Библіи. Посылалъ онъ и въ разныя мѣста православнаго востока и въ самый Константинополь къ патріарху, чтобы пріобрѣсть оттуда и списки священныхъ книгъ и людей, могущихъ быть пособниками ему въ святомъ дѣлѣ. Когда все было приготовлено, князь и сотрудники его съ молитвою приступили къ дѣлу, и трудились съ величайшимъ усердіемъ. Сперва изданъ былъ ими *Новый Завѣтъ съ Псалтырью* при немъ (1580 года), а потомъ и вся *Библія* (1580—1581 годовъ). Выпускъ ея въ свѣтъ, они напутствовали «Предисловіемъ къ благовѣрному православному всякаго чина, возраста и сана читателю». Здѣсь они мудро и благоговѣйно размышляютъ о томъ, какъ полезно и спасительно чтеніе священныхъ книгъ; ибо оно служитъ къ духовному просвѣщенію, къ утвержденію насъ въ вѣрѣ и благочестіи и предохраненіи отъ ложныхъ ученій сектантскихъ, еретическихъ, чуждыхъ церкви Божіей. А что чувствовалъ и думалъ главный виновникъ дѣла самъ князь Константинъ, когда трудился надъ нимъ и увидѣлъ совершеніе его,—о томъ сказываютъ

его молитвы къ Богу и его обращеніе къ православнымъ русскимъ христіанамъ. «Боже Отче, Вседержителю, превѣчный, пребезначальный, всесильный, единъ имѣяй безсмертіе, во свѣтѣ живый неприступнѣмъ, вѣдущій вся прежде бытія его... Ты вѣси, Господи Боже мой, яко въ Твое пресвятое имя я умыслилъ и началъ сіе пречестое дѣло, которое нынѣ, благоволеніемъ и щедротами Твоего милосердія, сподобился я увидѣть совершеннымъ. Сего ради благодарю и величаю Твое пресвятое имя и, воздѣвая руцѣ мои, преклоняю колѣна къ подножію престола страшныя Твоея власти. Предлагаю теперь сіе дѣло величію Твоея неизреченныя славы. Ибо дерзнулъ я на сіе дѣло, уповая на Твое милосердіе, и вѣдая, что невозможно человѣку спастись иначе, токмо вѣрою и храненіемъ Твоихъ заповѣдей, которыя благоволилъ Ты возвѣстить роду человѣческому въ своемъ божественномъ Писаніи. Благоволи же нынѣ пріять его отъ меня грѣшнаго и умаленнаго раба Твоего: Твое бо отъ Твоихъ воистину Тебѣ приносится. Ибо и все, что далъ Ты мнѣ, Боже мой,—Твое, какъ и я Твой. А если по немощи моихъ прегрѣшеній или по недоумѣнію трудившихся при мнѣ въ семъ дѣлѣ, что нибудь оказалось бы неисправнымъ, самъ исправи Твоимъ благоволеніемъ, дѣйствомъ Пресвятого Духа Твоего и чрезъ тѣхъ людей, которые сподобились отъ Тебя большихъ дарованій: да всѣми согласно славится Твое великолѣпное и пречистое имя, купно съ единороднымъ Сыномъ Твоимъ и Всесвятымъ, Благимъ и Животворящимъ Духомъ Твоимъ. Аминь».

«Вамъ же о Христѣ избраннымъ въ народѣ русскомъ сыномъ церкви Восточной и всѣмъ согласующимся въ славянскомъ языкѣ и соединеннымъ въ православіи той же церкви, всякаго чина христо-

именитымъ людямъ, братіи моей возлюбленной не только по плоти, но и по духу святыни, я Константинъ, нареченный во святомъ крещеніи Василій, благостію Божіей князь Острожскій, воевода Кіевскій, маршалокъ земли волынской,—съ любовію извѣщаю сіе: благоволеніемъ, щедротами и человѣколюбіемъ Божіимъ сподобился я положить начало и видѣть совершеніе сего великаго дѣла, которое теперь и предлагается вамъ, то есть книги Ветхаго и Новаго Завѣта, называемыя по гречески Библія. Пріимите ихъ не какъ вещь человѣческую, но какъ свыше сходящее дарованіе. Обрѣтайте въ нихъ правый путь къ спасенію, а Богу, изволившему даровать вамъ вѣдать сіе, воздавайте хвалу и благодареніе. Я же, ради любви и душевной пользы вашей, хочу еще, чтобы вы уразумѣли и мое особенное намѣреніе въ семъ дѣлѣ. Помянулъ я слова Господа и Спаса нашего Іисуса Христа: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложится вамъ* (Матѳ. 6, 33). Потому возжелалъ я, прежде чѣмъ отойду отъ сей жизни, оставить вамъ нѣкое дарованіе духовное, въ которомъ можете обрѣсти царствіе Божіе и правду Его, если восхочете. Видѣлъ я, что церковь Христова, искупленная честною Кровію Его, отовсюду навѣтуется врагами, противящимися ей, угрожается волками, пришедшими пожирать ее. Вспомнилъ я слова пророческія, которыя произнесъ нѣкогда и самъ Христосъ: *жалость дому твоего снѣсть мя* (Іоан. 2, 17). Ибо кто изъ правовѣрныхъ и благоразумныхъ не подвигается къ жалости, видя церковь Христову клонящуюся долу, видя Богомъ насажденный виноградъ, обступаемый пришельцами, хотящими разорить ограды его? Кто не умилится сердцемъ и не вос-

плачется, видя, что тяжкіе волки силятся распудить и расхитить овчее стадо Христово? Потому и возревновалъ я совершить сіе дѣло, то есть издать для всѣхъ въ печати книги Священнаго Писанія, чтобы отъ нихъ свѣтъ Божій возсіялъ въ сердцахъ вашихъ къ просвѣщенію разума вашего, и къ оградѣ васъ отъ враговъ церкви Божіей. Но не я, рабъ Господа моего, содѣлалъ сіе, а содѣлалъ сіе Самъ Господь Богъ своею благодатію, даровавъ вамъ сіе сокровище, цѣннѣйшее всѣхъ сокровищъ міра». А къ этимъ словамъ князя одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ его приложилъ и свое воззваніе къ православнымъ. Онъ призываетъ молиться о князѣ за его добрый подвигъ, «да напишется имя его въ книгахъ живота вѣчнаго, купно съ его благочестиво усопшими родителями и прародителями»; проситъ читать священныя книги съ усердіемъ и размышленіемъ и, утверждаясь чрезъ нихъ въ вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ, показать свѣтъ ихъ еретикамъ и невѣрующимъ, чтобы и они, видя наши добрыя дѣла, прославили Отца Небеснаго. А въ концѣ Библіи приложилъ свою благодарственную слезную молитву къ Богу и свое смиренное слово къ христіанамъ и самъ книгопечатникъ москвичъ Ѳедоровъ.

Съ такою ревностію, любовію, смиреніемъ и благоговѣніемъ трудились надъ изданіемъ первой печатной церковно-славянской Библіи лучшіе люди Западной Руси! На всемъ трудѣ ихъ видно пламенное желаніе—послужить просвѣщенію собратій и помочь имъ въ борьбѣ съ удручавшими ихъ и церковь Божію напастями отъ ея противниковъ, соблазнителей и обольстителей православнаго народа. Много и другихъ книгъ издано было имъ въ городѣ Острогѣ въ той же типографіи на пользу церкви Божіей.

Трудились въ этомъ же дѣлѣ и другіе ревнители, особенно въ Львовѣ и Вильнѣ. Въ Львовѣ трудились въ этомъ дѣлѣ люди изъ львовскаго братства и львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ. Тамъ же въ Львовѣ, послѣ своихъ трудовъ въ Острогѣ, поселился опять и Иванъ Ѳедоровъ, трудился до конца жизни, но умеръ въ бѣдности, ибо думалъ не о земныхъ пріобрѣтеніяхъ, а о духовной пользѣ собратій по вѣрѣ и племени. Его типографію, которая попала было въ руки жида, выкупилъ съ помощью львовскихъ братчиковъ и другихъ православныхъ архипастырь Гедеонъ и заново устроилъ, благодарно поминая при этомъ почившаго основателя ея. А въ Вильнѣ основали типографію тоже члены тамошняго братства Мамоничи, у которыхъ пріютился и трудился бывшій сподвижникъ Ѳедорова Иванъ Тимофеевичъ Мстиславцевъ. Да будетъ дорога намъ память всѣхъ этихъ тружениковъ, ревнителей духовнаго просвѣщенія вѣры и благочестія! Издательскими трудами ихъ умножились священныя, церковныя и учительныя книги въ тогдашней Западной Россіи и дана великая помощь ей въ то трудное для нея время.

3. Новыя училища.

На помощь православной церкви и обществу въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія и борьбы съ разновѣріемъ явились въ Западной Руси *новыя училища*. Простыя начальныя училища были въ ней, какъ и во всей Руси, издавна и не прекращались. Поучившіеся въ такихъ училищахъ сами потомъ восполняли и ширили свое образованіе чтеніемъ книгъ, размышленіемъ, бесѣдами съ книжными людьми. То было образованіе *грамотѣевъ и начетчиковъ*, между которыми могли быть и бывали люди очень свѣдущіе и разумные, умѣвшіе, съ Божіею по-

мощью, воспитать въ себѣ и высшее благочестіе, какъ мы все это видимъ на многихъ изъ древнихъ русскихъ архипастырей, священниковъ, иноковъ и міряпъ. Но теперь чувствовалась потребность въ новыхъ лучше и прочнѣе устроенныхъ училищахъ, чтобы чрезъ нихъ множилось и высилось образованіе и просвѣщеніе. Нужны были имъ свои добрыя училища, чтобы не нуждались они въ училищахъ чужихъ, іезуитскихъ и сектантскихъ, чтобы умалить соблазны православныхъ отъ такихъ училищъ. Нужно было, чтобы въ новыхъ лучшихъ училищахъ воспитались болѣе сильные учители, проповѣдники, защитники вѣры. Множились книги, но нужно было, чтобы множились и люди, способные разумно и благомысленно пользоваться ими для себя и другихъ. Понимали это лучшіе люди Западной Руси и позаботились объ училищахъ.

Первый основалъ такое училище тотъ же князь Константинъ Острожскій въ своемъ городѣ Острогѣ. То было правильно устроенное училище, имѣвшее нѣсколькихъ учителей съ начальникомъ училища во главѣ и съ нѣсколькими классами учащихся. Подобное, хотя и меньшее училище основалъ въ городѣ Слуцкѣ тогдашній князь Слуцкій Юрій Олельковичъ. А въ Львовѣ и Вильнѣ основаны училища усердіемъ тамошнихъ братствъ, которыя устраивали школьные дома, пріискивали учителей, содержали ихъ и училища, то на счетъ братской скрынки (кружки), то платою отъ родителей за обученіе дѣтей ихъ. Во всѣхъ этихъ училищахъ предметы и порядокъ обученія были сходны, а всего лучше поставлено было дѣло ученія въ училищахъ Острожскомъ и Львовскомъ, помогавшихъ и другимъ училищамъ. Обученіе начиналось съ букваря и молитвъ.

Острожское училище.

Потомъ учили твердому и разумному чтенію, доброму письму, начаткамъ православно-христіанскаго ученія, или катехизиса, упражняли въ чтеніи церковно-славянскихъ священныхъ, богослужебныхъ и другихъ книгъ; учили также языкамъ греческому, какъ такому, на которомъ начально писаны наши священныя, богослужебныя и святительскія книги, а въ нѣкоторыхъ школахъ учили и латинскому, который былъ тогда въ силѣ въ польскомъ обществѣ, и иновѣрческихъ школахъ и у иновѣрческихъ учителей и могъ годится ученымъ православнымъ при защитѣ своей вѣры отъ толковъ иновѣрческихъ. А учителями въ новыхъ школахъ были и русскіе, и греки. Русскіе—изъ тѣхъ, которые, научившись въ прежнихъ начальныхъ школахъ, потомъ сами дополнили и расширили свои знанія усиленнымъ трудомъ, или же учились заграницею въ греческихъ школахъ, а хотя бы и въ другихъ иностранныхъ школахъ, но пребыли твердыми въ своей вѣрѣ и народности. Греки-учители были какъ изъ осѣдлыхъ въ Россіи, каковы были особенно во Львовѣ, такъ изъ пришлыхъ. Въ Львовской Братской школѣ былъ учителемъ даже одинъ греческій архіерей, пришедшій за милостынею въ Россію, но удержанный Львовскимъ братствомъ для учительства въ школѣ. Слѣдуетъ еще сказать, что въ школахъ, особенно братскихъ, старались пріучать учащихся къ чтенію и пѣнію въ церкви, такъ что явились потомъ и братскіе пѣвческіе хоры и стало славиться братское пѣніе: само собою понятно, что начальники и учители школъ старались воспитать въ дѣтяхъ благонравіе и благочестіе. Новые школы только начали свое благое дѣло въ послѣднія десятилѣтія XVI. Но уже видно было, что онѣ дадутъ, какъ уже и

начинали давать, церкви людей съ большимъ образованіемъ, просвѣщеніемъ, способныхъ къ церковному учительству, проповѣдничеству, могущихъ защищать православную вѣру и церковь отъ соблазновъ іезуитскихъ и сектантскихъ. Это замѣтили даже іезуиты. Съ досадою проговорился о томъ славившійся между ними Антоній Поссевинъ, тотъ самый, который такъ неудачно спорилъ о вѣрѣ съ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ Москвѣ, и потомъ сѣялъ замыслы объ уніи въ Литвѣ. Онъ говорилъ: «нѣкоторые изъ русскихъ особенно князья Острожскій и Слуцкій имѣютъ свои типографіи и школы, въ которыхъ широко и далеко поддерживается схизма». А схизмою этотъ злоумный іезуитъ называлъ наше святое православіе. Досадно и завистно было ему. что оно подкрѣпляется просвѣщеніемъ, которое стало подниматься въ Западной Руси, благодаря типографіямъ и школамъ.

4. Заботы православныхъ объ ограждeніи благоустройства церквей.

Но для подкрѣпленія православія требовалось еще оградить благоустройство церкви, много пострадавшее отъ безпорядковъ и злоупотребленій. Заботились православные и объ этомъ. И теперь, какъ прежде, лучшіе изъ знатныхъ православныхъ міряпъ помогали митрополитамъ и епископамъ испрашивать королевскіе грамоты или указы противъ тѣхъ своевольныхъ нарушителей церковнаго порядка, которые самоуправно распоряжались церквами и монастырями, вмѣшивались въ церковные суды, расхищали церковное добро и тому подобное. Но какъ теперь чаще прежняго являлись нарушители церковнаго порядка и среди духовныхъ лицъ и даже епископовъ, то православные міряне въ совѣтѣ съ лучшими изъ духовныхъ лицъ, ревновали напоминать и самимъ духовнымъ лицамъ, даже епископамъ и

митрополитамъ о ихъ духовныхъ обязанностяхъ и ихъ пастырскомъ долгѣ. Такъ напримѣръ, Подольско-Галицкіе православные дворяне въ своемъ посланіи къ митрополиту Онисифору (1579—1588), указавъ на разные безпорядки и безчинія въ епископскихъ епархіяхъ его митрополіи, заканчиваютъ свое посланіе слѣдующимъ почтительнымъ, но сильнымъ увѣщаніемъ: «Мы, по своему долгу, предостерегаемъ вашу милость, и молимъ и просимъ: Бога ради, осмотрись, вспомни святыхъ твоихъ предмѣстниковъ, митрополитовъ кіевскихъ и возревнуй ихъ благочестію. Не прогнѣвайся на насъ: намъ жаль души твоей. Ты за все долженъ дать отвѣтъ Господу Богу». Еще примѣръ: православные Перемышльской епархіи въ Галиціи узнали, что нѣкій тіунъ (прикащикъ) знатнаго пана перемышльскаго, по ходатайству его получилъ отъ польскаго короля грамоту на право быть епископомъ перемышльскимъ. И вотъ они пишутъ къ митрополиту Онисифору: «Перемышльская епископія отдана нѣкоему тіуну Стефану Брылинскому, подданному пана старосты перемышльскаго. Панъ - староста, взявъ въ свою власть это епископство и привиллегію на монастырь святаго Спаса въ Горахъ, распоряжается церковными имѣніями, какъ ему угодно; а тотъ негодный нареченный епископъ не смѣетъ противъ него ничего сказать, ни сдѣлать, какъ подданный... А что тотъ тіунъ не годенъ къ епископскому служенію, какъ человѣкъ неученый въ Словѣ Божіемъ, и по другимъ причинамъ, объ этомъ мы всѣ знаемъ и даемъ свидѣтельство, посему и просимъ усердно, чтобы твоя милость не производилъ его въ епископскій санъ до другаго сейма, на которомъ обыватели земли перемышльской и самбор-

ской покажутъ предъ королемъ и панами радами о негодности того тіуна. Если бы даже твоя милость имѣлъ о томъ негодномъ нареченномъ епископѣ листы отъ короля и пановъ радъ, не спѣши производить его во епископа...» Но, правду сказать, отъ такого митрополита, какимъ былъ Онисифоръ, мало было надежды православнымъ. Требовалась помощь высшей іерархической (священно-начальной) власти для возстановленія порядка церковнаго управленія, разстроеннаго въ Западной Руси. А такою властію была для нея власть Константинопольскаго патріарха, которую въ свое время благоразумно удержала для себя Западная Русь, чтобы съ помощью ея устранять попытки королей, на подчиненіе Западно-русской церкви своей римской власти, а также оберегать и порядокъ церковный. И вотъ въ теперешнее тяжкое время для западно-русской церкви дѣйствительно явилась для нея помощь отъ константинопольскаго патріарха и вообще православнаго Востока.

5. Посѣщеніе Западной Россіи восточными патріархами.

Въ 1586 году посѣтилъ Западную Россію антіохійскій патріархъ Іоакимъ, а въ 1588 и 1589 годахъ константинопольскій патріархъ Іеремія II. Оба они ѣздили въ Москву для испрошенія пособій своимъ патріархіямъ, ограбленнымъ турками. Но на пути въ Москву и обратно останавливались въ Западной Россіи и здѣсь, по просьбѣ православныхъ, потрудились для благоустройства Православной церкви. Особенно потрудился патріархъ Іеремія, какъ имѣвшій высшую духовную власть въ ней. При содѣйствіи патріарховъ, послѣдовало новое, лучшее устройство и умноженіе православныхъ братствъ. Патріархъ Іоакимъ и Іеремія утвердили уставъ Львовскаго Успенскаго братства, а патріархъ Іере-

Патріархъ Іеремія.

мія утвердилъ уставъ вновь устроеннаго Виленскаго Свято-Троицкаго братства, благословилъ учреждать по примѣру этихъ братствъ и другія братства въ предѣлахъ Западной Руси. Новыя братства—это были уже въ подлинномъ смыслѣ *церковныя братства*. Сохраняя въ своихъ уставахъ и на дѣлѣ лучшіе обычаи и порядки братствъ прежняго времени, они, по духу тѣхъ же уставовъ, имѣли теперь главною цѣлію духовную помощь церкви, содѣйствіе ея благосостоянію, духовному просвѣщенію чрезъ упомянутыя уже братскія типографіи, училища, оживленіе церковной проповѣди и вообще церковнаго учительства, для чего старались имѣть при братствахъ просвѣщенныхъ учителей и проповѣдниковъ. Сообразно съ такимъ духомъ новыхъ братствъ, въ самыхъ собраніяхъ ихъ усиленъ обычай духовныхъ, назидательныхъ бесѣдъ, введено чтеніе священныхъ и учительныхъ книгъ. Болѣе прежняго обращено вниманія на поддержаніе благочестія и христіанскаго благоповеденія въ средѣ братствъ. Расширилась и христіанская благотворительность братствъ чрезъ болѣе прочное устройство *шпиталей* (то есть богадѣленъ—больницъ) и другіе способы помощи собратіямъ и бѣднымъ. По благословенію патріарховъ, старшія братства (особенно Львовское) получили право и приняли обязанность заботиться объ охраненіи христіанскаго благочестія и церковнаго благочинія не только въ средѣ своихъ членовъ, но и постороннихъ лицъ изъ православнаго общества, обличать нарушителей христіанскаго закона, подвергать ихъ духовному суду властію братскихъ пресвитеровъ или епископа. Такой духовный подъемъ новыхъ братствъ, имѣвшихъ опору въ высшей патріаршей власти, привлекъ къ нимъ

Новыя церковныя братства въ Вильнѣ, Львовѣ и др.

уваженіе среди православныхъ. Составъ братствъ возрасталъ. Притомъ, кромѣ горожанъ изъ мѣщанъ и купцовъ, въ составѣ ихъ умножилось число духовныхъ лицъ, поступали въ братства и православные дворяне Западной Руси и нерѣдко самые знатные изъ нихъ. Такъ въ Виленское Свято-Троицкое братство въ ближайшіе годы вписались лица изъ рода Скуминовъ-Тышкевичей, Сапѣгъ, Сангушекъ, Мстиславскихъ, Соколинскихъ, Полубенскихъ, Масальскихъ и множество другихъ, такъ что къ 1594 году число братчиковъ простиралось уже до 368. Въ дружескомъ общеніи съ братствами бывалъ и князь Острожскій. Благодаря всему этому, братства особенно старшія, могли теперь участвовать въ церковныхъ соборахъ, ходатайствовать предъ королемъ по дѣламъ не только своимъ, но и всей церкви, а главное— теперь могли они выступить сильными защитниками и поборниками православія, угрожаемаго замыслами папистовъ и соблазнами сектантовъ. Оказавъ услугу западно-русской церкви въ дѣлѣ лучшаго устройства братствъ, патріархъ Іеремія, по просьбѣ православныхъ озаботился возстановленіемъ общаго благоустройства въ ней. Небрежный митрополитъ Онисифоръ былъ устраненъ отъ власти. На его мѣсто патріархъ посвятилъ новаго митрополита, бывшаго архимандрита Михаила Рагозу, котораго предоставили ему православные, какъ мужа достойнаго. «Если вы увѣряете, сказалъ патріархъ. что онъ достоинъ, то да будетъ онъ достоинъ». Такъ говорилъ патріархъ, потому что не зналъ Михаила и опасался поставить недостойнаго. Это было въ Вильнѣ, куда собрались къ патріарху почти всѣ Западно-русскіе епископы и много православныхъ изъ міранъ. Здѣсь въ Вильнѣ патріархъ держалъ

Дѣйствія патріарха Іереміи для благоустройства Западно-Русской церкви.

*

соборъ съ новымъ митрополитомъ и епископами, а потомъ переѣхалъ въ Брестъ-Литовскій, держалъ такой же соборъ и здѣсь, а также совершилъ и соборное служеніе въ день Преображенія Господня въ августѣ (1589 года). На этихъ соборахъ патріархъ производилъ духовный судъ, касавшійся и епископовъ, которые старались очиститься предъ нимъ, обѣщали исправленіе и патріархъ простилъ. Онъ издалъ нѣсколько грамотъ съ обличеніемъ безпорядковъ, заведшихся въ жизни духовенства и народа, и наказалъ исправить ихъ, а митрополитамъ и епископамъ заповѣдалъ устраивать церковные соборы и порадѣть на нихъ о благоустройствѣ церкви.

6. Брестскій Соборъ 1590 года.

По отбытіи патріарха въ свой путь, новый митрополитъ Михаилъ Рагоза и епископы дѣйствительно озаботились мѣропріятіями къ возстановленію благоустройства въ церкви. Въ іюнѣ 1590 года собрались они съ этою цѣлію на соборъ въ Брестѣ. Здѣсь епископы говорили о великихъ безпорядкахъ и нестроеніяхъ, заведшихся въ духовенствѣ и народѣ, о бѣдахъ и напастяхъ, терпимыхъ церковію отъ стороннихъ недруговъ и своихъ безчинниковъ, выражали глубокую скорбь свою о такомъ плачевномъ положеніи дѣлъ, свое желаніе исправить его и все привести въ стародавній порядокъ. Они постановили позаботиться о правильномъ избраніи лицъ на церковныя служенія, о недопущеніи къ церковному служенію людей недостойныхъ; о защитѣ церкви и ея достоянія отъ своевольниковъ и обидчиковъ; объ исправленіи нравовъ духовенства и народа; похвалили учрежденіе братствъ, школъ, типографій; госпиталей; говорили и о поднятіи церковнаго учительстга. Наконецъ соборомъ постановлено,

чтобы всѣ епископы ежегодно собирались на церковные соборы въ Брестѣ, подъ строгою отвѣтственностью и карою для тѣхъ епископовъ, которые вознерадѣли бы о такой обязанности. А на соборы епископы обязывались брать съ собою архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ и священниковъ, въ письмѣ Божіемъ наученныхъ; а если кто изъ нихъ не явится на соборъ, тотъ немедленно будетъ лишенъ сана. На Брестскомъ соборѣ присутствовали и представители отъ нѣкоторыхъ братствъ и другіе православные міряне. Оставалось бы теперь радоваться въ надеждѣ, что митрополиты и епископы, въ союзѣ съ православными мірянами, возревновали о благоустройствѣ церкви. Но увы! Этой надеждѣ не дано было сбыться. Видя, что въ православной Западно-русской церкви началось движеніе къ лучшему благоустройству, имѣвшему укрѣпить духовныя силы православія, недруги его, особенно іезуиты и ихъ пособники, удвоили свои усилія къ тому, чтобы помѣшать благимъ намѣреніямъ православныхъ, а чрезъ это успѣшнѣе провесть въ исполненіе свой давній замыселъ объ уніи. Союзникомъ іезуитовъ и пособниковъ ихъ былъ самъ король Сигизмундъ III.

ГЛАВА VII.

Унія и отверженіе ея православными всей Западной Россіи.

1. Усиленіе преслѣдованій православныхъ, особенно епископовъ послѣ Брестскаго собора 1590 г.

На Брестскомъ соборѣ 1590 г. митрополитъ и епископы постановили занести королю жалобы на обиды и притѣсненія православнымъ отъ римско-католическихъ пановъ и чиновниковъ и поручили это исполнить отъ ихъ имени Кириллу Терлецкому,

епископу Луцкому и Острожскому. И вотъ, какъ бы въ отвѣтъ на ихъ жалобы и просьбы, начались усиленныя преслѣдованія и обиды православнымъ, обрушившіяся прежде всего на Кирилла Терлецкаго. Приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ на это. Былъ тогда Луцкимъ старостою (то есть правителемъ) дворянинъ Александръ Семашко, потомокъ древняго русскаго православнаго рода, но совратившійся въ латинство и возымѣвшій теперь жестокую непріязнь къ православію. Этотъ Семашко, въ отсутствіе Кирилла изъ Луцка, поставилъ у воротъ луцкаго замка, въ которомъ находились православная соборная церковь и архіерейскій домъ, своего привратника съ гайдуками и приказалъ имъ брать по грошу и по два со всѣхъ православныхъ, духовныхъ и мірянъ, идущихъ въ церковь, а иначе никого не пропускать. Когда возвратился епископъ, то гайдуки пропустили въ замковыя ворота только его одного съ мальчикомъ, а всѣхъ прочихъ слугъ и всего имущества его не пропустили, отъ чего оно, находясь подъ дождемъ цѣлую ночь, частію перепортилось, частію же было расхищено. Въ Страстную Субботу и Свѣтлое Воскресеніе, 20 и 21 апрѣля, въ соборной церкви не было богослуженія: потому что некому было служить. Все духовенство Луцка, въ эти дни, толпилось у воротъ замка, но никто изъ духовныхъ не былъ пропущенъ ни въ церковь, ни къ епископу. Самъ епископъ въ оба дни сидѣлъ въ заключеніи, не ѣлъ и не пилъ, иззябъ отъ холода и отощалъ: потому что къ нему не пропускали ни съѣстныхъ припасовъ, ни слугъ, а иныхъ даже вытолкали изъ замка. Между тѣмъ Семашко, потѣшаясь надъ епископомъ, въ оба дни приходилъ въ его соборную церковь и въ притворѣ

ея заводилъ танцы и другія игры съ музыкой, приказывалъ своимъ гайдукамъ стрѣлять изъ своей комнаты въ золоченый крестъ и куполъ собора, потомъ и въ церковныя стѣны, и гайдуки отбили отъ креста двѣ цѣпи, повредили куполъ и, на стѣнѣ церковной, образъ святого Іоанна Богослова, во имя котораго былъ освященъ соборъ. Напрасно владыка Кириллъ обращался въ суды низшіе и высшіе: обидчикъ остался не наказаннымъ и не унялся. Напротивъ самъ онъ, какъ староста, найдя предлогъ, позвалъ епископа на судъ и здѣсь обходился съ нимъ грубо, а епископскаго повѣреннаго изъ русскихъ назвалъ презрѣннымъ псомъ русиномъ. Тотъ же Семашко сдѣлалъ нападеніе и на владѣніе львовскаго епископа Гедеона Болобана—жидичинскій монастырь. Во время происходившей при монастырѣ ярмарки сюда прибылъ, по приказанію Семашки, луцкій подстароста съ отрядомъ вооруженныхъ людей, и насильно вторгнулся въ жидичинскій монастырь и, поселившись въ немъ, разсылалъ по ярмаркѣ своихъ слугъ и гайдуковъ собирать, отъ имени луцкаго старосты и въ его пользу, торговыя пошлины и всѣ прочіе доходы, какіе до того времени собирались на монастырь приблизительно на тысячу польскихъ злотыхъ. Земяне князя Альбрехта Николаевича Раздивила, литовскаго маршалка, два раза нападали на церковное имѣніе Радиловичи, принадлежавшее пинскому и туровскому владыкѣ Леонтію Пельчицкому и каждый разъ разгоняли изъ того села всѣхъ жителей, угоняли ихъ скотъ и разграбляли все ихъ имущество. А когда епископъ принесъ на это жалобу и въ назначенное время лично явился на судъ въ городецкій замокъ Раздивила, то намѣстникъ князя, безъ всякой причины, не захотѣлъ

производить судъ въ назначенный день, такъ что епископъ отъѣхалъ ни съ чѣмъ. Безчинники изъ польскихъ пановъ не останавливались предъ оскорбленіями святого православія въ имѣніяхъ даже такихъ лицъ, какъ князь Острожскій. Въ концѣ декабря 1590 г. два ротмистра королевскіе, съ отрядомъ конныхъ и пѣшихъ вооруженныхъ людей, напали на имѣніе князя Острожскаго, село Крупное. Прежде всего они бросились въ церковь, выбили церковныя двери, разграбили церковную утварь, посвященную службѣ Божіей, ограбили алтарь и, выбросивъ изъ чаши святое тѣло Христово на землю, топтали его ногами. Разграбивъ церковь и наругавшись надъ святыней, ротмистры королевскіе напали на жителей, ограбили ихъ и все пограбленное имущество отправили въ Луцкъ, на руки тому же злому старостѣ Александру Семашкѣ. А вотъ еще примѣръ наглаго оскорбленія Львовскому братству и ученикамъ его школы. Въ 1592 г. король, по ходатайству князя Константина Острожскаго и Новогрудскаго воеводы Скумина-Тышкевича, далъ братству грамоту, которою утверждалъ его права и въ частности право содержать типографію и школу. Озлился за это на братство ректоръ львовской іезуитской школы. По его приказанію ученики его толпами нападали на учениковъ братской школы, собиравшихъ себѣ по городу милостыню, отнимали у нихъ собранную милостыню, а самихъ подвергали тяжкимъ побоямъ; иныхъ же увлекали въ свою школу и безчеловѣчно сѣкли, или заключали въ желѣзныя оковы и продерживали цѣлыя ночи. Братство принуждено было два раза приносить на это, чрезъ своихъ уполномоченныхъ и ректора своей школы Стефана, жалобы въ львовскій замковый судъ; но

судъ ни къ чему не привелъ. Подъ часъ трудно было православнымъ найти защиту даже отъ обидъ со стороны жидовъ. Въ 1590 г. Мелетій Хребтовичъ, епископъ владимірскій и брестскій, совершалъ крестный ходъ въ городѣ Владимірѣ, со всѣмъ соборомъ и духовенствомъ владимірскимъ. Когда процессія дошла до церкви св. Николая, на Жидовской улицѣ, то два жида бахурчика (то есть молодые жидки) начали бросать камнями въ епископа и прочее духовенство. Священники и прихожане соборной церкви отъ имени епископа Мелетія подали жалобу въ судъ. Но позванные на судъ жиды заперлись, принеся свою присягу въ своей будто-бы невинности, и судъ оправдалъ ихъ.

Одновременно съ усиленіемъ преслѣдованій усилились и обольщенія православнымъ со стороны іезуитовъ, латино-польскихъ бискуповъ и самого короля. Въ самый годъ Брестскаго собора 1590-ый іезуитъ Петръ Скарга вторично издалъ свою книжку *«о единствѣ церкви Божіей»*. Здѣсь онъ съ особеннымъ усиліемъ твердилъ, что церкви западно-русской не удастся возстановить свое благоустройство: что не помогутъ ей въ томъ ни патріархъ, ни свои епископы, ни міряне; что единственное спасеніе ея въ уніи съ Римскою церковью. Ее, по обычаю, превозноситъ онъ, обѣщая отъ уніи съ нею разныя блага Западно-русской церкви, какъ то: лучшій порядокъ, просвѣщеніе, спокойствіе отъ притѣсненій и тому подобное. О томъ же стали усиленнѣе голосить и другіе іезуиты и бискупы латино-польскіе, заводя сношенія съ епископами православными. Между прочимъ нѣкоторые изъ нихъ вели съ ними такія искусительныя и обольстительныя рѣчи: «вотъ вы зависите отъ восточныхъ патріарховъ, убогихъ и под- 2. Усиленіе обольщеній.

властныхъ туркамъ: не приличнѣе-ли зависѣть отъ папы сильнаго и славнаго. У васъ патріархи дали слишкомъ много воли міряпамъ въ дѣлахъ церковныхъ, а у насъ римскихъ католиковъ не такъ, у насъ власть церковпая въ рукахъ бискуповъ и ксендзовъ. Вы теперь терпите разные нападки и стѣсненія, а соединясь съ пами, избавитесь отъ нихъ. Да притомъ король и папа придадутъ вамъ почестей и богатствъ. Такъ напримѣръ митрополиту отдадутъ Кіево-Печерскую лавру съ ея богатыми имѣніями». Самъ король Сигизмундъ III въ первое время послѣ Брестскаго собора 1590 года, казался, надо правду сказать, какъ будто готовымъ уважить жалобы и просьбы собора по поводу притѣсненій православной церкви и епископамъ ея. Онъ даже издалъ грамоту въ огражденіе правъ ихъ. Но не было пользы отъ этой грамоты, нисколько не страшной обидчикамъ и своевольникамъ. Да вскорѣ затѣмъ и самъ король, чрезъ своихъ іезуитовъ и бискуповъ, давалъ знать русскимъ епископамъ, что лучше имъ принять унію; тогда то они избавятся отъ бѣдъ и преслѣдованій и заслужатъ уже настоящую милость отъ него. Епископовъ король льстилъ надеждою даже на такой почетъ, что они, принявъ унію, будутъ засѣдать въ сенатѣ наравнѣ съ латино-польскими бискупами. И такъ положеніе западно-русскихъ епископовъ было теперь очень трудное: съ одной стороны обиды и преслѣдованія, съ другой искушенія и обольщенія. Конечно, если бы всѣ они были на высотѣ своего священнаго званія, были сильны духомъ вѣры и благочестія, то, съ помощію Божіею, могли бы устоять въ предапности своей вѣрѣ и церкви. Но мы уже знаемъ, что тогдашніе епископы большею частію выходили изъ пановъ и панковъ безъ долж-

наго приготовленія къ духовной жизни, мало помышляли о ней и въ санѣ епископскомъ, болѣе радѣя о мірскихъ выгодахъ и почестяхъ, чѣмъ о подвигахъ своего духовнаго служенія; а про нѣкоторыхъ изъ нихъ шла и худая слава. И вотъ не въ моготу стало имъ тяжелое положеніе ихъ. Настало для нихъ время колебанія между вѣрностію православію и предательствомъ на унію, кончившееся для большей части ихъ печальнымъ отпаденіемъ въ эту унію.

3. Тайныя и явныя соглашенія нѣкоторыхъ епископовъ на унію, при понужденіяхъ со стороны короля Сигизмунда III.

Согласно постановленію Брестскаго собора 1590 года митрополитъ Михаилъ Рагоза созывалъ соборы въ ближайшіе за симъ годы въ томъ же Брестѣ. Такихъ соборовъ было еще три (въ 1591, 1593 и 1594 г.). Но на эти соборы собирались уже не всѣ епископы. Здѣсь еще поднимались рѣчи о защитѣ и благоустройствѣ церкви, о братствахъ, о школахъ и тому подобные. Но мало пользы было отъ такихъ рѣчей, притомъ уже и неискреннихъ. Видимѣе заботился о всемъ этомъ митрополитъ, онъ благоволилъ къ братствамъ, списывался и съ патріархомъ; обличалъ недобрыхъ священниковъ, но отъ нихъ послышался такой отзывъ: «пусть прежде епископы послушаютъ закона, тогда и мы послушаемъ». И дѣйствительно епископы въ большинствѣ уже ни слушали ни митрополита, ни закона, не думали о возстановленіи благоустройства церкви собственными силами, теряя, по малодушію, надежду на эти силы. Вмѣсто этого они во время соборовъ и между соборами стали устраивать тайныя соглашенія на унію. Вожаками въ этомъ темномъ дѣлѣ стали два изъ нихъ: Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій и острожскій и Ипатій Поцѣй, недавно изъ пана ставшій епископомъ владимірскимъ и брестскимъ (на мѣсто умершаго Мелетія Хребтовича). Они то сносились и

сговаривались съ латино-польскими бискупами о томъ, какъ лучше оборудовать это дѣло. Они втягивали въ это предательское дѣло и другихъ епископовъ. Въ первое время велось это дѣло тайкомъ. Епископы списывались на унію не всѣ разомъ, а почастично — то одни, то другіе, собираясь для сего то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, чтобы скрыть свой предательскій замыселъ отъ православныхъ. Труднѣе было втянуть въ дѣло митрополита Михаила. Какъ голова между ними по своему сану, онъ тревожился, чувствуя, что онъ-то прежде всѣхъ будетъ въ отвѣтѣ за это темное дѣло предъ Богомъ и церковію. А между тѣмъ король, которому главные вожаки доносили о ходѣ дѣла, не умедлилъ хвалить и поощрять ихъ, обѣщалъ милости и награды въ видѣ богатыхъ монастырей и тому подобное, обѣщалъ защищать ихъ своею властію на тотъ случай, если бы восточные патріархи и ревнители православія въ самой Западнорусской церкви призвали предателей къ суду, или приняли какія-либо другія мѣры противъ нихъ. Но, прибавлялъ король, необходимо, чтобы на унію согласился еще митрополитъ съ остальными епископами. Тяжко было митрополиту. Подъ часъ онъ говорилъ, что готовъ лучше отказаться отъ митрополіи, чѣмъ быть отступникомъ отъ своей церкви на соблазнъ православнымъ и пагубу своей душѣ: «если весь міръ пріобрѣту, а душу свою погублю, чѣмъ выкуплю?» Онъ даже прятался отъ главныхъ вожаковъ дѣла. Но они сильнѣй и сильнѣй налегали на него, смущая то страхами, то льстивыми обѣщаніями отъ короля, латино-польскихъ бискуповъ и пановъ. Изнемогъ несчастный и далъ согласіе на унію. Это было уже въ 1594 г. Но требовалось еще обдумать, какова-то будетъ сама эта унія, на какихъ условіяхъ

принять ее? Рядили и такъ и сякъ. Но къ чести митрополита и лучшихъ изъ епископовъ надо сказать, что они отнюдь не желали чрезъ унію олатиниться и ополячиться, а желали и въ уніи сохранить многое изъ того, что было въ православіи и въ русской православной церкви. Потому постановили, между прочимъ, слѣдующія условія уніи: литургіи святаго Василія Великаго, Іоанна Златоуста и преждеосвященная и всѣ церковныя службы, таинства, священнодѣйствія, обряды и праздники и богослужебныя книги останутся и въ уніи, какъ было въ православіи; останется у ней и православный символъ вѣры; епископы и всѣ священнослужители будутъ всегда изъ русскихъ; римскіе католики не должны забирать себѣ русскихъ монастырей и церквей, ни совращать будущихъ русскихъ уніатовъ въ латинство; русскія братства и школы останутся неприкосновенными и въ уніи, если примутъ ее, и тому подобное. Съ своей стороны епископы соглашались признавать власть Римскаго папы, какъ главы церкви, Римскую церковь—истинною церковью, пребыть въ союзѣ съ нею, отвергши союзъ съ Восточною Православною церковію, какъ будто-бы схизматическою. За это они требовали, чтобы уніатской церкви даны были всѣ права и льготы, чтобы за ними епископами удержаны были и всѣ каѳедры и имѣнія ихъ, чтобы они во всемъ уравнены были съ латинопольскими бискупами и, подобно имъ, засѣдали въ королевской радѣ или сенатѣ. Написали епископы и свое посланіе и къ папѣ съ изъявленіемъ готовности на унію. Обо всемъ этомъ доносилось королю и папскому послу въ Краковѣ, куда ѣздили Кириллъ Терлецкій и Ипатій Поцѣй, предназначенные ѣхать въ Римъ съ опредѣленіемъ объ уніи и посланіемъ

къ папѣ. Король и папскій посолъ одобрили все это въ надеждѣ, что прочее сдѣлается само собою; король же поощрялъ епископовъ новыми милостями, а митрополиту прислалъ уже и грамоту, которою отдавалъ ему во власть Кіево-Печерскую лавру съ ея богатыми имѣніями. Между тѣмъ слухи о подготовленіяхъ къ уніи уже давно разошлись между православными. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно же князь Константинъ Острожскій не разъ допрашивали митрополита и епископовъ о начатомъ ими дѣлѣ уніи. Они то отпирались, то заговаривали, что ничего противнаго православной церкви не будетъ въ ихней уніи и тому подобное. Такъ хитря, главные вожаки дѣла надѣялись исподоволь, съ помощью того же короля, завлечь въ свое согласіе и знатнѣйшихъ представителей изъ православнаго общества. Но не такъ вышло. Чѣмъ болѣе оглашалось уніатское дѣло, тѣмъ болѣе росла тревога въ средѣ православныхъ. Началось въ средѣ ихъ сильное движеніе противъ согласниковъ на унію, какъ предателей церкви. Отстали отъ нихъ два епископа, колебался митрополитъ. Король боясь, что можетъ пропасть дѣло, погналъ Кирила Терлецкаго и Ипатія Поцѣя въ Римъ къ папѣ; а самъ издалъ манифестъ (объявленіе) съ оповѣщеніемъ, что митрополитъ и епископы согласились на унію, что два изъ нихъ уже отправляются по этому дѣлу въ послахъ къ римскому папѣ, что это дѣло великое и благое и что всѣ его русскіе подданные должны послѣдовать голосу и примѣру своимъ архипастырей.

4. Поѣздка двухъ епископовъ въ Римъ по дѣлу уніи и объявленіе ея въ Римѣ.

Въ половинѣ Ноября 1595 г. Поцѣй и Терлецкій прибыли въ Римъ. Здѣсь они смиренно представились папѣ и объявили съ чѣмъ прибыли. Понятно, что папа былъ радъ и принялъ пословъ милостиво;

а на отпускѣ сказалъ: «отдохните получше съ такой дороги». Имъ отвели отличное помѣщеніе, дали всего въ изобиліи и жилось имъ хорошо. За день до Рождества Христова во дворцѣ папы состоялось торжественное собраніе по дѣлу уніи. Папа Климентъ VIII сидѣлъ на высокомъ тронѣ въ пышномъ облаченіи, подъ балдахиномъ. Поодаль засѣдали 33 его кардинала, а далѣе стояли арцибискупы и бискупы и многіе мірскіе знатные люди изъ Рима и другихъ странъ, въ томъ числѣ изъ Польши и Литвы. Введены были владыки: Терлецкій и Поцѣй съ бывшею при нихъ свитою духовныхъ и мірянъ изъ западной Руси. Свита осталась позади, а владыки, три раза припавъ на колѣна, подошли къ папѣ, повалились ему въ ноги и цѣловали ихъ, а потомъ, стоя на колѣнахъ, опять сказали о своемъ дѣлѣ и подали декретъ (опредѣленіе) западно-русскихъ владыкъ объ уніи и посланіе ихъ къ папѣ. Онъ приказалъ прочитать декретъ и посланіе и они были громко прочитаны по-русски и по-латыни. Затѣмъ, по приказу папы, секретарь его сказалъ отъ имени папы рѣчь посламъ, въ которой красно изображалъ радость папы и похвалу уніи и западно-русскимъ владыкамъ, принявшимъ ее. «А теперь, заключилъ секретарь, произнесите еще исповѣданіе римско-католической вѣры». Предъ владыками поставили Евангеліе, дали въ руки готовое написанное и очень длинное исповѣданіе. Поцѣй прочелъ его сперва по-латыни, а затѣмъ ксендзъ изъ Литвы, знавшій русскій языкъ, прочелъ его по-русски, а латинскій ксендзъ—по-латыни. Въ оба раза владыки по прочтеніи исповѣданія клали обѣ руки на Евангеліе и клялись. Потомъ опять цѣловали ноги папы. Папа сказалъ въ утѣшеніе имъ нѣсколько словъ, закончивъ: «я не хочу господство-

вать надъ вами, хочу носить на себѣ тягости ваши». Какъ же то иначе и говорить было папѣ на радости? Затѣмъ папа громко объявилъ, что принимаетъ въ лоно католической церкви всѣхъ русскихъ владыкъ, всѣхъ духовныхъ и всѣхъ православныхъ, живущихъ въ державѣ короля Польскаго и разрѣшаетъ ихъ отъ всѣхъ эпитимій и наказаній, какимъ они могли подвергнуться за бывшую схизму. Скоро затѣмъ и кончилось торжество объявленія уніи предъ папою. Много неправды было во всемъ этомъ дѣлѣ! Владыки Поцѣй и Терлецкій дурно исполнили свое порученіе: приняли не на тѣхъ условіяхъ, какія постановлены были митрополитомъ и прочими епископами. Они произнесли такое исповѣданіе, по которому совсѣмъ отреклись отъ православія, во всемъ приняли ученіе римской церкви со всѣми его новшествами и вымыслами. Правда папа обѣщалъ имъ сохранить для уніи всѣ бывшіе въ православіи церковныя службы и обряды, но съ оговоркою, что сохранитъ ихъ настолько, на сколько это будетъ непротивно римской церкви. А это значитъ, что въ Римѣ оставили за собою право измѣнять эти службы и обряды и навязывать латинскіе (какъ и было потомъ). Погрѣшилъ противъ правды и самъ папа, когда говорилъ, что принимаетъ въ лоно римской церкви всѣхъ православныхъ Западной Руси: какъ будто они просили его о томъ! Еще хуже то, что онъ, не прошенный ими, разрѣшалъ ихъ отъ наказанія за схизму: такъ то называлъ онъ наше святое православіе! Да! послѣ такихъ папскихъ непрошенныхъ милостей нельзя было православнымъ Западной Руси ждать мира и добра отъ уніи. Тяжко обойдутся имъ и эти милости и эта унія! Но предатели Поцѣй и Терлецкій въ

своихъ письмахъ изъ Рима въ Западную Русь превозносили папскія милости, кое-что и прилыгая на обольщеніе православныхъ. Около двухъ мѣсяцевъ ихъ ублажали въ Римѣ, наконецъ отпустили, а въ мартѣ они уже были въ Западной Руси. Прибыли они съ цѣлою кипою папскихъ посланій къ митрополиту и епископамъ и православнымъ Западной Руси, къ королю и многимъ латино-польскимъ бискупамъ и панамъ, которыхъ папа увѣщевалъ оказывать всякую поддержку въ дѣлѣ насажденія и утвержденія уніи во всей Западной Руси. Но не такъ приняла она привезенную изъ Рима унію, какъ то надѣялся папа и какъ сулили ему и себѣ предательскіе зачинщики ея.

3. Усилія православныхъ Западной Руси не допустить введенія уніи.

Еще при первыхъ слухахъ о тайныхъ соглашеніяхъ владыкъ на унію началось среди православныхъ Западной Руси движеніе противъ этого предательскаго дѣла и въ защиту православія. Во главѣ движенія выступили ревнители православія изъ знатныхъ людей, каковъ особенно князь Константинъ Острожскій, а также церковныя братства съ своимъ священствомъ, каковы особенно Львовское и Виленское. Могли они выступить противъ владыкъ потому, что имѣли за собою власть православныхъ восточныхъ патріарховъ, а также и всю Православную церковь съ ея святителями въ разныхъ странахъ, въ томъ числѣ и единовѣрной Восточной Россіи. Князь Константинъ Острожскій, когда узналъ о затѣяхъ уніи, писалъ одному изъ Западно-русскихъ владыкъ (Ипатію Поцѣю): «дѣло единенія церквей само по себѣ дѣло доброе и желанное, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло великое и важное. Нельзя вести его легко въ одиночку, то есть одной Западной Руси и ея владыкамъ. Это дѣло Вселенской церкви.

Нужно напередъ снестись съ патріархами и патріаршими церквами, церквами и святителями другихъ православныхъ странъ, съ церковью и святителями Восточной Россіи. Надо бы дѣло вести чисто и свято, чтобы единеніе церквей было истиннымъ единеніемъ вѣры и любви, съ сохраненіемъ православнаго ученія Вселенской церкви». Когда тотъ владыка и его сообщники не послушали благого совѣта и повели дѣло сами одни и по-своему въ сообществѣ только съ пособниками ихъ изъ римской церкви: то, еще разъ скажемъ, наши ревнители православія имѣли полное право выступить противъ такого дѣла ихъ. Они хорошо знали волю о томъ Восточныхъ патріарховъ, ибо уже не одинъ разъ писывали къ старѣйшимъ изъ нихъ о дѣлахъ Западно-русскихъ владыкъ, а нѣкоторые и сами помчались на Востокъ просить совѣта и помощи въ тяжкихъ затрудненіяхъ по этимъ дѣламъ. Впрочемъ пока дѣйствія владыкъ были еще не совсѣмъ явны, православные Западной Руси сдерживались открыто выступать противъ нихъ, старались лучшее развѣдать объ этихъ дѣйствіяхъ у нихъ же самихъ, уважая духовную власть ихъ. Но когда владыки стали уклоняться отъ прямыхъ отвѣтовъ, а между тѣмъ предательскія дѣйствія ихъ стали уже совсѣмъ явными; тогда православные духовные и міряне, памятуя завѣты прежнихъ православныхъ святителей, зная волю православныхъ патріарховъ Востока, движимые любовію къ праотеческой вѣрѣ, ревновали единодушно возвысить свои голоса на защиту православія и противъ уніи. Изъ первыхъ возвысилъ свой мощный голосъ благочестивый князь Константинъ Острожскій. Онъ обратился (24 іюня 1595 г.) съ слѣдующимъ воззваніемъ ко всѣмъ православ-

нымъ Литвы и Западной Руси, духовнымъ и свѣтскимъ. «Съ молодости моей я воспитанъ моими преименитыми благочестивыми родителями въ истинной вѣрѣ, въ которой съ Божіею помощію, и доселѣ пребываю, и надѣюсь непоколебимо пребывать до конца жизни. Я наученъ и убѣжденъ благодатію Божіею, что кромѣ единой истинной вѣры, насажденной въ Іерусалимѣ, нѣтъ другой вѣры истинной. Но въ нынѣшнія времена, злохитрыми козпями вселукаваго діавола, сами главные начальники нашей истинной вѣры, прельстившись славою свѣта сего и помрачившись тьмою сластолюбія, наши мнимые пастыри, митрополитъ съ епископами, претворились въ волковъ и, отвергшись единой истинной вѣры святой Восточной церкви, отступили отъ нашихъ Вселенскихъ пастырей и учителей, и приложились къ западнымъ, прикрывая только въ себѣ внутренняго волка кожею своего лицемѣрія, какъ овчиною, они тайно согласились между собою, окаянные, какъ христопродавецъ Іуда съ жидами, отторгнуть благочестивыхъ христіанъ здѣшней области, безъ ихъ вѣдома, и ввинуть съ собою въ погибель, какъ и самыя сокровенныя писанія ихъ объявляютъ. Но человѣколюбецъ Богъ не попуститъ въ конецъ лукавому умыслу ихъ совершиться, если только ваша милость постараетесь пребыть въ христіанской любви и повинности. Дѣло идетъ не о тлѣнномъ имѣніи и погибающемъ богатствѣ, но о вѣчной жизни, о безсмертной душѣ, которой дороже ничего быть не можетъ. Весьма многіе изъ обитателей нашей страны, особенно православные, считаютъ меня за начальника православія въ здѣшнемъ краѣ, хотя самъ я признаю себя не большимъ, но равнымъ каждому, стоящему въ правовѣріи.

*

Потому, опасаясь, какъ бы не остаться виновнымъ предъ Богомъ и предъ вами, и узнавъ достовѣрно о такихъ отступникахъ и явныхъ предателяхъ церкви Христовой, извѣщаю о нихъ всѣхъ васъ, какъ возлюбленную мою о Христѣ братію, и хочу вмѣстѣ съ вами стоять за одно противъ враговъ нашего спасенія, чтобы, съ Божіею помощью [и вашимъ ревностнымъ стараніемъ, они сами впали въ тѣ сѣти, которыя скрытно на насъ готовили... Что можетъ быть безстыднѣе и беззаконнѣе? Шесть или семь злонравныхъ человѣкъ злодѣйски согласились между собою, и, отвергшись пастырей своихъ, святѣйшихъ патріарховъ, отъ которыхъ поставлены, осмѣливаются властно, по своей волѣ, отторгнуть всѣхъ насъ, правовѣрныхъ, будто безсловесныхъ, отъ истины и низвергнуть съ собою въ пагубу. Какая намъ можетъ быть отъ нихъ польза? Вмѣсто того, чтобы быть свѣтомъ міру, они сдѣлались тьмою и соблазномъ для всѣхъ... Если татарамъ, жидамъ, армянамъ и другимъ въ нашемъ государствѣ сохраняются, безъ всякаго нарушенія, ихъ законы: не тѣмъ ли болѣе намъ, истиннымъ христіанамъ, будетъ сохраняться нашъ законъ, если только всѣ мы соединимся вмѣстѣ и за одно усердно стоять будемъ? А я, какъ доселѣ, во все время моей жизни, служилъ трудомъ и имѣніемъ моимъ непорочному закону святой восточной церкви, въ размноженіи священныхъ писаній и книгъ и въ прочихъ благочестивыхъ вещахъ, такъ и до конца, при помощи Божіей, обѣщаюсь служить всѣми моими силами на пользу моихъ братій, правовѣрныхъ христіанъ, и хочу, вмѣстѣ со всѣми вами, правовѣрными, стоять въ благочестіи, пока достанетъ силъ». Чрезъ шесть дней послѣ сего, къ радости право-

славныхъ, послышался голосъ и лучшаго изъ западно-русскихъ владыкъ Гедеона епископа Львовскаго. Явившись въ городской урядъ города Владиміра на Волыни, въ присутствіи князя Острожскаго и многихъ другихъ православныхъ русскихъ вельможъ, онъ подалъ запись, что непричастенъ дѣлу уніи: постановленіе о ней, говорилъ епископъ Гедеонъ, составлено въ противность правиламъ и обычаямъ нашей православной вѣры; нашимъ правамъ и вольностямъ, безъ вѣдома и дозволенія патріарховъ, нашихъ духовныхъ начальниковъ, безъ совѣщаній духовнаго собора, а также безъ воли свѣтскихъ сословій, какъ знатныхъ старожитныхъ фамилій, такъ и простыхъ людей православной вѣры, безъ согласія которыхъ мы ничего дѣлать и рѣшать не желаемъ». По примѣру Гедеона отрекся потомъ отъ участія въ дѣлѣ уніи и другой владыка Михаилъ, епископъ Перемышльскій. Послышались голоса противъ уніи отъ православнаго священства, церковныхъ братствъ и другихъ ревнителей въ Вильнѣ, Новогрудкѣ, Львовѣ и проч. Такъ напримѣръ виленское духовенство писало Новогрудскому воеводѣ Скумину-Тышкевичу: «мы—все православное виленское духовенство протестовали предъ Богомъ и всѣмъ христіанскимъ народомъ, какъ въ книгахъ нашихъ духовныхъ, такъ и во всѣхъ урядахъ свѣтскихъ, что мы о такомъ отступленіи отъ нашихъ святѣйшихъ патріарховъ не мыслили и не знали, и на то не соизволяли, и обязуемся непоколебимо стоять при всемъ благочестіи святой восточной соборной церкви. Извѣщая объ этомъ вашу милость, мы просимъ тебя быть, вмѣстѣ съ иными многими православными, защитникомъ и поборникомъ нашей благочестивой вѣры». Всѣ эти и подобные голоса

противъ уніи раздались по Западной Руси еще до поѣздки и во время поѣздки Поцѣя и Терлецкаго въ Римъ. А когда Поцѣй и Терлецкій возвратились изъ Рима съ папскимъ посланіемъ объ уніи, то движеніе противъ нея и ея зачинщикомъ проявилось еще шире и настойчивѣе. Русскіе православные князья и дворяне на своихъ съѣздахъ въ воеводствахъ кіевскомъ, волынскомъ, минскомъ, новогрудскомъ, полоцкомъ и другихъ постановили подать чрезъ пословъ отъ всѣхъ этихъ воеводствъ на Варшавскомъ сеймѣ просьбы королю, чтобы Поцѣй и Терлецкій лишены были духовнаго сана, такъ какъ они, безъ вѣдома православныхъ патріарховъ ѣздили въ Римъ и самовольно отдались подъ власть папы и привезли оттуда великія перемѣны въ вѣрѣ. Послы это и сдѣлали. Король Сигизмундъ III не внялъ этимъ просьбамъ. Тогда послы отъ православныхъ во главѣ съ княземъ Константиномъ Острожскимъ къ концу сейма торжественно объявили, что они и весь русскій народъ не будутъ признавать Поцѣя и Терлецкаго своими епископами и не потерпятъ ихъ духовной власти въ своихъ имѣніяхъ. Свои записи они, по тогдашнему обычаю, внесли въ городскія книги и копіи (противни) такихъ записей разослали по воеводствамъ. Подобные протесты (заявленія) противъ уніи и поддавшихся на нее владыкъ учинили старшіе горожане въ Вильнѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ. Страхъ напалъ на зачинщиковъ уніи; но король обнадежилъ ихъ новыми грамотами на то, что они и въ уніи сохранятъ свои епископскія каѳедры съ ихъ имѣніями, ободрялъ ихъ новыми милостями. Но требовалось дѣло уніи, какъ дѣло церковное, рѣшить церковнымъ порядкомъ, то есть церковнымъ соборомъ. Созыва собора

требовалъ и папа въ своемъ посланіи объ уніи съ тою, конечно, мыслію, что она будетъ принята соборомъ. Но еще съ самаго начала требовали, а теперь еще болѣе желали созыва православные Западной Руси съ мыслію обсудить на соборѣ дѣло уніи, по сущей правдѣ, по настоящей церковной истинѣ. Итакъ, король, издавъ новый манифестъ о состоявшейся будто бы уніи, поручилъ митрополиту Михаилу Рагозѣ созвать церковный соборъ. Этотъ издалъ окружное посланіе съ призывомъ на соборъ въ Брестъ на 6 октября 1596 г.

6. Брестскій соборъ 1596 г. Отверженіе православнымъ соборомъ уніи, принятой небольшимъ латино-уніатскимъ соборомъ.

Православные Западной Руси заранѣе озаботились, чтобы соборъ по дѣлу уніи былъ истиннымъ церковнымъ соборомъ. Ко времени собора, по ихъ старанію, прибыли въ Западную Русь экзархи, то есть уполномоченные, отъ двухъ старѣйшихъ патріарховъ константинопольскаго—Никифоръ и александрійскаго—Кириллъ. Оба эти духовные сановники, мужи ученые, просвѣщенные, прибыли съ православными и на соборъ въ Брестъ, чтобы здѣсь дѣйствовать, по благословенію и уполномочію отъ патріарховъ. Чрезъ нихъ патріархи прислали свое благословеніе и всѣмъ православнымъ Западной Руси съ похвалою ихъ ревности по вѣрѣ православной и увѣщаніемъ твердо стоять въ ней, не взирая на бѣды и напасти отъ противниковъ. Прибыли на соборъ и другія лица съ православнаго Юго-Востока, какъ-то: Лука, епископъ Бѣлградскій (изъ Сербіи), два архимандрита отъ горы Аѳонской, имѣвшіе полномочія отъ епископовъ молдо-влахійскихъ. Изъ православныхъ Западной Руси прибыли на соборъ Гедеонъ, епископъ Львовскій и Мелетій епископъ Перемышльскій, архимандриты и игумены отъ разныхъ монастырей, начиная со старѣйшаго изъ нихъ

Кіево-Печерской Лавры, протоіереи и священники изъ многихъ городовъ и областей всего свыше ста лицъ духовнаго сана. Изъ мірянъ, во главѣ съ княземъ Константиномъ Острожскимъ, прибыли на соборъ многіе знатные сановники и дворяне, какъ послы отъ воеводствъ и повѣтовъ (уѣздовъ) литовскаго, кіевскаго, галицкаго, перемышльскаго, волынскаго, подольскаго, новогрудскаго, пинскаго, луцкаго, владимірскаго и другихъ, также послы отъ городовъ: Вильны, Кіева, Львова, Бѣльска, Пинска, Бреста, Каменца-Подольскаго, Минска, Слуцка и другихъ и особые послы отъ церковныхъ братствъ Львовскаго, Виленскаго и другихъ. Прибыли въ Брестъ и сообщники уніи митрополитъ Михаилъ Рагоза съ пятью владыками и нѣсколькими духовными лицами при нихъ. Какъ пособники ихъ, прибыли сюда же три латинскіе бискупа, да четыре іезуита, а потомъ еще три королевскихъ коммисара изъ латино-польскихъ пановъ.

Приближался день, назначенный къ открытію собора. Православные все еще не хотѣли считать митрополита отпадшимъ отъ православія и, уважая его санъ, посылали избранныхъ лицъ привѣтствовать его и узнать о времени, мѣстѣ и порядкѣ дѣлъ на предстоящемъ соборѣ. Но прямого отвѣта отъ него не получили. Предъ самымъ днемъ собора послали привѣтствовать митрополита и бывшихъ съ нимъ владыкъ уже сами патріаршіе экзархи и приглашали ихъ явиться къ нимъ для совѣщанія о соборѣ. Но тѣ дали отвѣтъ: «подумаемъ, если слѣдуетъ явиться, явимся»,—и не явились. Была впрочемъ молва, что самъ-то митрополитъ готовъ былъ и даже хотѣлъ видѣться съ патріаршими экзархами, посовѣщаться и порадѣть съ ними объ огражденіи

православія на соборѣ. Но главные зачинщики уніи съ своими пособниками іезуитами и бискупами, въ ночь предъ днемъ собора, такъ налегли на митрополита, что не въ мочь было ему исполнить свое желаніе.

Насталъ и день собора, 6-е октября въ среду. Православные хотѣли собраться въ какой-нибудь церкви, чтобы ожидать уже отъ самого митрополита приглашенія на соборъ. Но всѣ церкви въ Брестѣ оказались запертыми. Заперъ ихъ Поцѣй, имѣвшій тутъ власть какъ мѣстный владыка. Это было уже явное насиліе православнымъ. Будучи здѣсь въ великомъ числѣ, они могли бы силою занять и открыть для себя какую-либо церковь; но, какъ добрые христіане, не хотѣли прибѣгать къ силѣ. Спокойно собрались они въ одномъ большомъ домѣ, чтобы здѣсь ждать вѣсти отъ митрополита. Проходили часы за часами, а вѣсти не было. Тогда патріаршіе экзархи послали къ митрополиту шесть лицъ изъ старшихъ духовныхъ уже съ настоящимъ, по церковному обычаю, *письменнымъ извѣщеніемъ*, что они ждутъ митрополита для открытія собора въ томъ мѣстѣ, какое укажетъ онъ самъ. Посланные долго искали и не нашли митрополита и вручили извѣщеніе одному изъ бывшихъ съ нимъ владыкъ для передачи ему. Но еще не возвратились посланные, какъ дошла къ православнымъ вѣсть, что митрополитъ съ сообщниками уже открылъ соборъ. А сдѣлалъ это такъ: отслужилъ литургію въ церкви святаго Николая, прочиталъ молитвы обычныя предъ открытіемъ собора и сказалъ записать это, какъ первое дѣяніе собора. То, конечно, хорошо, что онъ помолился предъ началомъ собора; но хорошъ ли былъ самый соборъ? Устроился онъ тай-

комъ отъ православныхъ, въ небольшомъ кружкѣ сообщниковъ, уже принявшихъ унію, уже отдавшихся въ волю римскаго папы, такъ что они уже не имѣли своей воли разсуждать ни объ уніи, ни о православіи. Не смутились православные отъ такого неправаго уніатскаго собора и приступили къ открытію своего православнаго собора. И теперь, по христіанскому благоразумію, не хотѣли они силою врываться въ какую-либо изъ запертыхъ церквей. Открыли соборъ въ большой залѣ того же дома, гдѣ собрались: освятили ее по церковному, какъ молельню, поставили аналой съ святымъ евангеліемъ, а епископы съ священниками прочитали молитвы, обычныя предъ открытіемъ собора. То былъ величественный соборъ: во главѣ его были два патріаршіе экзарха, принесшіе благословеніе собору; епископы и уполномоченные епископовъ съ сонмомъ священства, собравшагося изъ всѣхъ концовъ Западной Россіи. То былъ составъ собственно духовнаго собора. Міряне же составили особое собраніе, на подобіе братскихъ церковныхъ собраній, чтобы засвидѣтельствовать предъ духовнымъ соборомъ свою вѣрность православію и быть свидѣтелями дѣяній духовнаго собора. Избраны были должностныя лица для завѣдыванія порядкомъ соборныхъ дѣяній. Когда все было благоустроено, возвысилъ голосъ просвѣщенный Гедеонъ, епископъ Львовскій. Онъ засвидѣтельствовалъ и непоколебимой вѣрности святой восточной церкви всѣхъ собравшихся на соборъ, осуждалъ митрополита Рагозу и владыкъ, не пожелавшихъ явиться предъ лице патріаршихъ экзарховъ и предложилъ разсмотрѣть дѣла уніи. Всѣ изъявили на то согласіе. А міряне съ своей стороны заявили, что имѣютъ наказы отъ своихъ

собратій по областямъ и городамъ, и готовы прочесть ихъ во свидѣтельство вѣрности ихъ православію. Но какъ уже наступилъ вечеръ, то на этомъ и закончились дѣянія перваго дня и были записаны.

На слѣдующій день, 7-го октября въ четвергъ, православные опять собрались и рѣшили все еще пождать, не будетъ ли къ нимъ пословъ отъ митрополита съ объясненіемъ вчерашняго поступка его и съ приглашеніемъ ихъ на совѣщанія. Ждали, ждали и ничего не дождались. Тогда сербскій бѣлградскій митрополитъ, ставъ предъ соборомъ, сказалъ: «ваша святыня ясно изволите видѣть, что митрополитъ съ владыками самъ себя осуждаетъ; онъ, очевидно, не осмѣливается предстать предъ соборъ вслѣдствіе дѣлъ, имъ затѣянныхъ». Всѣ признали справедливость этихъ словъ, но удержались произнесть соборное осужденіе митрополиту. Предсѣдатель собора, патріаршій экзархъ Никифоръ предложилъ отправить къ нему новое посольство изъ новыхъ шести духовныхъ лицъ со вторымъ увѣщаніемъ чрезъ грамату. Въ грамотѣ члены православнаго собора высказывали сожалѣніе, что митрополитъ присталъ къ латинянамъ, составилъ съ ними соборъ безъ совѣщанія съ православными, отвергали этотъ неправый соборъ и призывали митрополита раскаяться подъ угрозой церковнаго суда. На этотъ разъ посламъ, хотя и нескоро, удалось найти митрополита. Но онъ принялъ ихъ сердито и сказалъ, что отвѣта на грамоту не будетъ. Такъ поступилъ онъ потому, что теперь вмѣшались въ дѣло прибывшіе въ Брестъ три королевскіе коммисара, польскіе паны, взяли его подъ свою защиту и сказали вести соборъ безъ участія православныхъ. Когда послы ихъ возвратились отъ митрополита и

сообщили имъ отзывъ его, то было уже поздно, и пришлось на этомъ закончить дневное дѣло собора.

Насталъ и третій день собора, пятница, 8-го октября. Лишь только открылось соборное засѣданіе, какъ поднялись сильные голоса противъ митрополита и владыкъ за то, что оставили безъ вниманія два соборныя приглашенія. Но предсѣдатель собора предложилъ послать митрополиту и владыкамъ еще третій призывъ на соборъ, какъ того требуютъ церковныя правила. Избраны шесть старшихъ духовныхъ лицъ и посланы къ митрополиту съ этимъ призывомъ. На этотъ разъ они уже скоро нашли митрополита, скоро возвратились, но принесли отъ него такой отвѣтъ: «что сдѣлано, то сдѣлано и иначе быть или передѣлаться не можетъ; хорошо или худо мы поступили, только мы отдались западной церкви». То былъ голосъ скорбной души! Скорбѣлъ митрополитъ, когда его лестію и силою втягивали въ унію; скорбѣлъ еще болѣе, когда увидѣлъ, что Поцѣй и Терлецкій привезли изъ Рима не ту унію, какую допускалъ онъ, оберегая остатки православія, а ту, какую далъ имъ въ Римѣ папа по всей волѣ своей. Не пустили его видѣться съ православными въ день предъ соборомъ, томили его въ ночь предъ днемъ собора, не давали ему опомниться; а теперь, когда къ льстецамъ и насильникамъ изъ вожаковъ и ихъ совѣтниковъ— іезуитовъ и бискуповъ присоединились папы коммиссары, у митрополита отнята была послѣдняя воля. И вотъ далъ онъ посламъ православныхъ свой печальный отвѣтъ, послѣднія слова котораго показывали, что несчастный митрополитъ уже не зналъ, что творитъ: «хорошо или худо поступили мы, только мы отдались западной церкви!» Послѣ тако-

го отвѣта православному собору оставалось не ждать ничего болѣе. Предсѣдатель собора, патріаршій экзархъ обратился къ нему съ обширною рѣчью. Онъ осуждалъ митрополита и предавшихся на унію владыкъ за ихъ отступничество и тѣ смуты, которыя произвели они своимъ отступничествомъ; хвалилъ православныхъ духовныхъ и свѣтскихъ за ихъ твердость въ православіи; предостерегалъ тѣхъ русскихъ поповъ, которые ради земныхъ выгодъ и почестей или же изъ боязни вдались бы потомъ въ измѣну вѣрѣ своихъ отцовъ и наконецъ спросилъ: «когда и какимъ образомъ митрополитъ и владыки стали сговариваться на унію?» Въ отвѣтъ на это Кіево-Печерскій архимандритъ Никифоръ Туръ объяснилъ предъ соборомъ, когда и какъ началось и какъ велось это темное дѣло, а въ заключеніе сказалъ: «но всѣ мы православные, не только находящіеся здѣсь на соборѣ, но и оставшіеся по домамъ, рѣшительно не желаемъ уніи. Объ этомъ могутъ засвидѣтельствовать и міряне, послы отъ областей и ґородовъ, имѣющіе инструкціи (наказы) отъ своихъ собратій». Стали слушать эти инструкціи, которыхъ было нѣсколько десятковъ. Всѣ они сходились въ слѣдующихъ мысляхъ: 1) духовные, отступившіе отъ власти патріарховъ, должны быть наказаны лишеніемъ сана, какой имѣли до подчиненія ихъ папской власти; 2) помѣстный соборъ въ Брестѣ не въ правѣ постановить рѣшеніе о соединеніи съ римскою церковію, безъ согласія патріарховъ и всей Восточной церкви, безъ основательнаго соглашенія всѣхъ разностей по вѣрѣ между обѣими церквами, и только на основаніи, положенномъ двумя владыками, желавшими, чрезъ отступничество въ унію, прикрыть свои преступленія и пріобрѣсть себѣ вы-

годы и почести; напротивъ, древнее христіанское вѣроисповѣданіе, переданное нашимъ предкамъ отъ церкви восточной и содержимое доселѣ, подтвержденное законами привиллегіями и присягами королевскими, должно быть оставлено въ цѣлости и подтверждено, безъ перемѣны обрядовъ и прежней патріаршей власти. По выслушаніи такихъ инструкцій тотъ же Кіево-Печерскій архимандритъ отъ лица членовъ духовнаго собора сказалъ, что съ отступниками слѣдуетъ поступить по правиламъ святыхъ отцовъ. Предсѣдатель собора призналъ это справедливымъ. Но тутъ соборныя разсужденія были прерваны. Доложено было, что отъ королевскихъ коммиссаровъ принесено собору предложеніе выслать къ нимъ пословъ для выслушанія королевской воли. Въ числѣ принесшихъ предложеніе былъ іезуитъ Скарга, тотъ самый, который слылъ у своихъ великимъ мудрецомъ и первый пустилъ мысль объ уніи. Пока выбирали пословъ, хитрый іезуитъ успѣлъ заманить бывшихъ на соборѣ князя Константина Острожскаго и его сына въ особую комнату и здѣсь въ тайной бесѣдѣ пытался соблазнить ихъ въ унію. Но онъ потерпѣлъ полную неудачу. Между тѣмъ выбраны и отправлены къ королевскимъ коммиссарамъ послы изъ духовныхъ лицъ и во главѣ ихъ епископы Львовскій Гедеонъ и Перемышльскій Михаилъ. Длинную рѣчь повели къ нимъ коммиссары, именемъ короля склоняя на унію. Тутъ же явились Скарга и другой іезуитъ, чтобы вызывать пословъ на споръ о вѣрѣ. Но послы благоразумно сказали: «мы пришли не для спора съ іезуитами и обязаны прежде всего передать собору то, что говорили здѣсь коммиссары отъ имени короля, чтобы соборъ далъ на это свой отвѣтъ». Передъ

вечеромъ коммиссары получили отъ членовъ православнаго собора слѣдующій отвѣтъ: «мы принимаемъ, съ великою признательностію и благодарностію, попеченіе короля о водвореніи ненарушимаго согласія между его подданными и весьма рады приступить къ тому, какъ по христіанскому долгу, такъ и по желанію исполнить волю его королевской милости. Но мы видимъ изъ исторіи, что святое соединеніе церквей уже нѣсколько разъ было установляемо и столько же разъ было расторгаемо, потому что не были устраняемы всѣ къ нему препятствія. Не желая болѣе напрасно воздвигать такого непрочнаго зданія, мы желаемъ, чтобы къ соединенію церквей приступлено было съ возможною осмотрительностію, и избраны были надлежащіе пути и средства, и чтобы единеніе, созданное на прочномъ основаніи, могло существовать долго и, дай Боже, вѣчно. Но зная, какіе люди, въ настоящее время, подали поводъ къ переговорамъ о соединеніи церквей, зная, что нѣтъ на это согласія всей Восточной церкви и особенно патріарховъ, что переговоры объ уніи поручено вести владыкамъ, большею частію, подозрительнымъ, и что разности въ членахъ вѣры между обоими исповѣданіями не могутъ быть примирены здѣсь, мы не видимъ нынѣ добраго основанія для соединенія церквей. А чтобы наше несогласіе на унію не было объяснено королевскими послами въ дурную сторону и не навлекло на насъ королевской немилости, мы объявляемъ, что охотно приступимъ съ соединенію съ римскимъ костеломъ, когда согласится на то вся Восточная церковь и особенно патріархи, когда для этого избраны будутъ законные пути и приняты надлежащія мѣры, когда соглашены будутъ, въ самомъ

основаніи, всѣ разности въ догматахъ и обрядахъ между Восточною и Западною церковію, и когда, такимъ образомъ, проложится дорога къ прочному и неразрывному ихъ соединенію». То былъ добрый, христіанскій отвѣтъ! Православные не отвергали мысли о соединеніи церквей, памятуя, что и православная церковь всегда молится о мирѣ всего міра, о благосостояніи святыхъ церквей и о соединеніи всѣхъ». Но они видѣли, что та унія, къ которой король хотѣлъ приневолить ихъ, не есть истинное единеніе, что она дѣло неправое и нечистое; потому, отвергая такую унію, представляли дѣло истиннаго единенія временамъ будущимъ и волѣ Божіей. Наступившій вечеръ прекратилъ занятія собора за истекшій день. Настала четвертый день собора, суббота 9-ое октября. Королевскіе коммиссары сказали русскимъ владыкамъ-уніатамъ и латинскимъ бискупамъ кончать дѣло уніи. И вотъ одѣлись они въ свои церковныя облаченія и съ кучкою приневоленныхъ на унію русскихъ духовныхъ, а также польскихъ пановъ, на глазахъ глазѣвшей толпы народа, при колокольномъ звонѣ, двинулись въ церковь святаго Николая. Отслужили молебствіе о соединеніи церквей. Потомъ усѣлись по одной сторонѣ латинскіе бискупы и королевскіе коммиссары съ іезуитами, а по другой насупротивъ нихъ митрополитъ и владыки уніаты. Одинъ изъ владыкъ прочиталъ грамоту, по которой митрополитъ и владыки съ клятвою обязываются принять унію и признать власть папы. Какъ только кончилось чтеніе грамоты, латинскіе бискупы кинулись лобызаться съ русскими владыками и затѣмъ всѣ воспѣли хвалебную пѣснь Богу за унію. Пошли затѣмъ въ латинскій костелъ и тамъ пропѣли. Но увы! лживы-

ми окажутся эти знаки братанья латинянъ и уніатовъ. Обѣщено было русскимъ владыкамъ, что въ уніи они уравняются съ латинскими бискупами и получатъ заодно съ ними мѣста въ сенатѣ. Но потомъ не исполнено это обѣщаніе, не допустили бискупы уравнять съ собою русскихъ владыкъ, хотя и уніатовъ. Обѣщано было, что не будутъ совращать русскихъ уніатовъ въ латинство, не будутъ забирать русскихъ уніатскихъ церквей на латинскіе костелы: далеко не сдержано и это обѣщаніе. Словомъ обманули русскихъ владыкъ іезуиты, бискупы съ папою и королемъ во главѣ. А между тѣмъ окончательно предавшись на унію, митрополитъ и владыки принялись сейчасъ же въ концѣ своего собора карать православныхъ. Они объявили православныхъ епископовъ и всѣхъ духовныхъ лишенными сана; изрекали на нихъ проклятіе, издали о томъ грамоты и послали свое рѣшеніе на утвержденіе короля.

Рѣшительны были и дѣйствія православнаго собора въ этотъ послѣдній день его. Съ утра открывъ засѣданіе, онъ приступилъ къ суду надъ отступниками православія. Патріаршій экзархъ подробно изложилъ вины ихъ, указывая при этомъ и постановленія древнихъ святыхъ соборовъ, осуждающія такія вины. Выслушавъ это, соборъ потребовалъ, чтобы тотчасъ объявленъ былъ приговоръ надъ отступниками. Тогда экзархъ, какъ представитель патріарха, вставъ на возвышеніи и держа въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой Евангеліе, громко произнесъ: «святая Божія Восточная церковь повелѣваетъ намъ и настоящему собору, чтобы митрополитъ Михаилъ и сообщные съ нимъ владыки лишены были архіерейскаго достоинства и

служенія, епископской власти и всякаго духовнаго сана». Приговоръ подписали всѣ члены духовнаго собора и только они, какъ и слѣдовало по правиламъ церкви. Съ своей стороны православные міряне, какъ свидѣтели и послѣдователи рѣшеній духовнаго собора, въ союзѣ съ членами его составили и подписали слѣдующее заявленіе: «мы даемъ обѣтъ вѣры, совѣсти и чести, за себя и за нашихъ потомковъ, не слушать этихъ, осужденныхъ соборнымъ приговоромъ, митрополита и владыкъ, не повиноваться имъ, не допускать ихъ власти надъ нами, напротивъ, сколько возможно, противиться ихъ опредѣленіямъ, дѣйствіямъ и распоряженіямъ, и стоять твердо въ нашей святой вѣрѣ и при истинныхъ пастыряхъ нашей святой церкви, особенно при нашихъ патріархахъ, тщательно сохраняя огражденное законами общее спокойствіе и сопротивляясь всѣмъ притѣсненіямъ, насиліямъ и новизнамъ, которыми бы стали нарушать цѣлость и свободу нашего богослуженія, совершаемаго по древнему обычаю. Объявляемъ объ этомъ, прежде всего, предъ Господомъ Богомъ, потомъ и всему свѣту и, въ особенности, всѣмъ обитателямъ короны, великаго княжества литовскаго и русскихъ областей, къ коронѣ присоединенныхъ». Просьба къ королю и была отправлена еще съ собора чрезъ избранныхъ имъ пословъ. Посламъ данъ наказъ, чтобы явясь къ королю, они отъ имени пославшихъ засвидѣтельствовали о ихъ вѣрноподданности королю и затѣмъ сказали такъ: «собравшіеся въ Брестѣ на соборъ высшіе сановники, дворяне и другіе православные благодарятъ вашу королевскую милость за напоминаніе о соединеніи церквей. Они рады были бы пристать къ этому со-

единенію если бы не видѣли изъ прошлыхъ временъ, что подобное соединеніе, часто замышляемое, потомъ рушилось, потому что не было построено на истинномъ и твердомъ основаніи. Они усматриваютъ и теперь важныя препятствія къ признанію подобнаго непрочнаго и безполезнаго соединенія. Первое: они признаютъ себя членами и частію православной Восточной церкви, въ послушаніи которой пребывали шесть сотъ лѣтъ слишкомъ и безъ согласія же патріарховъ не могутъ входить въ соединеніе съ Западною церковью. Второе:—они не могутъ признать того соединенія, которое затѣяли и устроили нѣсколько владыкъ, людей подозрительныхъ; они не довѣряютъ имъ, опасаясь, что это соединеніе построено ими на худомъ основаніи. Третье: Римская церковь полагаетъ въ основѣ единенія власть папы, какъ будто бы единаго верховнаго и всеобщаго пастыря, а они, православные, не признаютъ такимъ пастыремъ никого, кромѣ Господа Іисуса Христа, котораго и Апостолъ Петръ называетъ пастыреначальникомъ. Къ тому же православные опасаются, что за подчиненіемъ папѣ могутъ послѣдовать и другія нарушенія въ догматахъ вѣры и обрядахъ православной церкви. По всему этому они, давъ твердый обѣтъ стоять при своей вѣрѣ и церкви, усердно и смиренно просятъ короля не допускать нарушенія церковныхъ и гражданскихъ правъ ихъ, согласно обѣщаніямъ и присягамъ, даннымъ на это его предмѣстниками и имъ самимъ. Они покорно и усильно просятъ, чтобы митрополитъ и владыки, отдавшіеся па унію подъ власть папы были, согласно рѣшенію православнаго духовнаго собора, устранены отъ ихъ мѣстъ и что бы церкви православной дозволено было избрать и поставить

на ихъ мѣсто другихъ пастырей, вѣрныхъ православію.

Такъ кончился Брестскій соборъ, которымъ завершился первый свыше трехвѣковой періодъ борьбы Западной Руси за свою вѣру православную и неразлучную съ нею народность русскую. Не были уважены королемъ просьбы православнаго собора; напротивъ, слѣдуя внушеніямъ папы, іезуитовъ, латино-польскихъ бискуповъ и пановъ, онъ всѣми мѣрами старался поддержать отступниковъ православія, помогать имъ распространить свою унію; а іезуиты и бискупы, въ союзѣ съ папами, примутся распространять и самое латинство среди православныхъ Западной Руси. Такимъ образомъ со времени Брестскаго собора начнется для нея другой свыше двухсотлѣтній періодъ новой, болѣе трудной и тяжкой борьбы за свою вѣру и народность. Много испытаетъ она страданій и потерь, но проявитъ и великіе подвиги вѣры и любви къ своей народности. Милость Божія не оставитъ ее. Придетъ ей на помощь единовѣрная и единоплеменная Восточная Россія.

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

(Книги предназначаются для школьныхъ библіотекъ, также для народнаго чтенія).

Выпускъ I.

коп.

1. **Псалтирь съ толкованіемъ для народнаго чтенія.** I. «Шестопсалміе и богослужебные часы» 30
2. **Святыя мѣста и святыни на Востокѣ и въ Россіи.** Выпускъ I. 40
3. **Москва, ея святыни и памятники.** Избранныя статьи по описанію Москвы. 30
4. **Псалтырникъ.** Повѣсть изъ галицко-русской народной жизни о. Іоанна Наумовича 20
5. **Четыре путеводителя доброй жизни:** страхъ Божій, мудрость, трезвость, трудъ. Разсказъ о. Іоанна Наумовича. Съ галицко-русскаго нарѣчія переложилъ А. Давидовичъ 20
6. **Сироты.** Историческая повѣсть для народа о. Іоанна Наумовича. Съ галицко-русскаго нарѣчія переложилъ А. Давидовичъ 20
7. **Завѣтныя три липы.** Историческая повѣсть для народа о. Іоанна Наумовича. Съ галицко-русскаго нарѣчія переложилъ А. Давидовичъ 20
8. **Избранныя сочиненія А. С. Пушкина.** Томъ I . . 35
9. **Басни и баснописцы.** Съ жизнеописаніями и примѣчаніями А. Филонова 25
10. **Народная поэзія.** Былины, пѣсни, духовные стихи. Съ введеніемъ и объяснительнымъ словаремъ. Составилъ А. Оксеновъ. 30
11. **Русская земля** (природа страны, населеніе и его промыслы). Сборникъ для народнаго чтенія. Томъ I. Сѣверный край. Составилъ И. Поддубный 30
12. **Сельскій огородъ, плодовый и ягодный садъ.** Составилъ В. Н. Маракуевъ. 30

Выпускъ II.

1. **Ученіе отцовъ Церкви православной о вѣрѣ и жизни христіанской** (Статьи, избранныя изъ твореній отеческихъ). Профессора В. Ѳ. Пѣвницкаго . . . 30
2. **Псалтирь съ толкованіемъ для народнаго чтенія.** Выпускъ II 30
3. **Святыя мѣста и святыни на Востокѣ и въ Россіи.** Выпускъ II. Составилъ П. Петрушевскій. 30
4. **Во славу Божію.** Сборникъ духовныхъ стихотвореній. Составилъ А. Оксеновъ. 30
5. **Подвижники и страдальцы за землю русскую.** Составилъ священникъ Едлинскій 30
6. **Преподобный Сергій Радонежскій чудотворецъ** . 30
7. **Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность.** Профессора И. И. Малышевскаго. Томъ I. 30
8. **Никонъ, святѣйшій патріархъ всероссійскій,** и основанный имъ Новый Іерусалимъ. Составилъ Г. Георгіевскій 30
9. **Праздничныя службы и церковныя торжества въ старой Москвѣ.** Составилъ Г. Георгіевскій. 30
10. **Русская земля** (природа страны, населеніе и его промыслы). Сборникъ для народнаго чтенія. Томъ II. Озерный край. Составилъ И. Поддубный. 30
11. **Избранныя сочиненія А. С. Пушкина.** Томъ II. . 30
12. **Избранныя сочиненія А. С. Пушкина.** Томъ III. . 30
13. **Максимъ богачъ или судъ Божій.** Протоіерея Наумовича. 30
14. **Герои древней Греціи.** Составилъ І. Сенцговъ. . . 30
15. **Практическое пчеловодство.** Сочиненіе Кована . . 30
16. **Сельскохозяйственныя бесѣды.** Полеводство. Составилъ Ѳ. Тарапыгинъ. 30
17. **Сельскохозяйственныя бесѣды.** Скотоводство (Лошадь, корова, овца и свинья). Составилъ Ѳ. Тарапыгинъ. 30
18. **Сельскіе хоры.** Сборникъ для школьнаго и народнаго пѣнія. Редакція В. И. Шемякина и В. И. Главача. . 75

Складъ въ магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина, въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Варшавѣ и Нижегородской ярмаркѣ.